1861
ВОКРУГ СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU
Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики
ПОЛДЕНЬ
XXI
ВЕК
Заложники
август
2009
РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ
ISSN 977-172784900-5
9 771727 849005

Клуб читателей «Вокруг света»

- прямая подписка
- он-лайн информация по каждому этапу доставки
- календарь клубных событий
- скидки, подарки и конкурсы
- новинки издательства
- рекомендации экспертов

Клуб почетных читателей – это сообщество людей, познающих мир с «Вокруг света»: первым познавательным журналом «Вокруг света», альманахом фантастики «Полдень. XXI век» и путеводителями «Вокруг света».

Клуб объединяет самых активных читателей, представляет им возможность общения и неформальных встреч с редакцией, участия в специальных акциях и конкурсах, прямой подписке.

Подробная информация о Клубе почетных читателей и условиях подписки на журнал «Вокруг света» и альманах «Полдень. XXI век» на сайте http://www.vokrugsveta.ru/club

РЕКЛАМА

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Льготная подписка действительна для предъявителей подписного купона за предыдущий период

1861
ВОКРУГ СВЕТА

РЕКЛАМА

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

АВГУСТ
2009

ЗАЛОЖНИКИ

ВОКРУГ СВЕТА

УДК 312.9

ПОЛДЕНЬ, XXI век
ЗАЛОЖНИКИ

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство "ВОКРУГ СВЕТА"»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы ООО «Видео Интернешнл-Пресс ВИ»:
Осенний бульвар, 25, 14 этаж, тел.: (495) 937 07 66, 973 07 67.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продажи: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.
Изд.лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 06.07.09. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$
Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 22 800
Заказ № 1458
ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-257-9

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОН»)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

© Текст, составление, оригинал-макет – ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА», 2009

Колонка дежурного по номеру

Наткнулся недавно на фильм по ТВ об одном смотрителе заповедника на Камчатке. Он погиб в тайге зимой, фотографируя с близкого расстояния огромного бурого медведя. И медведь его загрыз. Этого медведя смотритель ласково называл Желтуша. А фотографировал, как я понимаю, не просто на память, а чтобы поместить где-то эти снимки и получить за них деньги. Эти изображения очень ценились.

В фильме использован прием реконструкции событий. И мы видим, как смотритель передвигается по глубокому снегу на лыжах, потом втыкает лыжи в снег и идет с фотоаппаратом по лесу, проваливаясь почти по пояс.

И вот первый кадр с того фотоаппарата: медведь выныривает из озерка (там горячие источники, если кто помнит) и глядит на нашего смотрителя удивленно. Мол, ты опять пришел, человек?

А потом, недовольно урча, начинает улепетывать прочь.

Но человеку этого мало, он хочет приблизиться и сфотографировать крупно морду медведя. Не телеобъективом, а вот так — на расстоянии двух метров.

Медведь недоволен, он оглядывается и издает угрожающие звуки. Но пока еще улепетывает.

Наконец медведь останавливается и ждет, всем своим видом предупреждая: дальше нельзя, будет плохо. Но человек в жажде наживы, сжимая фотоаппарат, крадется к нему...

Вот он наводит объектив, фокусирует. И тут следует молниеносный бросок медведя. Кто придумал, что медведи неуклюжи? Они быстрее молнии, когда им грозит опасность.

Человек не успел даже прыснуть ему в глаза перечным распылителем — этим средством пользуются, чтобы отпугнуть дикого зверя. А ружья у человека не было, только фотоаппарат. Да и не помогло бы ружьё.

...Его окоченевший труп отыскали через несколько дней. Рядом в снегу нашли фотоаппарат с последними снимками Желтуши — приветливого бурого медведя весом в полтонны. Приветливого, пока его не достали.

От человека останется очень много всяких фотоаппаратов и более серьезной техники для исследования Природы, когда она наконец огрызнется по-настоящему.

Александр Житинский

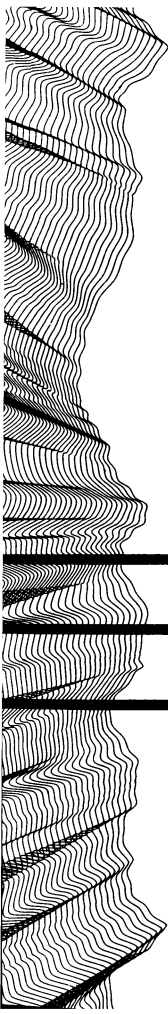
«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Светлана Головатюк
Исполнительный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Главный художник Юрий Токарев
Коммерческий директор Евгения Цой
PR-менеджеры Денис Мартынцев, Лейла Умерова
Менеджер по распространению Юлия Лысова
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев, Николай Новотный
Иллюстрация на обложке Николай Панин
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологи: Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков
Координатор Елена Сапожкова

Редакция:
Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

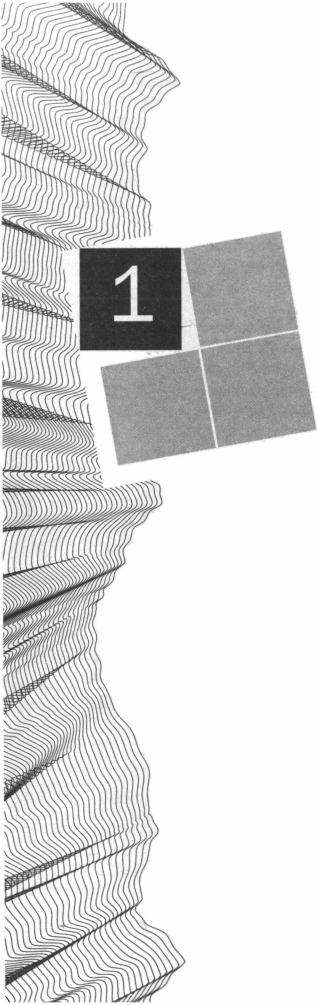
Общественный Совет при журнале:
Андрей Измайлов
www.mo-nast.ru
Святослав Логинов
www.rusf.ru/loginov
Евгений Лукин
www.rusf.ru/lukin
Сергей Лукьяненко
www.rusf.ru/lukian
Сергей Переслегин
okh.nm.ru
Вячеслав Рыбаков
www.rusf.ru/rybakov
Михаил Успенский
www.list.krasline.ru/writers/uspensk
Александр Щёголев
www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

АВГУСТ (56) 2009



Истории
Образы
Фантазии


1

ОЛЬГА СИЛАЕВА

Заложники

Рассказ

— Но почему мы? Обычно ведь берут,
понимаешь, всяких других…
— Другие кончились.
Виктор Шендерович. «Куклы»

Чиновник не был злодеем. Так, усталый отец большого семейства. Такой же снулый, как дождь за окном.

— Снова вы здесь, господин Соколов, — чиновник поморщился. — Давайте ваши бумаги. В этот раз ничего не забыли?

Я пожал плечами. В центре усыновления не задают вопросов просто так. Лучше промолчать. Одинокие выпускники приютов и без того группа риска…

Пуговка в ухе негромко пересказывала последние новости. «…Матч на звание чемпиона мира по шахматам состоится в Эдинбургском замке… Двенадцатилетний Алексей Авдеев — самый молодой претендент на корону со времен…»

— Забыли, — удовлетворенно сказал чиновник. — Поверните вправо. Ага, значит, имплантат в ухе носим, а в анкете не указали. Нехорошо… А вы знаете, что почти все носители пуговки со временем глохнут на левое ухо?

— Что?

— Вот-вот, — он вздохнул. — Раньше телевизоры не выключали, а теперь… эх. Без чужого голоса жить не могут. Холодно стало…

— Осень, — тихо сказал я.

— Да, осень… Проходите.

Вдоль прозрачных стен располагались уютные кресла. Первый этаж ломился от мягких игрушек: редко на каком диване

не валялся забытый плюшевый мишка или смешной розовый заяц. То ли организаторы испугались, что внутри будет пахнуть одиночеством и больницей, то ли просто решили подзаработать. Так или иначе, за стеклянными перегородками расположился огромный и радужный «Детский мир». Лучший в городе, как говорят.

Мне здесь покупать нечего. Если только Юльке и ее мальчишкам... Но они, наверное, меня и не вспомнят. А местным детям нужно другое. Да и возраст не тот: десять лет и старше, требуется осознанное согласие на усыновление, письменного заявления достаточно, чтобы начать процедуру по лишению матери и отца родительских прав. Все согласно федеральным законам: логично, сухо, безжалостно.

И наоборот — так же.

— Я не понимаю, Лена, как ты можешь быть против, — послышался взволнованный голос. — Мы с отцом не для того тебя рожали, чтобы вырастить эгоистку!

— Мам, ну нас и так в комнате уже двое! Зачем тебе еще?

— Во-первых, не мне, а нам всем. Во-вторых, ты уже через три года поступаешь, Маришка одна остается. А в-третьих, ты думаешь, они там по двое в комнате живут?

— Да хоть по семеро!

Мимо, скрипя кедами по блестящему полу, пронеслась долговязая девчонка. За ней, удрученно, «на публику», покачав головой, прошла к лифтам полная женщина. Последним плелся лысеющий мужчина за руку со светловолосой малышкой лет семи. Про таких девчушек говорят: колокольчик. Глаза голубые, а у родителей и старшей дочери — темные...

Обычное дело.

В пуговке щелкнуло: блок новостей закончился, и ведущий перешел на обычный утренний треп. «Семь часов пятьдесят минут в Твери, и с вами, как всегда, ди-джей Гильотен, лучшее средство от головы: первое лезвие бреет чисто, второе — еще чище! Ну, что повесили носы? Дождик-дождик, лейка, скамейка? А скажите, дорогие мои, многие ли из вас помнят, что сегодня Родительский день? Да, всякое бывает, не хочу вам портить настроение с утра, но многие детишки остаются без родителей просто потому, что папе с мамой они больше не нуж-ны. Пишешь заявление в районную комиссию, подписываешь отказ от прав — и вуаля, ни забот, ни алиментов, можно продавать фазенду и двигать в Штаты. Хотя цены на нефть сами знаете какие, так что можно и не дергаться. Правнуки Барака Обамы скоро сами к нам приедут,

ботинки в переходах чистить. Так вот, о детишках: областной центр усыновления напоминает, что…»

Я убрал звук. Не сегодня.

Не сейчас.

Я подошел к терминалу. На экране сменяли друг друга детские фотографии. Возраст, имя, увлечения, успеваемость, хронические болезни… Хорошо еще в мое время этого не было. Видят боги, я и так не мог побыть один. Ни в учебной аудитории, ни в туалете, где закрывалась только одна дверь из четырех, ни в комнате, ни на подоконнике. А знать, что кто-то то и дело смотрит твои данные, разглядывает лицо, читает детские стихи… Нет, спасибо.

Дверь женского туалета приоткрылась. Сначала на свет выползла моющая машина, потом ножка в изящной туфельке на высоком каблуке и наконец — неопределенного возраста блондинка в халате уборщицы. Воровато оглядываясь, она покатила поломойку к лифтам.

Я остолбенел. Это с каких пор технички носят туфли из крокодиловой кожи?

Бросив прощальный взгляд на терминал, я последовал за женщиной. Все равно придется ехать наверх, рано или поздно. Так лучше рано.

У лифтов почти никого не было. Я поискал взглядом блондинку, но она исчезла. Бродил с сумрачным видом черноволосый мужчина с рюкзаком, и чуть поодаль сотрудница центра что-то втолковывала мальчику лет десяти.

— Ну хорошо, — донеслось до меня. — Но только пять минут, Саша! Зайдем, посмотрим, и сразу назад. Обещаешь?

Саша энергично кивнул.

Двери лифта звякнули, открываясь. Я пропустил остальных вперед и замер на пороге. Ехать, не ехать? Ведь если честно, разве я могу что-то дать такому ребенку? Ему нужна семья…

— Молодой человек, вы заходите? — окликнула меня сотрудница центра. «Пичугина Светлана Витальевна» значилось под ее фото.

— Да, конечно… Простите.

Она мельком глянула на мой пропуск визитера и тут же заулыбалась.

— Тот самый Родион Соколов! А я смотрю, где-то я вашу фотографию видела… Мы с мужем в ту субботу были на вашей выставке. На следующей неделе ребят поведу. Саша, правда, уже не пойдет, разве что с родителями, — она счастливо

рассмеялась. — Сегодня последнее собеседование. Документы уже готовы.

Черноволосый мужчина вздрогнул и дернулся, будто собираясь выйти. Светлана не обратила на него внимания.

Двери сошлись за моей спиной, и лифт начал подниматься.

— Замечательно, — я неловко улыбнулся. — Долго они… готовили документы?

— Ну что вы! Меньше месяца. Справки уже год как собирать не надо, проверили по базе — и привет. Главное, чтобы человек был хороший, — она профессионально цепко обежала меня глазами и снова улыбнулась, теперь уже дежурной улыбкой. — Вам нужна помощь?

— Если только с тем, чтобы найти зал, где будет консультация, — неуклюже отшутился я.

— А мы на крышу и едем, — кивнула она. — Там раньше был зимний сад, а теперь конференц-зал. Саша очень хочет посмотреть на город сверху: он никогда не был на небоскребе. В первый раз действительно дух захватывает.

Лифт остановился на сороковом этаже, и мы направились ко второму блоку. На указателе горела табличка: «Этажи 41-80».

— Подождите, пожалуйста, — окликнул нас черноволосый мужчина. Повернувшись к нам спиной, он доставал что-то из рюкзака.

Светлана обернулась.

— Да?

Ей в лицо смотрел пистолет.

— Кто побежит, стреляю сразу, — сухо произнес черноволосый. — Руки за голову.

За спиной у него с мелодичным перезвоном закрылись дверцы лифта.

В первую секунду меня хлестнул незнакомый жар: в грудь, в уши, в ошеломленные глаза. Ужас? Стыд? Я не успел понять: следом пришло глубокое облегчение, словно меня окатили прозрачной ключевой водой. «Паруса» дописаны, цифровые копии выложены в сеть. Все, что произойдет теперь, неважно.

Я медленно поднял руки за голову. Светлана с каменным лицом сплела пальцы за гладкой прической и оперлась на стену. Мальчишка (Саша, его зовут Саша!) упрямо скрестил руки на груди.

Черноволосый молча указал на коридор.

В лифте никто не произнес ни слова. Лишь на табло со щелканьем менялись числа. «60… 61… 62…»

— Вам это даром не пройдет, — вдруг сказал Саша. — На крыше стекло. Его разобьют и кинут гранату с газом, как в восьмом «Терминаторе». Или посадят вертолет и всех эвакуируют, как когда китайцы на Путина покушались!

— Саша, солнышко, помолчи, — тихо сказала Светлана.

— Стекло бронированное, односторонней прозрачности, — сверкнул зубами черноволосый. — Я долго готовился.

Двери с похоронным звоном раскрылись.

В углу холла стояла знакомая моющая машина. На ней лежал свернутый фиалковый халатик.

— В зал, — коротко сказал черноволосый.

— Как вас зовут? — спросил я. Пропуска на его груди не было.

— Виктор, — он усмехнулся. — А фамилия — Авдеев. Слышали?

Я нахмурился. Где-то, кажется, да…

— Вперед, — он махнул стволом пистолета, словно девушка — сложенным веером. — Лифты сейчас…

Над лифтами зажглась красная лампочка.

— …перестанут работать, — закончил Виктор. — Маленький подарок от моих друзей из солнечного Китая. Проходите.

Светлана с молчаливым достоинством, не опуская рук, двинулась вверх по ступеням. Саша с обожанием посмотрел на нее, хмуро — на террориста и побрел следом. Я замыкал шествие.

Наверное, настоящий мужчина развернулся бы, ударил Виктора в висок локтем, вышиб точным взмахом ноги пистолет и удерживал негодяя до приезда милиции. Наверное, я когда-то слишком серьезно воспринял совет не геройствовать. Наверное, у меня просто не хватило бы сил. Наверное.

Конференц-зал напоминал пустую школьную аудиторию, только без парт. Экран на стенде, узкий столик с ноутбуком, пластиковые стулья. В третьем ряду сидела давешняя блондинка, теперь уже в строгом брючном костюме. Увидев меня, она улыбнулась и приложила палец к губам. И побледнела.

— Всем встать, — отчетливо произнес Виктор. — И уберите затемнение. Я хочу видеть, что происходит вокруг.

Последние слова он адресовал парню-технику, что крутился у ноутбука. Парень разом спал с лица и набрал какую-то команду. Вокруг посветлело: потолок и стены медленно становились прозрачными.

Я обвел взглядом зал. Ф-фух, пусто…

Нет. От столиков, на которых были разложены проспекты, обернулась знакомая полная дама. Ее старшая дочь, Лена, мрачно смотрела в светлеющее стекло, младшая щебетала, прижимая к себе плюшевого слона. Отец девочек уныло листал яркий журнал.

— Артур, — дрожащим голосом пролепетала женщина. — Посмотри…

— Тань, ну что еще? — ее муж устало поднял голову.

И выронил журнал. На пол посыпались фирменные пакетики и пробники. Светлана поморщилась.

— Все стулья — к той стене. Если не хватит одного ряда, ставьте сверху, — Виктор посмотрел на нас. Мы не шевелились. — Я говорю по-китайски?

— По-русски, — механически ответил я.

— Но вы не понимаете, — довершил он. — Хорошо. Мальчик, подойди сюда, пожалуйста.

— Не смейте, — прошептала Светлана.

Саша шагнул раз, другой, словно против воли. Взгляд его не отрывался от руки с пистолетом.

— Хорошо… Видишь девочку с плюшевым слоном? Видишь ее? Приведи ее ко мне.

— Только попробуй!

Полная женщина рывком засунула дочь за спину.

— Мужики вы или кто? — выкрикнула она. — Одного полудурка со стволом прищучить не можете! Здесь дети, понимаете вы! Нет? Ну что же вы?!

— Если вы мне помешаете, — спокойно сказал Виктор, — я убью их троих. А потом подойду к вам. Трудно начать, а продолжить совсем не сложно.

— Таня… — ее муж, Артур, осторожно погладил жену по плечу. Та стряхнула его руку.

— Мариша, не подходи к нему, — высоким голосом сказала она. — Дядя тебя обидит. Не надо к нему ходить.

Девочка недоуменно моргнула. Саша на негнущихся ногах двинулся к ней.

— Достаточно, — произнес Виктор, когда до девочки осталось несколько шагов. — А теперь возьми у нее слона и вернись с ним.

Мальчик выполнил его просьбу. В зале стояла мертвая тишина.

— Он живой, — тревожно сказала Маришка. — Я его с ложки кормила. Не обижайте его… пожалуйста.

— Извини, Мариша, — ровным голосом сказал Виктор. — Но бездушная игрушка — лучше, чем твоя мама, верно?

Он быстрым, отработанным движением вскинул оружие и выстрелил слоненку в голову. Раздался негромкий хлопок.

— Он живой!! Не надо!

Девочка бросилась к игрушке. Серый плюшевый слон лежал на полу, раскинув лапы, словно и впрямь стал на миг живым существом.

— Ты, — Виктор ткнул пальцем в парня-техника. — Вниз, живо. Расскажи им все и добавь, что в этом рюкзаке хватит взрывчатки, чтобы обрушить пару этажей. Если через пятнадцать минут мне не позвонят, я буду знать, кого в этом винить.

Парень, явно не веря своему счастью, на полусогнутых ногах попятился к выходу. Дверь за ним закрылась, и на миг мне показалось, что мы остались без воздуха.

— А теперь, — Виктор обвел нас взглядом, — может быть, кто-то еще откажется двигать стулья?

Желающих не нашлось.

Я таскал мебель медленно, через силу. Внутренний голос шептал: пока мы переносим стулья, мы живы. Остальных, похоже, обуревали те же чувства. Светлана то и дело подчеркнуто вытирала пот со лба, блондинка почти не двигалась. Маришка беззвучно плакала на полу. Ее отец подошел было к ней, но, наткнувшись на взгляд Виктора, увял и, сгорбившись, подхватил четыре стула разом.

Когда посреди зала остался лишь один стул, Виктор жестом остановил нас.

— Сумки, телефоны, бумажники, куртки, пиджаки — к стене, — негромко сказал он. — Весь пол в вашем распоряжении.

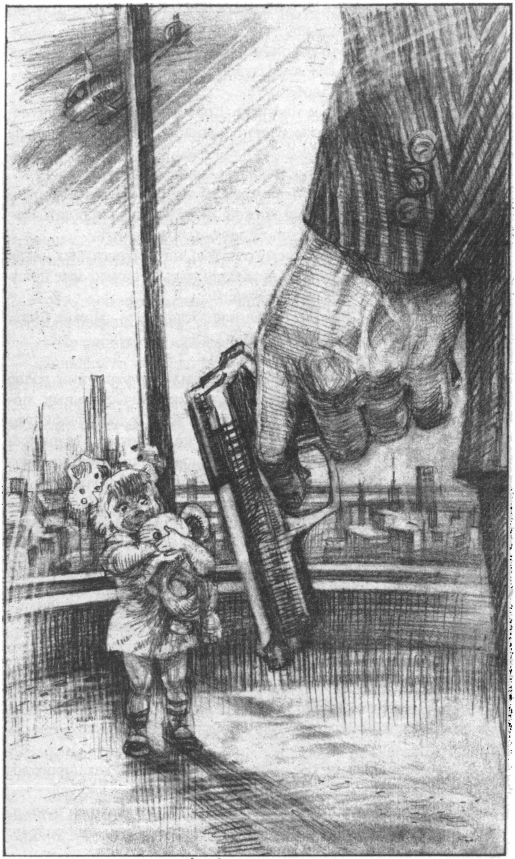
— Стулья же есть, — грубовато сказала долговязая девчонка.

— Лена, не начинай, — почти шепотом попросила ее мать.

Я расстегнул пальто и бросил его на растущую груду вещей. Бумажник, телефон, ключи, паспорт… На пол упала визитка господина мэра. Я чуть не расхохотался. Выпросить у Виктора звонок, что ли? «Доброе утро! У вас в приемной висит моя картина, помните? Вам еще одну не написать? Только вот есть затруднение…»

Ах, да: секретарь не соединит. Мэр Твери не ведет переговоров с террористами. Этим и славен.

Я уселся на пол и скрестил ноги по-турецки, сминая брюки. Странно: с тех пор, как нас завели в конференц-зал, я ни разу не посмотрел наверх, в небо. Да что небо — вокруг!



Я попробовал поднять голову, но мышцы отказались повиноваться. Мысли текли своим чередом, мозг по-прежнему пытался отдавать приказы, но тело начало действовать по законам, которых я, кажется, уже не понимал.

Страх? Я боюсь?

Я с усилием вскинул голову, разминая шею. А если бы со мной был мой ребенок? Я бы тоже боялся?

Виктор быстро двигался вдоль внутренней стены, приматывая к ней скотчем горчичного цвета бруски. Остальные разместились в нескольких метрах от меня.

Мать прижимала к себе младшую девочку. Ее старшая дочь сидела поодаль, уткнув нос в колени. Светлана, помедлив, сняла элегантные туфли и опустилась на пол, подобрав юбку. Артур и мальчик Саша остались стоять.

Я повернул голову. За стеклом начинался нормальный мир. Пасмурное утро, сонный еще проспект Чайковского, невидимые пешеходы на Трехсвятской. И все это — даже городские голуби, даже ошалевшие от высоты вороны — внизу; не достать, не угнаться.

Я вспомнил свою первую и единственную поездку в Нью-Йорк. Как я забрался на Эмпайр Стэйт Билдинг, несмотря на пасмурную погоду, прыгая по лифтам и приникая к сетке ограждения. Мне не нужны были бинокли: я хотел видеть небо, цветущие вишни в Центральном парке, клочки облаков — пушистые издалека и такие холодные вблизи, Таймс-сквер и Гарлем. Чудо, которого я был лишен все шестнадцать лет в приюте. Чудо, которое я хочу подарить…

— Родители, когда приходят сюда, думают о хорошем, — раздался голос над ухом. — Они сидят на вершине мира, и мы заставляем их верить, что мир изменится.

Блондинка в крокодильих туфлях серьезно смотрела на меня.

— Вы ведь тоже за этим пришли? Изменить мир?

Я не успел ответить. На ноутбуке, забытом у стенда, запищал зуммер. Видеоконференция?

Виктор нажал кнопку.

— Да?

На большом экране появился человек. Седоватый, мужественный, спокойный. Если бы он снялся в роли главы штаба по освобождению заложников, я дал бы ему «Оскара» не глядя.

— Я готов вас выслушать, Виктор, — проговорил он.

— Вы уже знаете, кто я, — Виктор усмехнулся. — Хорошо, хорошо…

Он щелкнул какими-то клавишами, потом замер.

— Мне нужен честный ответ, — медленно произнес он. — В этом зале есть следящие камеры?

— Ваши друзья их отключили, — быстро ответил человек. — Будет лучше, если вы вернете изображение, Виктор. Что произошло? Что толкнуло вас на такой шаг?

— Я сейчас выдам вам своих сообщников, — Виктор скрестил руки на груди, не выпуская пистолет. — Тао Хо и Су Фань, двое студентов стоматологической академии. Где их искать, вы знаете. Я бы не стал проверять общежитие, а сразу погнался в Шереметьево-4.

— Снова урежут квоты на иностранцев, — пробормотала блондинка. — Чем бы дитя ни тешилось…

— Конечно, мы проверим ваши сведения, Виктор, — кивнул человек на экране. — Может быть, кому-то нужна медицинская помощь? Среди вас есть пострадавшие?

— Все целы, — Виктор покачал головой. — Правда, слону не повезло.

— Пожалуйста, повторите…

— Плюшевые игрушки не чувствуют боли, — перебил Виктор. Голос его опасно взвился. — В отличие от детей. Я хочу видеть сына.

— Виктор, ваш сын подписал отказ от прав. Я хочу помочь вам, но если он сам не захочет с вами встречаться…

— Значит, объясните ему, что восемь человек умрут, если у него не найдется времени поговорить с отцом, — отрезал Виктор. — И опекунам скажите то же самое. У вас полчаса.

Он вдавил клавишу так, что ноутбук жалобно пискнул. Экран погас.

— Усыновители, — процедил террорист, проходя вдоль стенда к стеклу. — Туристы. Сейчас я вам устрою… консультацию.

— Виктор, сын любит вас, — произнесла Светлана. — Все дети, даже те, кто расписывается в бланках отказов, помнят родителей. Природу не обмануть.

— Тогда почему они подписывают бланки? — опасно спокойным тоном спросил Виктор. — Почему поворачиваются спиной?

— Я могу объяснить.

Виктор со слабым интересом посмотрел на нее.

— Хотите меня переубедить? А что ж, попробуйте.

Я прикрыл глаза. Да, попробуй, Светлана. Говори ему то, что он хочет услышать.

Спаси нас.

— Давайте… зайдем с другого конца, — Светлана запнулась, но лишь на мгновение. — С чего все началось? Возьмите обычную девушку. Пять лет она работала, выгрызала себе кусочек уюта, квартиру, жизнь. Только устроилась, завела роман, и раз — узнает, что ждет ребенка. Молодой человек вмиг испаряется или уговаривает ее «подождать». Что она сделает? Окажется на улице без работы, с долгом за квартиру? Нет, пойдет и прервет беременность. Потому каждой матери и выплачиваются послеродовые компенсации, потому и идут жесткие кампании против наркоманок и алкоголичек. Та девушка родит здорового ребенка, получит сумму, которой ей хватит года на три-четыре, и потом уже решит, воспитывать его или сдать в интернат, где он голодным и босым не останется. Причем, заметьте, общество ее не осудит. Так кому стало хуже?

— Я понял, — вежливо произнес Виктор. — Должно быть, вы так и поступили. У вас все?

— Та девушка хотела выбирать, — настойчиво продолжала Светлана. — Вы не живете всю жизнь с нелюбимой женой: каждый вечер вы отправляетесь к женщине, чья улыбка вам приятна. Взрослого человека нельзя заставить жить с нежеланным ребенком: он искалечит его и себя. Бюджет захлебывается от нефтяных денег, алиментов платить не нужно. Но если вы хотите дышать полной грудью — дайте воздуха и сыну. Право на выбор имеет каждый.

— Вы понимаете, что такое ответственность за другое живое существо? — тихо-тихо спросил Виктор.

Светлана сглотнула. Я догадывался, что она собиралась ответить. «Должно быть, вы это очень хорошо представляете — здесь, с пистолетом в руке».

— Вы знаете, как легко заставить ребенка сделать то, чего хочется вам? — он повысил голос. — Вымыть руки, прийти домой засветло, сделать уроки? А может быть, открыть рот или приспустить штаны перед дядей? Или согласиться на такой невинный, такой безобидный укольчик? Или убедить мальчика, что ты один желаешь ему добра, а папа висит у него гирей на шее?

— Виктор, преступления совершаются не только над детьми…

— Над очень талантливыми детьми, — подчеркивая каждое слово, произнес Виктор. — Над гениальными детьми, любящими своих родителей.

Он кивнул вниз, на памятник Афанасию Никитину.

— Лешка когда-то меня таким видел. Первопроходцем, благородным героем, путешественником. Через площадь от памятника стоит церковь — в ней при Советах был шахматный клуб. Потом здание вернули церкви, детей, конечно, выгнали на улицу. А лет восемь назад открыли новый клуб, на Трехсвятской. Туда я Алексея и привел.

Алексей Авдеев, вспомнил я утренние новости. Самый молодой претендент на звание чемпиона мира по шахматам…

— Вам помогли китайцы, потому что Тао Ван — чемпион мира? — незнакомым надтреснутым голосом спросил я. — Они надеются устранить соперника через вас?

— И поэтому я не стал их выгораживать, — кивнул Виктор. — Тао Хо, троюродный брат чемпиона… как нехорошо.

— Так что произошло? — подала голос мать девочек. — Как же у вас сына увели?

«Увели». Все, Стокгольмский синдром. Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша…

Я тряхнул головой. Нет, все правильно, это я идиот. С преступником нужно говорить, его нужно убеждать, успокаивать, принимать его сторону. Мы справимся.

Только вот где заканчивается дипломатия и начинается перестройка психики?

Виктор долго не отвечал женщине. Прошло минуты три, прежде чем он открыл рот — и запищал зуммер.

— Вы связались с Алексеем?

— Мы работаем над этим, — голос седоватого человека звучал уверенно. — Виктор, мы пойдем на уступки, но нам нужно что-то и от вас.

— Конечно, — Виктор щелкнул переключателем, и большой экран погас. — Я дам вам еще час. Целых шестьдесят минут, в течение которых вы сможете подумать о своей карьере и о том, что с ней будет, когда крыша этого здания накроет весь квартал. Я не требую вертолета, чемодана с английскими фунтами и созыва внеочередной сессии ООН. Я просто хочу поговорить с сыном.

— Еще один такой щелчок, и с вами перестанут разговаривать, — заметила Светлана, когда Виктор отошел от ноутбука. — Если вы не начнете освобождать заложников, они пойдут на штурм.

— Они даже не эвакуировали всех людей из здания, — Виктор поморщился. — Не пойдут.

— Так расскажите про сына, пока есть время. Что с ним?

— Замолчите, — он вдруг поднял руки к голове, словно защищаясь от боли. — Замолчите!

— Виктор, я пытаюсь вам помочь…

На Светлану зашикали. Девушка опустила голову.

— До него вот-вот дойдет, что он сотворил, — тихо проговорила блондинка рядом со мной. — И тогда он расплывется.

Я посмотрел на нее. Ей было около сорока; может быть, даже больше. И ей было очень страшно.

— Вы-то что здесь делаете? — я перевел взгляд на ее туфли. — Играете в Золушку?

— Я больше подхожу на роль злой мачехи, — грустно улыбнулась она. — А говорят, снаряд дважды в одну воронку не падает…

— Никогда не слышал этой поговорки.

— У вас были молодые воспитатели. А я застала еще послевоенное поколение. У нас по вечерам читали повести про Олега Кошевого, про Зою Космодемьянскую…

— Нам читали другие книги. О светлом будущем, о покорителях космоса, об интернатской дружбе, — я вспомнил совсем о других вещах, и меня передернуло. — С тех пор я не люблю фантастику.

— «Впереди — ориентир, мерцающий огонек, — напевно сказала она. — Может, это наш дом, или звезда, или просто обман зрения, — мы идем дальше, потому что там, впереди, нас с тобой ждут». Так-таки и не любите?

— Те слова произнес отец, оставивший дочку в интернате. Он видел ее раз в год, всего лишь — пока не погиб.

— Но слова от этого не стали хуже.

— Слова мало что значат, если… — я замолчал. — Постойте. Как вас зовут?

— Анжела.

— Родион, — я невольно посмотрел в сторону пальто, где остался именной пропуск. — Анжела, как вы догадались, где я вырос?

Она проследила за моим взглядом.

— Вот оттуда, — кивнула она. — На вас пальто такого же кроя, как когда-то у моих ребят. Помню, я сама ездила на фабрику: проверяла ткань, беседовала с тамошними мастерицами… Я угадала?

— Да, — помолчав, согласился я. — Другие мне просто… не подошли.

— А еще я видела ваши картины, — призналась она. — «Сквозь трамвайное стекло» — это ведь вы?

Сколько раз я слышал этот вопрос? Пятьдесят, шестьдесят? Дай бог, чтобы спросили еще раз.

— Я восемь лет водил трамвай. Как раз в позапрошлом году, когда я ушел, с Тверского проспекта сняли последние рельсы. Отложилось в памяти, наверное.

— Шутите? Вместо того, чтобы рисовать?

— Чтобы не умереть с голоду, — пожал плечами я. — Да и компания подобралась неплохая. Уволенные программисты, математики, переводчики… даже один кандидат наук. Вы ведь и сами пошли в уборщицы не от хорошей жизни, верно? Или…

Анжела покачала головой, вглядываясь в Виктора. Тот, хмурясь, набирал что-то на ноутбуке. Рядом лежали пистолет и спутниковый телефон.

— Неужели трансляцию в сеть устроит? — почти с любопытством сказала Анжела. — Ребята в прошлый раз до такого недодумались.

Я вопросительно поднял бровь.

— Приют «Архимед», — тихо сказала она. — Слышали?

— Помню, но смутно. Читал в новостях; там, понятно, ничего не рассказывали. Да я и не любопытен… Дети взбунтовались, кажется?

Она кивнула.

— Я была старшей воспитательницей. Разбудили среди ночи… еле успела халат накинуть. Согнали всех в столовую, от мала до велика; впрочем, младше десяти никого и не было. Страшно… темно… холодно очень; зима была.

Она обняла себя руками.

— Почему? — я бросил взгляд на Виктора. — Почему они пошли на это?

— Старшие мальчики решили померяться силами с государственной машиной, — она иронически качнула головой. — Хотели изменить законы… чуть ли не жаловаться президенту собирались. Мне кажется, им просто хотелось в семью. Вы же знаете: усыновят десять, двадцать ребят, но всегда найдется и тридцать пятый, и сорок шестой…

— Я, наверное, был семьдесят девятым, — кивнул я. — И вы тоже?

— Хм? Нет, я потребовала, чтобы меня вычеркнули из списков, — Анжела совсем по-детски покраснела. — Ждала маму…

— Простите…

— Ничего… Так вот, нас быстро освободили, уже к вечеру следующего дня. И жертв не было — в тот день не было. А Юрка

не выжил. Порок сердца. Он жил в той комнате, где... где все началось. Не стал брать в руки оружие: пошел в столовую вместе со всеми. Но и не донес, — она криво улыбнулась. — Мушкетеры: и не заметишь, когда верность дружбе превратится в подлость...

— Мне жаль, — тихо сказал я. — Он для вас что-то значил?

Анжела покосилась на меня с каким-то боязливым уважением.

— Как вы... сразу увидели, — произнесла она удивленно. — Да. Я его любила. Взрослая женщина — пятнадцатилетнего мальчишку. Он меня утешал, там, в столовой, а я его целовала... и еще один раз, на прощание. В интернат, конечно, я потом не вернулась: куда уж мне. Желтый штамп, один шаг до пожизненного надзора.

Я закрыл глаза. Как же хорошо, что у нас в интернате этого не было. Не было, не было, не было...

— Вы меня презираете, — утвердительно сказала Анжела.

— Нет. Но вам лучше поискать себе другого собеседника. Когда нас освободят, я сообщу в службу безопасности.

— Да, я в вас не ошиблась, — грустно усмехнулась она. — Уж кто-кто, а вы бы на месте Юрки точно донесли...

По стеклянной крыше беззвучно побежали струи. Снова дождь...

Я вспомнил себя в интернате — мальчишку, прижимающегося лбом к стеклу. Если бы кто-то взрослый и понимающий коснулся его плеча и предложил любовь — любую любовь вместо одиночества... Да еще в год, когда голова кружится от любого запаха духов, а гормоны сходят с ума...

Меня снова передернуло.

— Анжела, я вырос в приюте. Вы же знаете, что из детей там можно веревки вить. Когда мне было пять, нам читали вслух «Домовенка Кузьку». Знаете, как плотно все сгрудились вокруг воспитательницы? Как бились, чтобы их погладили по голове? Это рай для манипулятора. А потом, двадцать лет спустя...

— Внутренняя боль выплескивается по-разному, — она кивнула. — Кто-то кричит, что ему не надо ни любви, ни детей, кто-то становится женоненавистником, кто-то плачется подругам: «Все мужики — козлы!», кто-то замыкается в себе. А кто-то, как вы и я, возвращается по своим следам. Хотя сделаем ли мы кого-то счастливее — бог весть. Я думаю, что тепла и нежности хочется всем, но...

— ...Не такого, какое вы хотите дать, — жестко заключил я.

— Я вам не нравлюсь… Хорошо. А хотите знать, почему я здесь?

Ответить я не успел.

— Время вышло, — Виктор встал. — У вас десять минут.

— На что? — испуганно спросила Татьяна.

— Попрощаться, — Виктор пожал плечами. — Написать записку… хотя она может и не уцелеть.

— Вы идиот, — хрипло сказала долговязая Лена. — Нормальный мужик давно бы поймал сына в чате. Или сообщение по мобильнику прислал бы.

— Девочка, ты думаешь, Алексей сидит в этой вашей помойке? У него нет ни профиля в социальных сетях, ни открытого электронного адреса, ни номерной видеопочты. Если к ворам в руки попадает бриллиант, его прячут.

Виктор медленно, не торопясь, обошел стол и взял в руки пистолет.

— Подождите, — Артур, отец Лены, успевший было присесть, поднялся. — Я понимаю, у вас ребенок, но и у нас дети! Мы вам поможем… но отпустите хотя бы мальчика с Маришкой. Что они вам? Может, мы и виноваты, что голосовали за эту власть, что не обращали внимания… но дети-то за что страдают?

Его ноги дрожали и разъезжались; рубашка, надетая поверх мешковатых брюк, казалась чудовищным клоунским пончо.

— С какой стати! — Лена вскочила. — Сначала я должна всем с ней делиться, а теперь мне еще и умирать за нее? Сразу бы сдали меня в приют, меньше мороки и вам, и мне!

Она толкнула сестру вперед, к столу, и отпрыгнула в сторону, тяжело дыша.

— Раньше меня она отсюда не выйдет. Хотите — убивайте. Мне теперь все равно.

Ее мать шумно глотала воздух, опираясь растопыренными пальцами о пол.

— Сядьте, — бесцветным голосом сказал Виктор. — Все трое.

Он не успел ничего добавить. Татьяна поднялась, молча, яростно двинулась на старшую дочь и с силой ударила ее по лицу. Еще раз. Еще.

Ноги не слушались, но я добежал — добрел? — к женщине через весь зал и ухватил ее за плечи. С тем же успехом я мог бы пытаться удержать амурского тигра.

Артур мягко, но твердо взял жену за локти. Он явно был слабее ее и легче, но она послушалась сразу.

Из глаз Лены лились слезы.

— Мама, — тихо позвала Маришка. — Ты чего Лену бьешь?

— Доченька, — Татьяна разрыдалась, опускаясь на колени возле младшей дочери. Та неуверенно обняла мать в ответ. — Доченька…

Я опустился на пол. Болела спина, и ныло под лопаткой. Нужно было послушаться врача и носить дома ортопедику… Впрочем, уже неважно.

— Пять минут, — сухо произнес Виктор. — Я отправил вызов в штаб. Если они не идиоты, вы останетесь в живых.

Он вернулся за стол. Набрал цепочку цифр на телефоне, и на всех брусках, примотанных к стене, зажглись зеленые огоньки.

— Ждите.

Задрожали пальцы. Почему, я же не должен, я взрослый мужчина, я не боюсь смерти, я дописал картину, откуда этот холод, сердцебиение, дрожь…

Не надо. Нельзя себя накручивать.

Я задрал голову. За стальными перекрытиями по-прежнему маячило равнодушное небо. Вдалеке кружил вертолет, но, возможно, он не имел к нам ни малейшего отношения.

Попискивание ноутбука, приглушенные рыдания, шепот в углу… Светлана с застывшей, мертвой улыбкой кивает Саше, а рука сжимает пиджак на груди, чтобы не выпрыгнуло сердце.

Как же страшно…

Я поднес руку к уху. Когда ушла Юлька, я целый год засыпал только под бормотание наушников, с включенным светом. Десять лет прошло… теперь вот пуговка.

«…Одиночное сообщение в сети о том, что террорист удерживает на крыше центра усыновления восемь заложников, из них трое детей, не подтвердилось. Власти города отказываются от комментариев. Между тем квартал оцеплен, и из небоскреба продолжают выходить люди…»

Не хочу. О своей смерти я предпочел бы узнать не из новостей.

«…Впрочем, все мы смертны. Помните закон Лавуазье? Если где-то убыло, значит, где-то столько же прибыло. Хороший был человек, а туда же: закончил жизнь на гильотине; почему я его, кстати, и вспомнил. Что не мешает нам лишний раз помянуть его с Михайло Васильичем добрым словом: кабы не они, откуда бы мы знали, куда деваются наши денежки! На налоги они деваются. В том числе и на высокое искусство: до двадцатого ноября продлится выставка Родиона Соколова “Радуга” на улице Вольного

Новгорода, совсем рядом с кинотеатром «Звезда». Да, да, радуги, звезды… С одной стороны, вроде бы и по-детски звучит, а с другой, какой повод для гордости: не перевелись еще у нас быстрые разумом Васнецовы и Каспаровы! Кстати, мне тут сообщают, что матч на звание чемпиона мира по шахматам отложили на две недели из-за болезни претендента. Пожелаем же юной тверской звездочке радуг и радостей, и прервемся на рекламу. С вами ди-джей Гильотен: не берите в голову!»

Я коснулся мочки уха нетвердыми пальцами. Звук угас.

Виктор задумчиво смотрел на меня. Услышал что-то?

— Ваш ребенок болен, — сказал я сипло. — И вы хотите его спасти.

— Браво, — Виктор развел руками. — Интересуетесь шахматами?

— Слышал… краем уха.

— Шесть лет назад экс-чемпион мира Дмитрий Яковенко давал в Твери сеанс одновременной игры, — почти торжественно произнес Виктор. — Лешка у него выиграл. Один-единственный. Тогда за ним и началась… охота.

— То есть им заинтересовались тренеры, рекрутеры, детские психологи? — уточнила Светлана. — Но, Виктор, что же в этом плохого?

— Ребенок не создан для таких нагрузок, — равнодушно сказал Виктор. — Сначала я его даже поощрял. Ездил с сыном по стране, возил за рубеж. Радовался, когда он побеждал на турнирах и давал пресс-конференции. Ждал в коридоре, когда нас вызывали на очередное медобследование.

Я напрягся. За Яковенко трон захватили китайцы — после того, как приняли закон об отказе от прав, в новом поколении ярких звезд просто не стало. Пловцы, стрелки, балерины… но не шахматисты. За юного гения обязаны были взяться всерьез.

— А потом нам предложили поучаствовать в тестировании нового препарата, — буднично продолжил Виктор. — Полная безопасность, никаких противопоказаний… Фантастическая скорость: после первой инъекции Алексей обыграл суперкомпьютер за двадцать ходов. После второй у него начались кошмары. А третью я запретил.

— И тогда у вас отобрали сына?

— Не сразу. Его обрабатывали по меньшей мере полгода. Я, идиот, ходил за ним хвостом: думал, не достанут, — Виктор на секунду закрыл руками лицо. — Довольно. Ради Лешки я подожду четверть часа, но у меня хватит сил спустить курок.

— Вот только зачем... — прошептала Светлана.

— А задайте себе этот вопрос. Направите вы пистолет на незнакомых людей, если от этого будет зависеть жизнь вашего ребенка? Или проживете еще тридцать, пятьдесят лет с чувством вины?

— Но есть же и другие пути. Мирные демонстрации, голодовки, марши протеста...

— Да? — Виктор с любопытством посмотрел на нее. — И что, помогает?

Светлана промолчала. Виктор несколько секунд смотрел на нее, потом кивнул и вернулся за стол.

Я обхватил руками колени. Подумать бы о чем-нибудь хорошем, светлом...

Пуговка в ухе тихо напевала:

Попытайся простить мне,
Что я не всегда пел чисто,
Попытайся простить мне,
Что я не всегда был честен.
Попытайся простить мне,
Я не хотел плохого;
Ведь я не умел любить,
Но я хотел быть любимым...

Перед моим носом остановились знакомые каблуки. Анжела опустилась рядом.

— Не прогоняйте меня, а? — попросила она. — Совсем плохо одной. Трясет, как выброшенного на мороз щенка... простите за экспрессию.

— Садитесь, — я подвинулся. Пальцы машинально потянулись к уху, и мелодия умолкла, оставив на память строчку: «Нам не так уж долго осталось быть здесь вместе...»

— Вы, должно быть, отчаянно смелый человек, — задумчиво проговорила Анжела. — Верите, что с вами ребенку не будет хуже, чем в интернате. Чем с родным отцом. А ведь мальчик будет сравнивать, нет? Или девочка?

— Анжела, мне неприятны ваши намеки.

— Простите. Не хотела вас задеть. Но такие мысли у вас были, верно? Страх, что вас сочтут за извращенца; неуверенность в своих силах; боязнь, что вы не поймете ребенка, а он вас...

— Все гораздо проще, — я невольно улыбнулся. — В детстве я мечтал, чтобы меня забрали. Из комнаты с шестью кроватями, от

тусклых ламп, от чувства голода на пятом уроке… Я не ждал виноградных рек и кокосовых берегов. Закуток за ширмой, кружка чая на кухне и кто-то, кто обнимет и выслушает, — только и всего.

— Последнее важнее, — серьезно сказала Анжела. — Но времена-то изменились. Теперь никто не живет в комнатах на шесть человек. Удобные помещения, компьютер и электронный счет у каждого ребенка, поездки за границу… вы ведь это и хотели ему дать, верно?

— И это тоже. Ему было бы с кем поговорить каждый вечер; уже немало. Нет у меня отцовского инстинкта. Есть желание приютить, сберечь, защитить. Нереализованная любовь. Одиночество, в конце концов. Но сейчас… — я обвел рукой зал. — Сейчас, как видите, это не имеет значения.

— А что имеет? — спросила Анжела. — Перед смертью? Любовь, ошибки, преступления? Вы когда-нибудь любили, Родион? Ошибались — так, чтобы было больно всю жизнь?

— Я… да. Была одна девушка…

— И вы ее бросили?

— В каком-то смысле, — я глянул за окно. — Тогда тоже была осень. Мороз, лужи замерзали, а она носила старые туфли, купленные еще к выпускному. Денег не было совсем, стипендия кончалась через две недели. Мы подрабатывали репетиторством, но это так… копейки.

— Только не говорите, что она ушла к богатому бизнесмену, — разочарованно протянула Анжела.

— Она ушла к богатому бизнесмену, — послушно повторил я. — Но уже потом, два года спустя; это не важно. А тогда мне очень хотелось купить ей теплые ботинки. И… когда друзья зазвали меня в донорский центр при клинике искусственного оплодотворения, я не стал отказываться.

— И сдавали вы, разумеется, не кровь.

— Еще бы. Тогда программа «Я сама» только начиналась, доноров не хватало. Платили столько, что хватило и на обед, и на ужин… и на меховые полусапожки Юлькиного размера, — я глубоко вздохнул. — Боги, какой же я был идиот… как Юлька плакала. А потом собралась и ушла. Вмиг.

— Так это она вас бросила? Из-за, — Анжела улыбнулась, — «ребенка от другой женщины»? Но как же она вас не простила, Родион? Из-за одной ошибки…

— Это не ошибка, это ребенок, — ответил я резче, чем намеревался. — Живой, как я или вы. И я уже не могу повлиять на его судьбу.

Мы помолчали.

— Ведь как все началось, — вздохнула Анжела. — Защита детства, алименты, закрепление за ребенком площади в квартире... Полвека назад шикали на любого, кто посмел бы произнести: «обуза». А разводов все больше, а отцов, не отказавшихся от детей, все меньше... А когда догнали Америку, за отцами пошли и мамочки, и тут уже государству пришлось постараться, а то жили бы сегодня в Твери одни китайцы.

— Вы всерьез полагаете, что детям лучше в устроенном приюте, чем с нелюбящими, но родителями?

Анжела улыбнулась.

— Нас ведь еще мало, Родион. И многих усыновляют. Не из-под палки — сами, вот что ценно. Я все-таки верю в будущее. Вот только мама за мной так и не пришла...

— Будущее, — я не сдержал усмешки, вспомнив голографическую версию старого фильма. — Космические корабли бороздят просторы Большого театра...

— Да бросьте, кому он нужен, этот космос? — устало ответила Анжела. — Вот библиотекарь наша бывшая теперь в итальянском пансионе живет — это да. А так уже пятьдесят лет все то же. Раньше наушников из ушей не вынимали, теперь под кожу пуговки зашивают. Ноутбуки из моды не выходят до сих пор. Если бы еще детей не бросали...

— Зачем вы здесь? — тихо спросил я.

— Юрка. Он так просил... Его младшего брата определили в другой интернат. Если бы все пошло как надо, я бы тогда усыновила их двоих, но куда мне теперь, с желтым-то штампом... — Анжела невесело усмехнулась. — Вот, вырядилась. Уборщиц, слава богу, отпечатки пальцев сдавать не просят, а в базы меня добрые люди добавили. Выкрутилась бы, забрала бы пацаненка... только вот.

Я покосился на радужный пропуск. И впрямь как настоящий...

— Такие дела, — совсем по-женски заключила она и вздохнула, подложив ладонь под щеку.

Я устало посмотрел на нее. Боги, как не хочется задавать этот вопрос...

— Вы уверены, что не поступите с ним, как с Юрой? Когда он немного подрастет?

Молчание.

— Уверены?

Анжела встала.

— И долго нас будет держать в неведении родное правительство? — громко спросила она. — Когда кино смотреть будем?

— Истерика… — обреченно выдохнул кто-то.

— На себя посмотри, — не оборачиваясь, бросила она. — Кому мы нужны, неудачники? А? Вы вслушайтесь, в одежки свои вслушайтесь! Хоть кому-нибудь из вас, дуралеев, звонили?

— Мой муж спит до полудня…

— У меня бесшумный вызов…

— Кому звонить, мы все здесь!

— А у меня телефона нету, — тихо сказал Саша.

То, что мне вызов пришел бы прямо в пуговку, я не стал уточнять.

— Убьют — и не заметит никто, — Анжела уверенно повернулась к нам, скрестив руки на груди. — Если только важной шишке на голову арматурина не сверзится. Замять дело проще простого. Взрыв? Несчастный случай, строительные работы. Чем не легенда? Никому мы не нужны!

— И что вы предлагаете? — Виктор, скосив голову, наблюдал за ней.

— В сеть выходите! Журналистам пишите, видеоролики выкладывайте, там, я не знаю, у нас интервью берите! Пропадем ведь ни за понюх табаку!

— Вы помните прошлую олимпиаду? — очень спокойно спросил Виктор. — Футболистов, девятнадцатилетних ребят, у которых на чемпионате останавливалось сердце? Как вы думаете, их родители писали в сеть?

— Престиж России важнее, — пробормотала Светлана. — Раньше с гранатой бежали на танк, теперь со светлой улыбкой закатывают рукав. Я не кощунствую… просто в сознании людей так и есть. Я сама так думала. Если бы меня не коснулось…

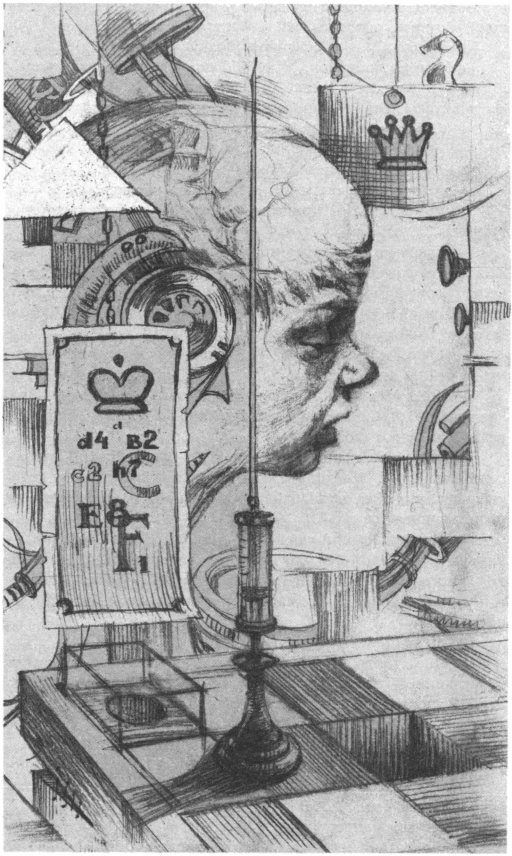
Экран на стене неожиданно осветился.

— Мне стоило немалого труда организовать вам прямую трансляцию, — заговорил знакомый седоватый человек на экране. — Если вы отключите связь, переговоры закончатся.

— Я… ценю, — медленно проговорил Виктор. — Вы хотите сказать, что я прямо сейчас смогу поговорить с сыном?

— Через три минуты. У вас будет полчаса. Виктор, мы много для вас сделали. Подумайте, как нам показать, что вы готовы освободить людей.

— Все заложники живы и здоровы, — Виктор кивнул на нас, и седоватый человек моргнул: очевидно, теперь он нас


d4 B2
c2 h7
E8 F1

видел. — Когда я поговорю с сыном, они отправятся по домам — или туда, куда им заблагорассудится. Взрывчатку я сниму.

— Виктор, освободите одного заложника, — мягко сказал человек. — Освободите ребенка. Я хочу вам верить, но мне нужно убедить начальство. Помогите мне.

— Отпустите Маришку! — Татьяна вскинулась. — Ну посмотрите, неужели у кого-то хватит злобы, чтобы пристрелить такую вот кнопку?

Она обняла младшую дочь и моляще сложила руки, обращаясь к Виктору. Лена бросила на них один взгляд и отвернулась, вытирая слезы ребром ладони.

— Все эти люди пришли сюда, чтобы изменить свою судьбу, — Виктор посмотрел на экран. Пистолет в его руке теперь казался бесполезной игрушкой, и я вдруг понял, что мне больше не страшно. — Кроме одной девушки, которая хотела показать ребенку вид с крыши небоскреба. Пусть она уходит, и пусть заберет младшую девочку. Но если попробуете ворваться внутрь, здесь не останется никого.

Светлана поднялась, шепнув что-то Саше. Мальчик широко раскрытыми глазами следил за бывшей воспитательницей.

Мать семейства подтолкнула дочку в спину, плача и крестясь, и обе — девочка и девушка — замерли напротив выхода. Кажется, я отключился на минуту или две: когда я поднял голову, ни той, ни другой в зале не было.

— Все, — каменным голосом произнес Виктор. — Начинайте передачу.

— Три минуты, — кивнул человек на экране. — Все будет хорошо.

Я спрятал лоб в ладонях. Заложники... Все мы заложники — и Анжела, воспитанница приюта, которая готова пойти на второй и третий круг, и мальчик Саша, который так ждет, чтобы его забрали, и девочка Лена, которая не может выбрать свою судьбу, и безымянный ребенок, который так и не узнает, кто его отец...

И сын Виктора, наверное.

Кажется, теперь синдром заложника уже у меня.

— Маришка, — всхлипывала женщина рядом. — Маришка...

— Ш-ш, — Артур обнял жену. — Ты же слышала: все будет хорошо.

Саша неловко встал, подволакивая затекшую ногу, и взглядом попросил у Виктора разрешения пересесть. Тот кивнул, и Саша, старательно не встречаясь ни с кем взглядом, подошел к Лене. Девочка удивленно взглянула на него — и перестала плакать.

Рядом вопросительно замерли каблуки.

— Садитесь, — обреченно вздохнул я.

— Я вам завидую, — призналась Анжела, усаживаясь на пол. — Художник, мастер мечты — вы-то почти бессмертны. Человек садится за рояль, проводит несколько минут, играя, а потом эту песню слушают миллионы. И полсотни лет спустя она все еще доносится, все еще звенит. Вот где фантастика-то! А я сгину, и...

— Полотна для выставки я писал шесть лет. Да вещи и не живут вечно. Если через сто лет будут стоять в провинциальном музее — уже повезло.

— Нет, — покачала головой Анжела. — Они другие...

— Чем же?

Она промолчала.

По экрану шли серые полосы помех. Небо над нами и вокруг нас светлело. Вот-вот выглянет солнце...

— Ответьте мне на один вопрос, — вдруг сказала Анжела. — «Сквозь трамвайное стекло» — о чем та картина? Стекло, город, радуга, и девушка улыбается, словно впервые увидела солнце. Вам кто-то позировал?

Я заколебался. Впрочем, если я рассказал ей про Юльку...

И что на меня нашло?

— Эта девушка работает в кафе возле цирка, — помолчав, ответил я. — Я не умею готовить, как вы понимаете; никогда не умел. Поэтому я обедаю у них. На мой столик возле кухни редко кто покушается, да и посетителей там немного.

Анжела понимающе заулыбалась.

— Жизнь... того самого художника не очень интересная. Трамвай, обед, ужин, мольберт — мало-помалу все превращается в рутину. Но как-то раз я затормозил у старого «Детского мира», а та девушка переходила дорогу. На водителей трамвая не смотрят никогда, но она поймала мой взгляд. Узнала меня. И улыбнулась.

— И?..

— Я увидел радугу.

— Вот как бывает... — пробормотала Анжела. — Она видела вашу картину?

— Не знаю, право... Может быть.

— Вы ведь потом видели ее в кафе, верно? И не предложили ей принести вторую чашку и сесть рядом?

— Вы же не приглашаете луну с неба на чашку чаю. Даже не в этом дело... Знаете, есть такая игра, где на вопросы отвечают: «Да», «Нет» и «Не имеет значения». Вот «Не имеет значения» — как раз ответ на такой вопрос.

— Вы верите только в свои картины, — утвердительно сказала она.

— Они не отдернут руку.

Мы замолчали. По полу скользнул солнечный луч — и исчез в облаках.

— Смотрите! — Татьяна резво поднялась на ноги. Мы обернулись.

На экране неуверенно моргал темноволосый подросток с испитым желтым лицом.

— Отец? — вопросительно произнес он. — Ты что это задумал, а?

— Алексей… — голос Виктора дрогнул. — Ты меня видишь?

— И вижу, и слышу… Кто эти люди?

— Он бы еще спросил: «Где деньги?», — фыркнула Лена.

Татьяна бросила злой, мутный взгляд на дочь.

— Молчи!

— Алеша, ты… — начал Виктор. — Сколько уколов той дряни тебе сделали?

— Ни одного, — спокойно, уверенно ответил юноша. — Я им запретил.

— Делал себе экспресс-анализ каждое утро? — Виктор усмехнулся. — Не верю.

— Папа, я лучший шахматист мира. Неужели ты думаешь, что я не знаю, как заботиться о собственном мозге?

— Ты на себя в зеркало смотрел? — спокойно спросил Виктор. — Через два года тебя можно будет выбрасывать на помойку вместе с доской.

— Мои опекуны считают иначе.

— А когда ты в последний раз говорил с ними не по делу? Когда они обращались к тебе — не с просьбой? Когда доставали из загашника не как ценный инструмент, а как живого… человека?

— Слово «ребенок» ты проглотил, — с усмешкой кивнул Алексей. — Поздравляю.

— Я хочу, чтобы ты стал чемпионом мира. Всерьез и надолго, а не до следующего матча-реванша, — Виктор смотрел сыну в глаза. — Как ты думаешь, насколько это для меня важно?

Подросток на экране медленно обводил нас взглядом.

Забавно, что ему даже в голову не приходит соврать…

— Получасом тут не обойдешься, — наконец сказал он.

— А мы попробуем.

— Я врач, — подал голос Артур. — Простите меня, молодой человек… не думал, что соглашусь с вашим отцом, но он прав.

Краше в гроб кладут, извините. Если от вашей печени еще что-то осталось, это исключительно заслуга ваших генов. Бегите оттуда и не оглядывайтесь.

— Я приму вашу позицию во внимание, — вежливо кивнул Алексей. В эту минуту он был так похож на Виктора, что мне захотелось протереть глаза.

— Одного я не понимаю, — заговорила Анжела. — Почему?

— Почему — что, простите? — вскинул бровь Алексей.

— Мы хотим избавиться от страданий и быть счастливыми, — негромко сказала она. — Ищем смысла, любви; надеемся. Просыпаемся и ждем, что наша жизнь станет лучше… нет?

— Предположим.

— Но ты-то расшвырял возможности, как горящие головешки! Отказался от семьи, уткнулся в доску и вот-вот сожжешь печень. А главное, где радость? Даже шахматы рано или поздно превращаются в рутину, — она поглядела на меня, — нет?

— К чему вы клоните? — уже менее вежливо спросил Алексей.

— Да все просто, — Анжела села перед экраном, закинула ногу на ногу. — Виктор перечеркнул свою жизнь. Понятно, почему. Но для чего ты перечеркиваешь свою? Чтобы стать чугунным Афанасием? Бронзовым героем, достойным своего отца? Ты ему что-то доказываешь?

Юноша вздрогнул. Неужели в яблочко?

— Я тоже от предков отказался, — вдруг сказал Саша. — Отец пил, дрался, а мать терпела. Сейчас первый в классе. Я бы хотел, чтобы отец у меня в дневнике расписался.

— Ничего не потерял, — фыркнула рядом Лена. — Мой каждую неделю вокруг Маришкиного дневника по полчаса танцует, с маман под ручку. А потом так с добродушной улыбочкой: «Ну что, и тебе черкнуть?»

— Мне бы ваши проблемы… — рассеянно пробормотал Алексей.

— У тебя своих хватает, Алеша, — подала голос Татьяна. — Ой, хватает…

Она стояла на том самом месте, где два часа назад (неужели всего два?) прозвучал выстрел. Туловище ее странно раскачивалось.

— А я о чем? — отмахнулся Алексей и вдруг напрягся. — Пап… что там на полу? Что она взяла в руки?

— Слоника, — со смешком ответила Татьяна. — Плюшевого слоника. Твой папа взял его у моей дочки и застрелил.

Артур подошел к жене, обнял за плечи. Женщину колотило.

На экране Алексей силился отвернуться. Пытался — и не мог.

— У меня… в детстве… такой же был… — едва слышно прошептал он. — Мы с мамой кормили его с расписной деревянной ложки… Я больше о маме ничего и не помню… Папа, ты не мог…

— Смог, — жестко ответил Виктор.

— Я…

Из-за туч выплыло солнце. Плеснуло в глаза, блестящей волной прокатилось по металлическим перекрытиям, по прозрачным стенам, по спутанным волосам.

— Сейчас выйдет радуга, — тихо сказал я. — После дождя всегда бывает радуга.

— Главное — ее не упустить, — с понимающей улыбкой отозвалась Анжела.

Алексей поднял голову. Его глаза слезились, словно и его ослепило солнце.

— Что мне делать?

— Твой выбор, — мигом отозвалась Лена. — Хочешь быть чемпионом — будь.

— Он так и так сможет быть чемпионом! — вмешался Саша. — Хоть с лекарством, хоть без. Как Мэтт Дэймон в «Ста друзьях Оушена»!

— Найди хорошего врача, парень, — Артур, бережно поддерживая жену, опустился на пол рядом со старшей дочерью. — И поговори еще раз с отцом, когда все закончится.

— Артур, отойди от нее, — отчетливо проговорила Татьяна. — Когда мы вернемся домой, я ей так выдам, что она сама у меня в интернат запросится.

Я вздрогнул.

Ведь почти уговорили парня…

— Хочешь таких родителей? — Лена вскочила. — Хочешь?!

— Если бы не я, этого бы не было, — Алексей переводил взгляд с Лены на ее мать. — Правда?

— Нет, — опережая Виктора, отрезал я. — Каждый отвечает за свои поступки.

— И ты отвечаешь за свои, — подтвердила Анжела. — Вот только если ты скопытишься через пару лет, кому будет лучше? Тебе? Отцу? Престижу страны? Да твоим опекунам Виктору пятки лизать надо за то, что он их задницы спасает! Думаешь, их за твой труп наградят?

— Нет, но я не думаю, что…

— Так думай!

Я шагнул к Анжеле. Она говорила правильные слова, и от того, что их произносила женщина, совратившая пятнадцатилетнего мальчишку, слова не становились хуже, но…

Кто-то другой должен был выиграть этот спор. Кто-то другой — не она.

— Мы все идиоты, — я посмотрел в экран. — Может быть, нам следовало родиться чуть-чуть другими. Может быть, вырасти в другой обстановке. И уж точно — поступить по-другому: сегодня, вчера, десять лет назад. Но все, что у нас есть — здесь и сейчас. Здесь и сейчас, Алексей. Выбирайте.

Алексей открыл рот. И закрыл его.

Трудно выбирать, когда ты в полушаге от цели… Если бы я дописывал свое лучшее полотно, согласился бы я на год отложить краски?

— Нет у тебя никакого выбора, — почти весело сказал Виктор. — Этот наш разговор сейчас передается во все новостные агентства через три спутника. И еще на пару сотен адресов. С моим предисловием.

Анжела присвистнула.

— Все, Лешка. Медобследование и смена опекунов тебе гарантированы.

Я поднял взгляд на экран.

Алексей улыбался. Кажется, с облегчением. Сейчас он выглядел не старше десяти.

— Спасибо, папа.

Экран мигнул, и изображение исчезло. Вроде бы полчаса еще не истекли…

— Неважно, — Виктор бросил обойму в угол. Разряженный пистолет он оставил на столе. — Дело сделано. Выходите.

— А… взрывчатка? — с дрожью в голосе спросила Лена.

— Муляж, — Виктор нажал кнопку, и огоньки на стене погасли. — Неужели я похож на идиота? Выходите, быстро. Еще штурма тут не хватало…

Я не помнил, как мы очутились на лестнице. Кажется, я поддерживал под локоть Анжелу, а Сашка бежал впереди. Кажется, у лифтов нас встретили ребята в полной боевой выкладке.

Следующие десять минут я видел перед собой только лестничные пролеты, пока у старшего группы не загнусавила рация. После этого мы пересели в лифт.

— А ведь я так и не обернулся, — сказал я, когда двери лифта разъехались на первом этаже.

— Я обернулась, — коротко сказала Лена. — Он стоял там, у окна. И гладил пальцами стекло.

— Сашка!!

От поста милиции к нам бежала Светлана.

— Ваша дочь на улице, с ней врач, — скороговоркой бросила она Артуру. — Сашка, ты цел?

— Ага, — Саша закрутил головой, выискивая кого-то. — А родители где? Они меня дождались?

Ах, да, его же собирались усыновить…

— Саш, тут такое дело, — Светлана перевела дыхание. — Пойдем, поговорим. Тебе нужно отдохнуть, подумать…

— Да не надо мне думать! Они сейчас где?

— Потом, — девушка отвела взгляд. — Идем, тебя нужно врачу показать… идем.

Я открыл было рот, но Светлана, опасливо покосившись на меня, уже уводила мальчика по коридору. Он тормошил и теребил ее, но, кажется, уже начал понимать.

Все хорошо, что хорошо кончается…

Нет. Не все.

— Да уж, — проговорила Анжела, провожая их взглядом. — Я попробую ускользнуть. Не выдавайте меня хотя бы полчаса, а?

— Как вы думаете, что будет с Виктором? — окликнул я ее.

Она обернулась.

— Лет двадцать дадут, — задумчиво сказала она. — А лет через шесть дадут условно-досрочное. Отец чемпиона все-таки, не хухры-мухры. Знаете, Родион, вы, наверное, все-таки пригласите ту девушку на чашку чаю.

Я поднял брови.

— Вы так думаете?

— Мне так кажется, — улыбнулась она. И помрачнела: — Я, наверное, сюда не вернусь. Страшно. Но вы мне не верьте.

— Я верю. Прощайте.

Анжела кивнула. И быстро зашагала к желто-полосатому ограждению.

— …Да как у тебя язык повернулся про родную сестру такое сказать!

— Кто бы говорил, «мамочка»!

— Таня, Лена, хватит! — вдруг рявкнул мужской голос.

Я чуть не подскочил. Наверное, случись это наверху, подскочил бы и Виктор.

— Лена, иди к сестре, — уже тише приказал Артур. — Успокойся. Я с мамой поговорю.

— Что, как в прошлый раз?

— Нет. Ты наша дочь, и мы тебя любим. Иди к сестре.

— Артур, — непонимающе начала его жена. — Что ты себе…

Артур с внезапной твердостью обнял ее. Она замерла, как вкопанная, потом нерешительно заглянула ему в лицо — и заплакала.

Мимо проскрипели кеды: девочка Лена бежала к выходу. Словно маятник качнулся в обратную сторону…

Будто подтверждая мои мысли, в ухе зашуршала пуговка.

«…И, как докладывают наши доблестные органы, в Шереметьево-4 только что взяли двух китайских террористов-стоматологов! Да, кариес — дело такое. Лично я больше к стоматологу ни ногой. Не-е-ет, дождусь следующего Родительского дня, усыновлю парочку близнецов, и буду с ними грызть морковку. Да-да, и вам советую! Может быть, прошлое и не вернуть, но здоровые зубы — очень даже. С вами ди-джей Гильотен, а значит, ваши челюсти в надежных руках!»

Я усмехнулся и выключил пуговку. Надо будет заехать в медицинский центр и убрать наконец это счастье…

Жаль, пальто осталось наверху. А, в конце концов! Куплю новое. Не кургузое клетчатое, а длинное, черное, с роскошными фалдами, как у… как…

Я замер.

С панели терминала на меня смотрело собственное лицо.

Возможно ли?..

Десять лет, а отказаться от ребенка теперь проще простого…

Неважно. Не имеет значения. Я его нашел.

Я шагнул навстречу.

НАТАН БЛАЙ

Пьющий

Рассказ

На улице еще горели фонари, когда я открыл дверцу своей старенькой «шестерки». Вытянул подсос, выжал педаль сцепления: машина несмотря на теплую погоду заводилась только так. Где-то под капотом надрывно скрежетнул стартер — двигатель чихнул и заглох. Давненько пора было поменять аккумулятор — «старик» доблестно отработал три года и теперь почти не держал заряд. Я достал сигарету из мятой пачки и закурил, медленно пуская клубы дыма в потолок. На улице еще никого не было — нормальные люди выезжали на работу часов в восемь-девять. Выкурив половину сигареты, опять попытался завести машину. С первой попытки двигатель надрывно взревел и несколько раз чихнул. В салоне царил мягкий полумрак и витал запах дешевого табака.

«Шестерка» много видела в своей жизни — в девяностых ее приобрел «новый русский», тогда еще блестел новенькой краской кузов… С тех пор она поменяла пятерых владельцев, постепенно потеряв весь лоск в авариях и в бесконечных междугородных перегонах. Мне ее просто подарили, здраво рассудив, что такую ржавую консервную банку никому не продашь…

Я убрал подсос, включил первую передачу и фары. Громко урча, «шестерка» медленно поехала по двору.

На дороге еще никого не было: ну, нам и проще. Опять начала дико болеть голова — в этом году поскользнулся и упал на затылок. В результате — сотрясение мозгов, пара швов на голове и

почти два месяца без денег: наша хозяйка плевать хотела на КЗО-Ты и прочую муру, выдавая зарплату в конверте по числу отработанных дней. Впрочем, фирмочка медленно шла ко дну, бежали и работники, особенно когда начали задерживать зарплату. Хозяйка же продолжала резвиться, набирая миллионные кредиты на сущую чепуху, попутно выкачивая все свободные деньги из оборота на стройку своего особняка. К тому же, ею овладела мания величия, столь присущая так называемым бизнес-вумен.

На светофоре загорелся красный свет, нога медленно нажала на тормоз. Над уродливыми железобетонными зданиями занималась заря — новый рабочий день для всех, но зато счастливый для меня: сегодня ухожу в отпуск и уезжаю на дачу. Целый месяц сладкого безделья: гамак под яблонями и любимые книги. Можно ни о чем не беспокоиться, пить вечерами пиво, а днем ездить купаться на небольшое озерцо, собирать землянику. В городе осталось только одно дельце — забрать зарплату.

Я притормозил возле входа в наш офис — там уже курили мои коллеги, зевая и поглядывая на часы. Дворник методично шарпал облезшей метлой по растрескавшимся плитам.

— Привет, Владик! Как дела? — Алина чиркнула зажигалкой, прикуривая тоненькую сигарету «Гламур».

— Ниче, нормально.

— А че так рано? Ты вроде в отпуске, спал бы себе спокойно.

— Деньги забрать приехал, потом смотаюсь на дачу.

— Не забудь мобильник вырубить, а то Алевтина выцепить может.

— Пофигу, там все равно не ловит.

Вскоре прирулил старший менеджер, как всегда пришедший ровно за десять минут до начала работы. Народ тут же рассосался по помещениям, включая компы и принтеры. На кухне щелкнул выключателем вскипевший чайник, там уже попивали свой утренний кофе работники. Я немного посидел с ними, выпил кружку растворимой бурды, подслеповато пялясь на яркий свет ламп дневного освещения.

Глухо грохнула металлическая дверь, Стас шепнул: «Алевтина приперлась! Народ, по местам!» Вслед за разбегающимися только поднялся столб пыли — хозяйка, будучи в плохом настроении, орала на всех подряд.

— Здравствуйте! — раздался радостный голосок. Я глубоко вздохнул и вышел в центральную комнату офиса. Хозяйка аккуратно положила сумочку на стол и повернулась ко мне: — Привет, Влад. За денежками приехал?

Ее лицо буквально-таки лучилось благодушием, располагающим к себе собеседника. Только я этому уже давно не верил: теперь для меня такие дамочки прочно ассоциировались со словом «стерва». Она вечно молодилась, покупала дорогущие шмотки и духи, ходила в модных шляпах — словом, тетка лет сорока-сорока пяти старалась замаскировать свою старость всеми способами.

— Да. — Я зябко пожал плечами, внутренне надеясь избавиться от разговора по душам.

Алевтина открыла выкрашенный желтой краской сейф и достала пачку сотенных купюр. Потом на столе появилась толстая книга в обложке из твердого картона: там обычно отмечали, сколько человек отработал дней и часов. Обычно данные, мягко говоря, переигрывались — внезапно отработанные дни исчезали, будто галочки проставлялись волшебными чернилами.

Хозяйка протянула мне тощую пачку купюр и ткнула пальцем в графу:

— Распишись. Хорошего отпуска!

— Спасибо, до свидания! — Я быстро выскочил в торговый зал и помахал рукой: — Всем пока!

На улице выключил мобильный телефон и почти побежал к «шестерке»: на улице автомобили шли плотным потоком — начинался рабочий день. Двигатель на этот раз завелся без проблем, правда, пришлось постоять минут пятнадцать, прежде чем удалось отъехать от обочины. Машина медленно втесалась в нестройные ряды иномарок, тут же шарахавшихся подальше — ржавый корпус за километр выдавал финансовую несостоятельность владельца. В голове крутились простенькие мысли под аккомпанемент скрежещущей коробки передач: сейчас затоваримся в ближайшем супермаркете. Надо взять пива, сигарет, консервов, сосисок и прочей лабуды. Все остальное сложил еще вечером в багажник… Где-то через полчаса втерся на парковку между джипом и новенькой «четырнадцатой». Завистливо погладил сверкающий кузов — эх, такую я смогу купить только лет через двадцать, и то если не буду ни пить, ни есть и перестану оплачивать квартиру.

Через час я был полностью готов: заднее сиденье занял простенький набор продуктов. Зато мой мозг наконец проснулся, головная боль почти ушла, оставив в напоминание только легкую тошноту. На дороге почти никого не было, гаишник вяло посмотрел на мою «шестерку» и тут же отвернулся, сделав вид, что его сильно заинтересовал собственный жезл.

Единственная стоящая вещь во всем автомобиле — автомагнитола «Sony» — выдала через динамики бодрый голос диджея: «Напоминаю, вы слушаете Rising FM! Оставайтесь с нами». Вслед за этим понесся бессмертный хит Найка Борзова «Я маленькая лошадка». Вот уж точно про меня: живется несладко — от отпускных осталось полторы тысячи рублей. Сейчас заеду на заправку — прощайте, пять сотен. Мизерная зарплата, но на лучшее место устроиться никогда не удавалось. Я покорно тянул свою лямку, временами срываясь в поисках лучшей доли, но, как правило, задуманное исполнить не удавалось — подводили партнеры, срывались сделки... Особенно обидно, что все это происходило, когда все самое сложное было позади. Обидная случайность, нелепое стечение обстоятельств — прощай, надежда.

Машина, наконец, выехала за город — я надавил на педаль газа, белая стрелка на спидометре подползла к восьмидесяти километрам. Мимо неслись зеленые деревья, перемежаясь лугами и полянами. Позади оставались проблемы будничной жизни, нудная работа и вечно пьяная компания под окном... Даже стук и скрежет машины казались гимном свободе. Тем не менее скорость пришлось сбросить — автомобиль начало таскать по дороге — вправо, влево. По корпусу пробежала волна воздушного удара — мимо пролетел тягач с фурой.

Оранжевым огоньком мигнул датчик бензина — блин, забыл заправиться. Впрочем, дотянуть до заправки хватит...

Я свернул с трассы на проселок, радио внезапно затрещало короткими помехами: все, почти приехал. Коричневые ворота садового товарищества «Родничок» были гостеприимно распахнуты. Мимо проехала стайка детей на велосипедах, за ветровым стеклом проплыли мирно беседующие старушки...

Мой крохотный домик — три на четыре, с небольшой верандой-кухонькой — остался мне в наследство от бабушки. Квартиру успели «отгрызть» более расторопные родственнички с фразой: «Он — мальчик, другую себе заработает». Старые ворота скрипнули — надо бы смазать...

Я прошел мимо вишен и яблонь к колодцу: открыл крышку и опустил вниз в пластиковом пакете баллон с пивом: к вечеру охладится. Выгрузил из машины продукты и отправился спать, предварительно выкурив парочку сигарет на крылечке.

...Проснулся только на закате — разбудила головная боль: череп будто обхватили стальным обручем и принялись его медленно стягивать. Чертыхаясь, вспомнил, что забыл обезболивающее... Ладно, сейчас попью пива, и все как рукой снимет.

Пружины кровати жалобно заскрипели, освобождаясь от веса моего тела. В голову будто воткнули сотни раскаленных иголок разом — за дверью послышался бодрый голосок тети Гали: «Владик, ты приехал?»

Нет, дура, машина сама по себе приехала, мысленно выругался я. Сейчас будет полтора часа дуть мой чай, выспрашивать о делах... Но чертова вежливость заставила натянуть джинсы и футболку, выйти на веранду и улыбаться приставучей пенсионерке:

— Здравствуйте, как дела?

Мы сидели за столиком и пили чай битый час. Головная боль достигла своего апогея, я болезненно морщился, но наглая тетка и не думала уходить. Она взахлеб рассказывала об увальне зяте, дуре внучке... Ее прозвали в свое время вампиром именно из-за приставучести и наваливающейся после ее визита дикой усталости. Честно говоря, и я после общения с тетей Галей чувствовал себя разбитым. На миг навалилась тошнота, перед глазами побежали красные круги. Вдруг я увидел разноцветный ореол вокруг фигуры надоеды — от него к моей груди тянулось что-то вроде прозрачного тонкого полого щупа с текущей по нему какой-то вязкой жидкостью. Наверно, глюки... Ха, забавно — никогда в жизни ничего не нюхал и не курил. Я поднял правую руку — вокруг кисти и пальцев дрожала разноцветная слабенькая дымка. А если заставить эту белую фигню бежать ко мне?

Я представил, как эта жидкость бежит ко мне, — она вдруг рванулась по заданному направлению, во рту появился сладенький привкус: такой бывает, если выпьешь ложку глицерина. Внезапно куда-то исчезла головная боль, но странная дымка осталась.

Зато тетя Галя побледнела, резко оборвав свою очередную тираду о бестолковом зяте:

— Знаешь, Владик, что-то мне стало плохо... Пойду-ка домой.

— Выздоравливайте, — я вежливо выпроводил незваную гостью. О, чудо из чудес — тетя Галя впервые не допила чай.

Последующие часы наслаждался «Шиханом» и рыбкой с перцем под ночным летним небом. Потом холодной плотной стеной пришел туман и выкурил меня в дом.

Я включил свет, развел буржуйку и стал читать роман, восхищаясь фантазией автора и прихлебывая из стакана пиво. Даже не заметил, как уснул...

Следующий день встретил кружкой кофе и однодневной щетиной. На часах было уже два часа дня, а я только что проснулся... Все-таки отпуск — замечательная штука!

Даже «шестерка» радостно блестела светло-синей краской на гнутых крыльях. Сегодня она решила не капризничать и завелась с первого поворота ключа. Ожила любимая волна — там крутили песню Цоя «Мы ждем перемен». С наслаждением закурил «Балканку» и нажал на педаль газа — машина прыгнула вперед, свистнув задними колесами по бетонной дорожке. Датчик бензина протестующе замигал оранжевым огоньком — еще не хватало встать посреди трассы с пустым баком. Через пять минут показалась заправка со старыми колонками — в городе таких уже не осталось. Эта торчала напоминанием об СССР — покрашенная синей краской, сваренная из металлических листов...

Мой бумажник потерял еще одну пятисотенную купюру, но зато стрелка датчика упрямо колыхалась на середине — почти полбака бензина. Я решил немного покутить и заехал в поселок. Жизнь там уже кипела вовсю — в киосках торговали всякими сникерсами, кассетами и дисками. Бабушки стояли за прилавками, продавая пластиковые бутылки с молоком, банки со сметаной... Неизвестно как в эту пеструю компанию затесался киоск с потускневшей от времени надписью «Спортлото». В моем кармане как раз завалялся пятак — обычно такие монеты я позволял себе проиграть. Никогда не мог вытянуть билетик с приличным выигрышем — как правило, в первый раз выигрывал рублей десять, во второй — пять, в третий — ничего. Этакая трехкратная последовательность...

Я подошел к киоску.

— Девушка, дайте мне лотерейку «2х2».

«Девушка» лет шестидесяти в очках с толстыми линзами протянула целый веер. Я машинально заметил, что радужная дымка окутывает ее руки. Вытянул билетик и поскреб поверхность — мне впервые выпал выигрыш в пятнадцать тысяч рублей. Недоверчиво хмыкнул и прочитал правила — действительно, выигрыш причитался мне...

— Э-э-э, я тут пятнадцать тысяч выиграл...

Тетка за окном улыбнулась своей коллекцией протезов:

— Поздравляю, ваш паспорт, пожалуйста...

Мир наполнился красками: я купил мяса для шашлыка и бутылку «перцовки». Пить одному было скучно, но друзья упорно отнекивались — работа, дети, родители, ремонт. Какое счастье,

что я холост! Впрочем, все мои возлюбленные всегда предпочитали других. Внезапно мне захотелось съездить в казино — из выигранных денег можно было промотать тысяч пять…

Вечером я вошел под своды игорного заведения, сопровождаемый подозрительными взглядами секьюрити.

Рядами стояли игровые автоматы, возле столов толпились счастливчики в дорогих пиджаках. Я забился в угол, под защиту ровного строя «однорукихбандитов» — машине было все равно, кто кидает жетоны. Замигали огоньки — на электронном табло выскочила выигрышная комбинация, в лотке приятно зазвенело. Потом «бандит» начал медленно подъедать мои запасы, зато рядом уселась высоченная широкоплечая блондинка с лошадиным лицом: дорогие украшения, модные шмотки — девочка явно из мажоров.

Я ради шалости решил поиграть — приказал своей дымке протянуть щуп к ней. «Контакт» установился быстро — белесый щуп устроился между ее небольших грудей. А теперь качай — развлечения с глюками продолжались. Стоит сходить к врачу, хотя нет — стыдно, а вдруг потом еще в дурку упекут? Само пройдет…

На языке опять появился характерный привкус, временами слюна поднималась вверх сладковато-вязкой волной. Я так увлекся процессом, что напрочь забыл об игре. Девушка, видимо, почувствовав пристальный взгляд, резко повернулась.

— Чего уставился? Я не про тебя.

По незримому щупу-трубочке с жалким всхлипом пробежала последняя волна — теперь тянулись жалкие капельки. Я хмыкнул и нажал на кнопку — аппарат замигал разноцветными огоньками и проиграл какую-то бравурную музычку — в лоток со звоном посыпались жетоны. На мигающем табло появилось слово «Джек-пот».

Я сгреб жетоны — сидеть рядом с девушкой было неудобно, это чувство забивало даже радость от выигрыша. Тридцать тысяч аккуратно запрятал в карман, остальное разменял на жетоны. Всю жизнь мечтал сыграть в рулетку — и вот, наконец, сижу за столом и слышу голос крупье:

— Делаем ваши ставки, господа!

Я прохрипел:

— Тринадцать, черное!

Крупье переспросил:

— Извините?

— Тринадцать, черное, — горло отказывалось повиноваться.

Шарик запрыгал по цветным делениям, на мгновение поколебался и упал на «тринадцать, черное» — крупье пододвинул фишки ко мне. Дальнейшее было похоже на безумный сон — в кармане лежали триста тысяч. Администратор на прощание объявил, что больше играть меня не пустят.

На дачу ехать было поздно, поэтому я завернул к родной девятиэтажке. Машину бросил во дворе, даже не закрыв дверей, — кому такая развалина нужна? Лифт пах мочой, судорожно дергался при подъеме — дому недавно стукнуло тридцать пять лет.

На моем этаже сложный механизм немного подумал, потом все-таки открыл двери. На площадке царила полная темнота, так что здорово помучился, стараясь попасть в замочную скважину. Ботинки полетели в разные стороны, и я опрометью влетел на кухню — вывалил тугие пачки купюр на стол: нет, они никуда не исчезли. Как все-таки приятно трогать и пересчитывать деньги...

Жестким усилием воли заставил себя пойти в ванну. Уселся в горячей воде и только теперь задумался: с чего бы это мне так везет? Всю жизнь с неба падала не манна, а увесистый кирпич на голову. Неудачи буквально шагали со мной под руку, начиная с детского сада. Я медленно изучал белую керамическую плитку и ковырял пальцем крошащуюся штукатурку. Потом перевел взгляд на свою грудь — в разноцветной дымке плавало белое облако. Может быть, я научился красть чужую удачу? Впрочем, через некоторое время идея показалась сумасшедшей. Пообещав себе разобраться с этим завтра, отправился спать. Долго крутился в кровати, переворачиваясь с боку на бок, — мысль постоянно подталкивала, заставляла думать.

В итоге загорелся монитор, я в трусах и с кружкой кофе ушел в виртуальный мир на поиски истины... Сайт за сайтом, форум за форумом мелькали перед воспаленными глазами, несчастный работяга-чайник переехал к рабочему месту. На небе плыла Луна, насмешливо наблюдая за потугами смешного человечка, пытающегося влезть в мир магии...

К рассвету в моей голове поселились сложные понятия типа «аура», «карма» и «энергетический вампир»... Однако ничего о пьющих удачу найти так и не удалось, были только какие-то размытые и общие слова. Зато я четко понял, что чужую удачу просто ворую.

Поздним вечером простенький план был готов: съездить на время отпуска в «рейд» по казино. На скорую руку пробежался по магазинам, приоделся в фирменные шмотки, так и не поняв

различия «фирмы» и тряпок с вьетнамского рынка. Разве только в цене…

На следующий день в автосалоне приобрел новенькую «двенашку», заплатил за ее оформление и спокойно пошлепал в ближайший ресторан. Потрошить местные казино пока что не стоило: их я оставил на десерт.

В зале было прохладно: вовсю гудели кондиционеры. Между столиками сновали официанты — сейчас как раз наступило время обеда. Серьезные дяденьки в костюмах с дорогими мобильными телефонами валили валом. Мой запас удачи следовало пополнить — в качестве жертвы я выбрал лысого сухопарого мужчину в сером костюме…

Поздним вечером валялся на диване и смотрел любимый ужастик под названием «Криминальные новости». Диктор прокашлялся и произнес счастливым голосом — эта манера меня всегда забавляла: как будто он радуется всем несчастным случаям и авариям, словно своему дню рождения: «Вчера в полночь погибла дочь банкира Иванова. По предварительной версии, девушка не справилась с управлением и врезалась в железобетонные ограждения».

На экране возникла картинка — спасатели МЧС вскрывают искореженный «Мерседес». Диктор добавил: «Лене исполнилось на момент аварии всего двадцать три года. Приносим соболезнования семье погибшей». Теперь показывали фото девушки — моей соседки по игровому автомату. Это лицо меланхоличной лошади с брезгливым выражением не узнать было нельзя. В ответ я злобно хихикнул…

Денег осталось совсем немного: всего-то семь тысяч. Запасы следовало пополнять. В два часа дня позвонили из автосалона с просьбой забрать машину. Сотрудник выгнал «двенашку» на залитый солнцем двор и оставил меня с ней один на один. В салоне пахло кожей молодого дерматина и медленно плавали в горячем воздухе потревоженные пылинки.

Я вырулил на ближайшую заправку, доверху залил бак. На «Rising FM» крутили песню «Технологии», солист словно чеканил слова: «Все, что ты хочешь — получишь один». Вот уж точно, получу…

Через три дня я приехал в столицу, успел перелаяться с гаишниками и несколькими водителями. Постоял несколько часов в знаменитых московских пробках, но все-таки доехал до гостиницы «Аякс» на окраине и снял одноместный номер — наличка убывала прямо-таки с космической скоростью. Конечно, понятно,

что Москва — столица, тем не менее номер был похуже, чем в родном городе, а требовали за него чуть ли не в три раза больше. Впрочем, приткнув автомобиль на парковку, я немного успокоился и решил передвигаться только на общественном транспорте. Весь последующий вечер отмечал крестиками на карте города казино и игровые клубы, которые собирался посетить в ближайшее время…

Моя жизнь в столице превратилась в сплошной блестящий комок событий: выигрыши, блеск витрин, бесконечные пьяные кутежи, проститутки — чем я хуже любого другого богача? Я перестал спать по ночам, словно прилежный жнец, обходя нужные заведения. Теперь всегда отсыпался днем; дело дошло до того, что глаза стали болеть от солнечного света. Единственным запомнившимся событием был звонок Алевтине с добрым пожеланием отвалить куда подальше со своим мизерным окладом. Все равно на счетах лежала крайне неплохая сумма…

Только однажды, проснувшись с мирно сопящей рядышком «Ариэлью», я понял, что так больше продолжаться не может: нужен был план понадежнее. Открывать свою фирму? Да на кой черт мне бесконечные чиновники, вымогающие взятки, налоговая инспекция? На ответ меня натолкнул старинный дом — он был в свое время «доходным». Все простое, как всегда, гениально — купить несколько квартир и сдавать их, а самому спокойно жить на получаемый доход.

…Поздней ночью я выехал домой: Москва меня разочаровала — сплошной пластиковый хор из однотипных зданий, ничего индивидуального, присущего старинным городам, — чуть более роскошный филиал моего провинциального города. Красную площадь, Кремль и прочие исторические памятники я так и не посетил — за деньгами приехал как-никак.

«Двенадцатая» послушно отражала на серебре краски пролетающие мимо огни фонарей, двигатель натужно взревел — впереди была полупустая трасса. Стрелка спидометра подползла к ста пятидесяти километрам. Я устроился поудобнее — на переднем сидении лежал термос с горячим кофе, несколько банок с «Адреналин Раш» — старый прикол для междугородних переездов: не спишь пару ночей, чтобы приехать побыстрее… Машина мне попалась идеальная — она ни разу не подвела, но почему-то вспоминалась именно «шестерка», ставшая за пять лет родной. На «Rising FM» крутили песню «Сектора Газа» «Пора домой». Я начал подпевать, отстукивая ритм ладонями по рулю…

По приезде мой организм вошел в нормальный режим, за пару дней глаза привыкли к солнечному свету. Единственным изменением были сильно отросшие клыки, но это ни капли не мешало. Десяток купленных и сданных в аренду квартир приносил порядка ста тысяч, такую сумму потратить я не мог — в кровь впиталась привычка экономить каждую копейку. Зато валяться целыми днями на диване было тошнотворно скучно — просмотрел все фильмы, переиграл в кучу игр, книги заняли всю кладовку… Отдушиной стали Интернет-казино: блокировку администрации я научился обходить очень быстро, регистрируясь под десятками логинов, меняя IP-адреса, и, соответственно, создал несколько кошельков на «WebMoney».

Чуть позднее нашел еще одну увлекательную игрушку для себя — Forex. Хотя здесь мне здорово мешало чужое влияние. Однажды котировки начали резко падать вниз, сжирая капитал. Не знаю почему, но я прислонил палец к стеклянной поверхности, к новой, падающей вниз свече и повел вверх. Эти сто долларов дались тяжело, пот тек по лицу тонкими струйками. Весь запас удачи просто испарился…

Со временем я насобачился красть у целой группы людей разом, пополняя свой резерв. Пить удачу можно было и через предметы — особенно хорошо контакт устанавливался через личные вещи: расчески, нижнее белье, волосы… Брезгливость? Подумаешь, стоит разок испачкать руки ради будущих барышей. Поэтому я усердно скупал на Интернет-аукционах личные вещи звезд, здраво рассудив: если взобрались так высоко, то значит и запас удачи у них нехилый. Догадка оказалась верной — под рукой оказался настоящий клад. Как выяснилось чуть позже — удача через некоторое время восстанавливается, поэтому я перестал устраивать гонку, предпочитая забирать понемногу.

Единственные места, где мой дар напрочь отказывался служить, — церкви и мечети. А если на пути встречался настоящий священник или мулла — туши свет, бросай гранату — на расстоянии пары сотен метров ловить было нечего.

Однажды зимой мой мобильник разразился резкой трелью и запрыгал по краешку стола. Мельком посмотрел на экран — там высветился незнакомый номер. Какого черта звонят так поздно? Я поднес трубку к уху.

— Алло?

— Привет, Влад! Ты куда пропал? — Этот голос мог бы узнать из тысячи: эту девушку я когда-то беззаветно любил.

— Дела, знаешь ли…

— Приезжай в гости, я торт испеку.

В голове мелькнуло: к чему бы этот нездоровый интерес? У девочки есть мальчик, вроде бы жениться собирались…

— Как время выкрою, — на самом деле я был полностью свободен. — Пока!

— Пока! — Из динамика понеслись короткие гудки.

Время я выкроил в субботу — долго боролся с соблазном, но желание увидеть свою возлюбленную все-таки победило. Вооружившись тортом и букетом алых роз, приехал к ее дому и долго курил в салоне своей новой машины — «Мазды»-шестерки. Зачем мне это вообще надо? Я привык жить наособицу, сидя за кулисами, только наблюдал за дешевым балаганным действом под названием «жизнь». А вот теперь влезаю в старую игру, будто в первый раз мало получил по лбу. Я перевел взгляд на букет и торт, а потом на сидящих у подъезда девочек — схватил «набор джентльмена» в охапку и вышел из машины.

— Девчонки, забирайте! — Они на мгновение перестали болтать и удивленно уставились на меня.

— Свидание не удалось? — рыженькая озорно посмотрела на меня из-под челки.

— Точно. Пока. — Я крутанулся на каблуке, повернувшись лицом к своей машине.

— Эй, а телефончик не оставишь? — она была чем-то похожа на озорного котенка.

— А оно тебе надо?

— Ой, ну не хочешь — как хочешь… — В голосе девчонки засквозила обида.

Я сел за руль — с неудавшимся свиданием, подмигнул самому себе в зеркальце заднего обзора. Что ж, везет в игре — не повезет в любви.

Кто бы знал, что через пару месяцев на рынке столкнусь нос к носу с этой рыженькой Аленой! Мы встречаемся уже пять месяцев, пока все идет благополучно — только мой запас начинает потихоньку таять, нужны дополнительные источники…

Кстати, дамы и господа, вы все еще удачливы?

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ

Сибирская Рапсодия

Рассказ

1. Водка

На улице было достаточно тепло — всего минус пятнадцать по Цельсию. В такую погоду плевки не замерзают в воздухе. Вот когда в Сибири стоит настоящий мороз, минус шестьдесят — минус семьдесят, тогда лучше не плеваться. Сейчас в самом разгаре был август, и Тихон ходил в летних валенках.

Ржавый трамвай без стекол медленно ехал по серому, пустому Сибирску. Половина мужиков в салоне были уже пьяные, некоторые достали из-за пазухи балалайки и горланили веселые песни невпопад.

За окном проплывали угрюмые, крытые дощатым тротуаром и запорошенные снегом улицы городка. Лишь иногда по ним проходил мужик на лыжах или медведь. Тихону было скучно, и он решил послушать, чего говорят люди в трамвае.

На сиденье сзади о чем-то рьяно спорили двое выпивших ученых из НИИ.

— ...Да ну ты брось!

— Да я тебе говорю, ..., не прав был Эйнштейн! Эксперименты Майкельсона-Морли все доказывают, ...! Пространство-время — это полная брехня!

— Не то ты говоришь, Соломоныч, ..., не то. Эйнштейн — он, это, правильный был мужик, я его уважаю. Глупо отрицать, ..., что время является четвертым измерением. Теория относительности — это как...

— Волки на рельсах, — уныло сказал из динамика прокуренный голос водителя, и трамвай остановился. — Приготовьте ружья.

«Странно, я думал, он уже выпил, — флегматично подумал Тихон, заряжая ружье, которое каждый настоящий сибиряк всегда носит с собой. — И что-то волки рано в город пришли, обычно не раньше сентября».

Мужики в салоне прекратили играть на балалайках и тоже потянулись к ружьям. С улицы слышалось волчье рычанье, и Тихон высунулся в окно. Волки были большие и голодные, они окружили трамвай и норовили запрыгнуть в его более тёплое нутро. Мужики стали палить по зверью, через несколько минут трамвай качнулся и продолжил движение, переехав чей-то труп. Разговор сидящих сзади быстро наскучил, и Тихон стал вслушиваться в разговор сидящих спереди. Там притулились молодой парень с еще короткой бородой и зрелый мужик с бородою длинной и солидной. Молодой спросил:

— Кто такие женщины?

— А это, брат, такие существа в балете из *телевизера*, — сказал старший и погрозил пальцем для важности. — Они ходят без шуб и ружей, в Сибири они не выжили бы.

— Так вот оно что! Тогда понятно. А зачем они нужны?

Старший прокашлялся.

— А вот это-то не известно. Старики говорят, что сначала они были нужны людям для размножения, и потом только мужики стали сами появляться, без их помощи. Но что-то не верится в это. Взять вон медведей — они в город из леса приходят. Волки оттуда же. Циркачи и интуристы по железной дороге приезжают. Инопланетяне — те на *энело*. А люди — они как в Сибири жили, так и будут жить. И никакие женщины им для того не нужны.

Тихон подумал, что знает о женщинах больше, чем эти два мужика, — он ведь читал Толстого и Достоевского. Но зачем нужны женщины, он тоже никогда не мог понять. Отца-воспитателя у Тихона не было, он даже отчества не имел, и рассказать о подобных вещах ему никто не мог. О своем происхождении сибиряк знал мало, слышал только, что впервые в Сибирске его увидели на вокзале, и что тогда он даже не носил бороды. Избу, ружье и лыжи в горсовете выделили, работу нашли — так и живет.

Трамвай проехал мимо фабрики по заготовке дров и остановился у НИИ. Пьяные ученые вышли на улицу и пошли по широкой синусоиде в сторону длинного деревянного здания — без лыж, по сугробам. Тихону подумалось, что все ученые не умеют пить и

рано пьянеют. С другой стороны, трезвыми они бы ничего не придумали… Да ну их, ученых этих!

В трамвай вошел толстый мужик с авоськами, снял лыжи и громко заорал:

— Водка, свежая водка!

У Тихона уже было с собой две бутылки, на утро хватит. Он сидел спокойно. Многие пассажиры поднялись с сидений и принялись меняться. Продавец заломил невиданную цену — одна кунья шкурка или половина нефтяной акции за две бутылки. Люди просили сбавить цену, но дядька не соглашался. В конце концов, один из мужиков не выдержал, набил торговцу морду, отобрал авоськи с водкой и стал передавать бутылки остальным. Продавца вместе с лыжами выкинули в окно.

Снова дощатые тротуары за окном, снег и ветер навстречу. На следующей станции в салон вошли двое, один из мужиков держал в руках большие тяжелые коробки, второй же был сослуживцем Тихона, Никанором Петровичем. Увидев знакомое лицо, Петрович заметно повеселел и, сняв лыжи, уселся рядом.

Мужик с коробками прокричал на весь трамвай:

— Патроны, свежие патроны!

Пассажиры, у кого патронов было мало, подошли и стали покупать.

— Ну что, Тихон, как дела твои? — спросил Петрович.

— Тоскливо что-то мне. С утра уж такой.

— Не ел, что ль, вчера?

Тихон покачал головой:

— Как не ел — я ж вон дня два назад в лес на медведя ходил, сейчас на неделю мяса хватит. Просто на душе тоскливо, понимаешь.

— А ты погоди, Тихон, я тебе такого расскажу — всю тоску как топором обрубит. Пришел, я, значица, вчера домой в избу. И давай водку пить.

Петрович сделал выразительное лицо, показывая, что сейчас скажет что-то удивительное.

— Пил я ее, значит, пил, литров десять, пока противно не стало. И гляжу в окно — а тама энело большое, и светится! Вот как оно.

Тихон удивился.

— Ничего себе! Уж год их никто не видел, и опять, значит!

— Так это не все! Дальше гляжу — выходят оттудова эти зеленые и говорят мне: неси нам, говорят, Петрович, зимние валенки Тихона — ну, я тебе их с того года не отдал еще! Так вот, эти-то и говорят: нужны они нам, ну позарез просто нужны. Ну, я, на …

с ними спорить, встал, в кладовую иду. Только руку за валенками протянул, вдруг глаза открываются: сам на полу лежу, а вокруг — ни валенок, ни инопланетян! На часы посмотрел — утро. Весь дом обыскал, и нигде нету!

— Кефир, свежий кефир... — несмело сказал вошедший на следующей остановке очередной продавец. Кефир сибиряки не любили, потому мужик был немедленно вытолкан из трамвая.

— Пропил ты мои валенки просто, Петрович, — нахмурился Тихон, еще больше расстраиваясь, и отвернулся от собеседника. Потом решил, что пора выпить, достал из кармана бутылку и прочитал этикетку:

«ВОДКА ПРОСТАЯ, 40%. ОДОБРЕНО МИНЗДРАВОМ СИБИРИ»

2. КГБ

Атомная электростанция, на которой работали Тихон с Петровичем, снабжала энергией две соседние сверхстратегические ракетные базы, Секретный Военный Завод и лагерь с политзаключенными.

От трамвайной остановки до АЭС можно было добраться только на лыжах. Лыжи, как и винтовку, сибиряки почти всегда носили с собой и оставляли у выхода из трамвая.

— Погоди, Тихон, не поспеваю за тобой! — пыхтел Петрович сзади. — Что ж так быстро идешь?

— Опаздываем, начальство будет ругаться.

— Смотри, медведь! — испуганно сказал Петрович, останавливаясь, и поднял ружье.

Тихон пригляделся и облегченно вздохнул: медведь был знакомый, и шел он по своим делам.

— Это ж ручной, Тишка, не узнал, что ли? Он на станции живет, идем.

— А, и правда, ручной... Не признал в полутьмах.

У огромных ржавых ворот станции, покрашенных в грязно-зеленый цвет, стояли два сотрудника КГБ в круглых фуражках. Кэгэбисты единственные из жителей Сибирска не носили шапок-ушанок, потому что не положено, и многие были наполовину глухими — уши не выдерживали холода.

— Идут, бездельники, — сказал один из них, низкорослый и худой, махнув в сторону Тихона и Никанора рукой.

— И вправду, в лагеря бы их всех! — отозвался второй, высокий и толстый, хмуря брови. — А потом расстреливать, расстреливать...

За наполовину разрушенным забором высились пять зданий атомной станции — четыре реакторных блока и корпус обслуживания. На серой бетонной стене последнего красовались большая выцветшая красная звезда, серп и молот, а рядом висел новый герб — двуглавый медведь с балалайкой и бутылкой водки в лапах. Внутри зуб на зуб не попадал — холодно, ночью не топили. Отопление на станции, как и везде в Сибири, было печное. Тихон сел за пульт управления и сказал Никанору Петровичу:

— Сходи-ка за дровами в сарай к снабженцам. Сидеть не могу — холодина. А водки с собой мало.

Петрович ушел, а Тихон достал из-за пазухи самокрутку, спички из кармана и первый раз за утро закурил, уставившись на приборную панель.

Пульт управления состоял из тумблеров типа ВКЛ-ВЫКЛ, красных лампочек и приборов со стрелками. Половина приборов зашкаливала, как всегда. Мужик угрюмо посмотрел на приборы и достал вторую бутылку водки.

3. Политзаключенные

Внезапно большая красная лампа, третья справа, стала мигать. Тихон мгновенно протрезвел и пнул пульт управления ногой. Мигание прекратилось лишь на пару секунд, а потом возобновилось с еще большей частотой.

— Ну что ж ты, …, опять, что ли? — выругался Тихон и пошел к начальству в кабинет докладывать.

Начальство сидело за большим столом, сплошь уставленным бутылками водки, и выпивало. На полу валялась балалайка с порванными струнами.

— Здорово, Иваныч, тут такое дело… — начал Тихон, но начальство прервало его, грохнув граненым стаканом по столу.

— Садись, Тихон. Пей.

Пришлось выпить. После первой бутылки Иваныч сказал:

— Да-а, перевелись нынче хорошие инженеры. Все туда, — тут он указал рукой на запад, — уехали, теперь за телевизерами сидят, эти, программы придумывают для… для…

— Микрософта, — подсказал Тихон, вспомнив хитрое название.

— Во-во, и не говори. Для Микрософта. Все инженеры туда уехали. И дома у всех телевизеры, ванны, как у каких-нибудь там нефтяников. Тьфу!

Тихон тоже плюнул. Нефтяники жили в поселке к северу от Сибирска, и настоящие сибиряки их не любили. Ну разве можно

уважать людей, которые не носят бороду и вместо водки пьют какую-то подкрашенную дрянь?

— Вот осталось вас в отделе четверо всего, а если инопланетяне нападут? Или мутанты из подвалов полезут? Политзаключенных — вон, втрое больше, чем мужиков во всем Сибирске! А если кто из лагеря сбежит и станцию захватывать будет? Кто обороняться станет? Эти, что ли, из КГБ?

— Да нужно им это! — отозвался Тихон и выпил еще. — Им бы только мужиков простых расстреливать.

Начальство согласно кивнуло, взяв со стола следующую бутылку.

— Снабжения никакого. Вот, опять сейчас не знаю, чем вам на неделе зарплату выдавать — водкой, дровами или табаком?

— Мне лучше табаком, — Тихон заметно повеселел. — Он нужнее. Или патронами, если будут.

— Кстати, где Вова и Василич? — спросил Иваныч, разливая по стаканам. — Я только вас с Никанором сегодня видел.

Тихон выпил, не чокаясь, и ответил:

— Василич на медведя в лес пошел. Есть хочет. А Вова — я к нему заходил вчера, он уж третий день спит. Не знаю, придет сегодня или нет.

— Безобразие… — отрешенно сказало начальство, глядя куда-то в окно.

Открыли третью бутылку. Тихон выпил из горла. Внезапно дверь со скрипом открылась, и в кабинет ввалился Петрович.

— Ну где ж ты, Тихон? Я тебе вон дров в комнату принес.

Тихон хотел ответить, но вдруг почувствовал металлический привкус на зубах, и наконец вспомнил, зачем пришел.

— Я ж что хотел сказать, Иваныч. Лампа мигает. Течь, кажись, в третьем реакторе.

— Ну, разве удивительно, — спокойно сказал Иваныч, протягивая стакан Никанору. — Снабжения никакого. Все старое. Проверять, чинить некому. И кого мы туда отправим?

— Я не пойду, у меня работы полно, — ответил Никанор и залпом осушил стакан. — Мне еще надо трансформатор ремонтировать.

Тихон тоже покачал головой и нахмурился. Лезть в реактор не хотелось никому. Начальство строго посмотрело в глаза подчиненным и почесало бороду.

— Придется снова… Эх, как не хотелось мне это все, — уныло проговорил Иваныч после небольшого раздумья и подтянул к себе большой дисковый телефон, стоявший на столе.

— Сейчас опять в лагерь звонить будет, — тихо сказал Никанор в сторону, а Тихон кивнул.

Иваныч набрал номер и стал кричать в трубку:

— Алло, это лагерь с политзаключенными?! Генерала позови! А, это ты! И тебе здорова, Николай… Слушай, не можешь послать нам штук десять заключенных?! А, да нет, ничего серьезного, штатный случай… Просто рук рабочих не хватает! Что, не слышу?! Можно?! Через полчаса? Ну спасибо, с меня должок. Должок, говорю! Ну, давай…

Положив трубку, начальство сказало:

— Ну, давайте, по местам. Сейчас приведут зэков, они нам все и починят. Ты, Тихон, в окно проследи, проводим их, когда придут.

4. Медведь

Печка нагрела воздух в комнате, окошко немного оттаяло, и в него можно было следить за воротами. Когда они открылись, мужик докурил самокрутку и поднялся с места.

Сибирское солнце в августе встает за час-два до полудня, а через два часа после обеда у горизонта остается лишь бледно-желтая полоска света. Когда Тихон вышел из здания, как раз светало. Небо было хмурое, дул сильный ветер, но инженер посмотрел на восходящее солнце, и на душе немного потеплело. И то ведь хорошо, что оно встало — в ноябре-январе солнце не поднимается вообще.

Вместе с заключенными, закованными в одну общую цепь, прибыл майор в фуражке и с пистолетом. Когда кто-нибудь шел медленнее других, он стрелял вверх и громко матерился.

— Ну, на …, что у вас тут сломалось?

Тихон проводил их по двору к третьему блоку и открыл деревянную дверь.

— Вот, с ним что-то.

— Так что именно? — спросил сотрудник КГБ, разглядывая бетонную громаду реакторного блока.

Тихон пожал плечами.

— Не знаю, течь вроде бы.

Среди политзаключенных послышались недовольные голоса, и майор, выстрелив в воздух, крикнул:

— Так, за работу, собачьи отродья! Всех расстреляю! Реактор — проверить, течь — заткнуть! Так, а чем течь затыкать? — повернулся он к Тихону.

— А так вы сходите к Никанору, он вам тряпок даст и инструменты всякие, — сказал Тихон, поправил шапку-ушанку и пошел

обратно к пульту управления, добавив напоследок: — Вы только это, в подвалы не заходите, там мутанты голодные.

На обед выдали медвежатину с водкой. Тихон ел мясо, как настоящие сибиряки, голыми руками, прямо за пультом.

— Здорово, — послышался густой, басовый голос за спиной.

Сибиряк обернулся и увидел Вову, стоящего у входа. Вова был сравнительно молод, ростом два метра с небольшим, и почти все время спал.

— И тебе здорово, — Тихон вытер руку о шубу и поздоровался с великаном.

— Я тут опоздал… — Вова зевнул. — Что без меня было?

Инженер махнул рукой.

— Да, опять реактор потек. Начальство из лагеря зэков вызвало, теперь вон чинят. Ты пей давай.

Тихон протянул сотруднику бутылку водки. В это мгновение в комнату вбежал Петрович и спросил у мужиков:

— Вы это, напильник с кувалдой не видели? Найти не могу. А заключенные просят, говорят, течь нашли, корпус обработать надо.

Вова отозвался, почесав затылок:

— Так их же Василич вчера брал, он печку у себя чинил.

— Кого брал?

— Ну инструменты наши, напильник и кувалду. Посмотри у него в каморке.

Никанор кивнул, залпом выпил водку из стоящего на пульте стакана и ушел. Вова оглянулся и сказал вполголоса:

— Я тут про такое дело в трамвае слышал, не поверишь!

— Про энело? Так и я слышал, мне вон Петрович рассказывал.

Вова махнул.

— Да нет же, не про то. Про энело ты Петровичу не верь — он пить не умеет. Тут в трамвае два мужика с Секретного Военного Завода разговаривали. Говорят, к ним интуристы приехали какие-то странные, яства диковинные привозили! Сказали — пожуешь такое яство, и сразу счастливый станешь весь. Эти интуристы всем сибирским интересуются, им тамошние аппараты по превращению воды в спирт показали, так этим все понравилось. Ну я и спросил у мужиков: говорю, а к нам на АЭС эти интуристы приедут? Они, мужики эти, и отвечают: «В городе надолго — и на АЭС приедут, и в НИИ, в лагерь и к нефтяникам заглянут». Вот так-то!

— Да… Во дела! — сказал Тихон и задумался.

Эти яства диковинные — как раз то, что ему в его жизни и не хватает, понял он. Что, по сути, жизнь сибиряка? Водка, табак, медвежатина, ну, еще пельмени по праздникам. В лес пошел, медведя застрелил — сытый неделю. Бутылка, дрова есть — не холодно. А в общем-то скукота. Развлечений никаких, разве что бои кулачные стенка на стенку, НИИ скажем, против трамвайщиков, или еще на руках бороться... Вот как бы достать этих диковинных яств?.. И как выпросить их у иностранцев? Он же никогда близко не встречался с людьми из-за границы, не знал, что им нужно и как к ним обращаться...

— Скорее, скорее! — проорало начальство, вбегая в комнату. — Ружья хватайте, и во двор!

Тихон мгновенно прекратил размышления, схватил ружье и спросил:

— А что такое-то?

— Мутанты из подвалов полезли! Отстреливать надо.

Вова сказал:

— Но кого-то надо же оставить за пультом! Нельзя ж без присмотра надолго.

— Да вы там давайте, — сказал Тихон, хмуря брови. — Посадите кого-нибудь.

Иваныч выругался, убежал куда-то. Через минуту они с Никанором привели упирающегося медведя Тишку и посадили на табуретку.

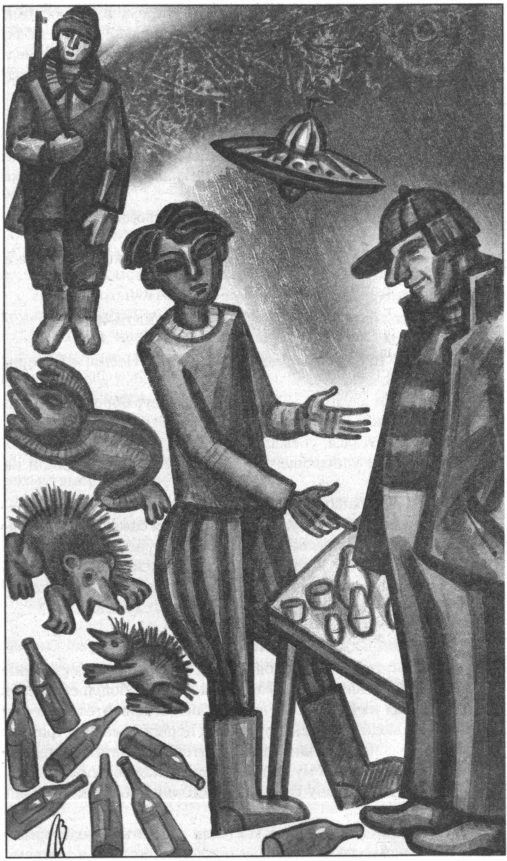
— Отдай ему шапку-ушанку, — сказало начальство Тихону. — Не положено медведей без ушанки за приборы сажать. На базе ракетной сверхстратегической вон посадили за красную кнопку медведя без шапки, теперь Восточное Самоа найти не могут.

Сибиряки напоили медведя водкой, натянули ему на голову ушанку Тихона и пошли во двор смотреть, что случилось.

5. Ружья

Говорят, что мутанты стали появляться в окрестностях станции еще лет двадцать назад. Поговаривали, что не обошлось тут без пьяных ученых из НИИ. КГБ, похоже, не оставил этот факт без внимания, и люди в круглых фуражках периодически устраивали лесные облавы, отлавливали мутантов и сажали в подвалы. Охранять их было некому, замки были ненадежными, и Иваныч рассказывал Тихону страшные истории о бунтах жителей подвалов.

Внутренний двор, в котором стояли все четыре реакторных блока, был покрыт сугробами после ночного снегопада, к третьему



блоку тянулась цепочка следов людей из лагеря. Во дворе, у выхода из корпуса обслуживания, уже собрались все остальные работники АЭС. Трое из снабжения, два бухгалтера, весь отдел Иваныча и директор станции, Федор Степаныч. Все напряженно смотрели на голый снег около блоков, но, на первый взгляд, двор показался Тихону абсолютно пустым и тихим, и было непонятно, к чему весь этот шум.

— О, смотри, какой здоровый ползет! — сказал Терентич из отдела снабжения Никанору, показывая на четвертый блок. Петрович вскинул ружье и выстрелил. Остальные мужики, кроме Тихона и Вовы, тоже подняли двустволки и стали беспорядочно палить по двору.

— Погодите, — удивленно сказал Вова. — Я вот вообще никого не вижу, зачем стрелять-то?

— Я тоже не вижу ни ..., — проговорил Тихон.

— Так вы пили, поди, мало сегодня! — воскликнул Федор Степаныч, приостановив стрельбу. — Тут трезвому не разобраться, ну-ка нате, добавьте.

Начальник станции достал из кармана бутылку и протянул Тихону, он выпил из горла половину и отдал Вове. Протер глаза, растер замерзшие уши, заново взглянул на двор и, наконец, увидел...

Двери на всех четырех подвалах были сорваны. Мутанты медленно ползли по снегу в сторону корпуса обслуживания, толкая друг друга и перелезая через убитых сородичей. Мужики в лохмотьях с песьими головами, мужики с медвежьей шерстью, с огромными рогами, как у лося. Гигантские колючие ежи с суровыми, бородатыми лицами. Их были сотни, да что там сотни, тысячи, им не было числа, а в их глазах сквозила обреченность и ненависть. Но что самое страшное — им всем ужасно хотелось есть. Тихон понял, что из-за голода они готовы на все, поднял ружье и тоже начал стрелять.

— Вова, ты-то что стоишь, помогай! — прокричал через шум выстрелов Иваныч. — Без тебя нам не справиться!

— Ага, — кивнул, зевая, Вова и снял с плеча свое оружие. Вместо ружья и патронов он носил старинный шестиствольный пулемет и длинную пулеметную ленту, обвязанную вокруг пояса.

Полетели гильзы, и мутанты прямо на глазах стали превращаться в фарш.

— Че ж вы их в цирк-то приезжий не сдаете, Федор Степаныч? — спросил с упреком Вова у директора станции.

— Да им там уже девать некуда мутантов этих! — прокричал в ответ Федор Степаныч. — Года два назад мы им три вагона

мутантов отдали, больше, говорят, не нужно. Им, видите ли, сейчас карликов подавай и женщин бородатых! А откуда я женщин в Сибири-то возьму?

— Безобразие! — согласился Иваныч, перезарядил ружье и продолжил стрельбу.

...Как это часто бывает, дорогу домой Тихон не запомнил.

6. Балалайка

Растопив поутру печь и напившись ледяной воды из бочки, Тихон понял, что уши он вчера без шапки вконец отморозил и на работу не пойдет. Придется лечиться водкой. Водка — лучшее лекарство от любых недугов, подумал Тихон и поправил сам себя: кроме, пожалуй, душевной хандры. Конечно, если выпить водки не слишком много, литра три, настроение сначала поднимется. Однако утром хандра возвращается, и так продолжается неделя за неделей, месяц за месяцем. Год за годом. Кто-то говорит, что жизнь надо менять — а как менять? Зачем менять? Пить водку, что ли, бросить? Тогда замерзнешь или того хуже, как вчера — мутантов не увидишь. Работу сменить? А что он, Тихон еще умеет, кроме как за лампочками следить да на рычаги слива-загрузки топлива нажимать?

Было, конечно, время, когда Тихон делал матрешки и сдавал в специальный пункт, откуда их увозили в Европу для продажи. Специально для изготовления матрешек у Тихона в избе стоял небольшой токарный станок. Но потом большинство мужиков свой матрешечный бизнес прекратили, пункт приема матрешек закрыли, и станок уже много лет стоял без дела.

Нет, без тех диковинных яств, что должны, обязательно должны привезти на АЭС иностранцы, Тихону не обойтись.

Внезапно в голову Тихону пришла мысль: если эти интуристы интересуются всем сибирским, то почему бы не подарить им бесконечную сибирскую матрешку? Тихон быстро накинул шубу, подошел к сараю с дровами, выбрал дюжину поленьев и вернулся в дом. Разобрал поленья по размеру, распилил на баклушки и запустил станок.

Весь день он вытачивал матрешечные заготовки, постепенно уменьшая их размер. Секрет бесконечной матрешки поведал Тихону один из его соседей, сказавший, что такие лучше продаются. Прерывался Тихон только на то, чтобы покурить, выпить водки и поесть сырой медвежатины.

Станок трещал и гудел, как ракетная установка, было пыльно, летела стружка, но Тихон не обращал внимания на подобные мелочи — ведь впереди виднелась столь желанная цель!

— Главное, чтобы интуристам понравилось… — бормотал инженер, машинально меняя болванки и сверла. — Лишь бы яств диковинных дали…

Когда солнце зашло, Тихон стал раскрашивать заготовки, используя черную и серую краску. К вечеру в избе закончилась водка, пришлось идти к Василичу, он жил ближе всех.

Перед домом Василича залегла на ночевку небольшая стая волков, пришлось подстрелить пару самых крупных, остальные разбежались. В окне у Василича горел свет, скрипучая деревянная дверь была не заперта. Тихон вошел в избушку, снял в сенях лыжи и вошел в комнату. Василич сидел за столом, на котором стояла одинокая бутылка водки, и играл на балалайке «Эх, дубинушка, ухнем!»

— Сыграл бы ты лучше, Василич, что-нибудь из «Экстроверта», — сказал Тихон угрюмо. — А то уже всем надоела твоя «Дубинушка».

Группа «Экстроверт» жила в Иркутске, была достаточно хорошо известна в Сибири и играла прогрессивный металл на балалайках. Пару лет назад они даже приезжали в Сибирск на поезде, но их концерт запретил КГБ. Василич отложил балалайку и в упор посмотрел на Тихона, сделав удивленное лицо:

— Ты что, Тихон, забыл, что ли? Сажают теперь за прогрессивный металл. Велят только народные песни играть. Или про медведей. Балалайки велено зарегистрировать, и ежели кто из КГБ услышит, что не то мы на них играем, — сразу в лагеря. Садись давай, пей!

Тихон присел на косоногий стул и угрюмо посмотрел на бутылку водки.

— Ну что, кстати, сходил вчера на медведя?

Василич кивнул и указал рукой на свежевыделанную шкуру, висящую над печкой.

— С чего, ты думаешь, я веселюсь и на балалайке играю? Сытый потому что. Ты мне лучше скажи, что тебя на работе не было сегодня? Начальство сказало, что это безобразие.

Тихон показал на уши:

— Уши я давеча отморозил. Шапку мою на медведя надевали, нельзя, говорят, без ушанки за приборы садить.

— Это оно верно, — кивнул Василич и протянул бутылку Тихону. — Без ушанки нельзя. А уши твои мы сейчас вылечим. Только

водка заканчивается, ты допивай пока что есть, а я к Вове схожу, у него всегда полный шкаф.

Василич надел шубу, взял двустволку и лыжи с палками, у двери остановился и сказал сурово:

— Балалайку не трогай! Я ее вчера на себя записал, без письменного разрешения дать не могу.

Тихон кивнул и взял бутылку в руки. Посмотрел на этикетку:

«ВОДКА ПРОСТАЯ, 40%. ОДОБРЕНО МИНЗДРАВОМ СИБИРИ»

7. Инопланетяне

— Такое сегодня, мужики, на работе было! — сказал пьяным голосом Вова. До этого все трое пили молча. Остались четыре бутылки из пятнадцати.

— Мне-то что ты рассказываешь, я ж сегодня был… — сказал Василич. — Вон, ему говори.

Вова повернулся к Тихону:

— С утра мы… двор от мутантов всей станцией прибирали, а к обеду пришли к нам эти… в фуражках. Говорят, из лагеря они, и спрашивают, не видали ли где десять заключенных и майора ихнего с пистолетом?

Тихон смутно помнил, что вчера действительно приходил кто-то из лагеря, но все вчерашние воспоминания затмила новость об интуристах, и поэтому он спросил:

— А… и куда они делись?

— А мне откуда знать? — ответил вопросом на вопрос Вова. — Я их вчера вообще не видел. Это ты их к блоку реакторному водил.

Василич грохнул очередной допитой бутылкой об стол и, отстранив Вову, сказал Тихону:

— Не, ты, это, не бойся. Ты тут не при чем, они сами виноваты. Мутанты в подвалах шум с выстрелами услышали, подумали, расстреливать начинают, вот и взбунтовались. А эти, в фуражках, говорят сегодня, что зря мы мутантов расстреливали. Они, говорят, тоже люди, хоть и в подвалах сидят. Жалеть их надо, говорят, не виноваты они, что радиация.

— Мужиков простых они расстреливают, а мутантов им, видите ли, жалко, — добавил Вова.

— Ну вот и дожалелись! — сказал Тихон сурово. — Съели мутанты майора ихнего и заключенных тоже.

— Да нет же, говорю! — рявкнул Василич. — Вот, скажем, если бы и съели — тогда бы фуражку-то оставили! И шинель тоже, так ведь?

— Съели бы, — возразил Тихон. — С голодухи все можно, даже шерстяное.

— А пистолет металлический? — вмешался Вова. — Тоже, скажешь, проглотили? Нет, тут точно мутанты не при чем. Зэки с майором в реактор упали и сварились там заживо!

Василич покачал головой и погрозил пальцем:

— Нет, это ты неправду говоришь. Инопланетяне их под шумок забрали, для опытов! Точно, на энело увезли! Федор Степаныч так сказал, Иваныч наш тоже так думает.

Тихон нахмурился.

— Так говорили же, что про инопланетян Никанор придумал спьяну? Не прилетал никто, говорят.

Вова кивнул и взял следующую бутылку.

— Вот-вот, и я говорю, не прилетал. Придумали они все. Пить не умеют.

Лицо у Василича стало еще краснее от злости, а Тихону подумалось, что сейчас они подерутся. Драки ему не хотелось, и он сказал, поднимаясь:

— До ветру схожу.

— Я тебе сейчас кулачком-то по роже и настучу! Тоже мне! — рявкнул Василич на Вову, резко поднимаясь со стула. Концовку тирады Тихон не услышал, потому что вышел из избы.

Дорожка к туалету была заметена снегом, а лыжи надевать не хотелось, поэтому мужик решил идти через сугробы как был, в валенках. На третьем шаге его резко качнуло в сторону, и он упал на спину. Тихон некоторое время смотрел на ночное небо — оно было безоблачным, звезды светили ярко, складываясь в завораживающие геометрические фигуры. Внезапно потянуло на философию, и подумалось, что у звезд тоже есть свои начальники и подчиненные, заключенные и майоры-надсмотрщики. Как же они без шапок и ружей там, в ледяной прохладе космоса, висят? Светят еще зачем-то, и какая польза от света этого? Солнце светит — так хоть день от ночи отличить можно, если не зима, а тут — никакой пользы. Говорят, правда, ракеты наводить по звездам научились, — и то славно, но тоже вон — посадят нечаянно медведя без шапки за красную кнопку, как тогда, а потом — звезды, не звезды, все равно Восточное Самоа не вернуть…

Тут Тихон вспомнил про физиологическую потребность и хотел уже подняться и продолжить нелегкий путь к туалету, как вдруг его внимание привлекла одна большая звезда. С самого начала она показалась мужику неприлично крупной на фоне более мелких светящихся точек, а тут она и вовсе начала двигаться из

стороны в сторону, как огонек у папиросы, и при этом неуклонно расти в размерах. Неужели это…

«Ну нафиг… — подумал мгновенно протрезвевший Тихон, отчаянно пытаясь подняться. — Я же не как Никанор — пить умею, вроде бы… Что ж они, и мне кажутся?»

Тем временем точка окончательно превратилась в светящийся диск, энело летело на мужика прямо сверху, иногда отклоняясь от маршрута и кружась. Когда до земли оставалось каких-нибудь сто—сто пятьдесят метров, диск замедлил движение и выпустил лучи.

Тихон уже перестал пытаться встать, он просто неподвижно лежал в сугробе с широко открытыми глазами. Лучи прошлись прямо по лицу, стало страшно, и мужик заорал, но энело медленно поплыло влево, в сторону улицы. Через несколько секунд Тихон услышал медвежий рев, и увидел, как к светящемуся диску по воздуху поднимается большой бурый медведь. Он, по-видимому, просто гулял по улице, и инопланетяне забрали беднягу для опытов, подумалось Тихону, и мужик снова закричал, испугавшись, что следующим заберут его.

Скрипнула дверца избы, и послышался хруст снега под валенками. Светящийся диск с медведем, будто бы заметив появление людей, в одно мгновение пропал.

— О, смотри, лежит. Упал, — сказал голос Вовы. — Я всегда говорил, здоровье у него слабое, не местный он. Пить не умеет.

Тихон терпеть не мог, когда ему напоминали, что он не местный, — ведь в душе он был настоящим суровым сибиряком, хоть и нашли его на вокзале. Тем более он не любил, когда ему говорили, что он не умеет пить. Но сейчас было не до обид — надо было придумать, зачем он кричал и почему до сих пор лежит в сугробе. Мужики подошли и начали поднимать коллегу.

— Ты, Вова, держи его за правую руку, а я за левую держать буду, — сказал Василич, наклонившись над Тихоном. Все лицо у Василича было в синяках. — Что ж ты кричал? Что случилось-то?

— Медведь. А я без ружья.

— Не верим, — сказал Вова, ставя Тихона на ноги. — Ни разу не помню, чтобы ты медведя пугался, ты ж не нефтяник какой-нибудь. Помнишь Аркадича? Он вообще говорил, что любой нормальный сибиряк медведя может голыми руками завалить… До туалета проводить тебя?

— Да не… не надо уже. Пойду я домой, мужики, уши вы мне вылечили, спасибо вам за это, а мне еще работу одну доделать надо.

— Темнишь ты, Тихон, — сказал с укором Василич. — Уж не энело ли видел?

— Нет, нет, не видел я его! — нахмурился сибиряк. — Я пить умею, не то что некоторые.

8. Матрешка

Иностранцев было двое — высокий и пузатый, их сопровождал переводчик, кто-то из бывших нефтяников. Все трое были безбородые и носили вместо шуб черно-красные пластиковые куртки, что сразу не понравилось Тихону. Иностранцы смотрели на него, почему-то переглядывались и посмеивались. Но, в конце концов, не важно, как они выглядят и как смотрят, главное — попросить у них тех яств диковинных…

Когда их проводили в комнату Федора Степаныча, переводчик сказал, что пузатого зовут Джон Смит, а высокого — Йохан Йохансон. Добавил что-то про сопротивление, и иностранцы раздали всем присутствующим красно-белые листовки с черной непонятной надписью:

«THE EARTH FOR THE EARTHMEN! DOWN WITH GREEN-ASSED INVADERS!»

Никто из работников станции языка не знал, но спросить, что там написано, почему-то побоялись. Дали гостям стаканы и налили водку. Пузатый спросил через переводчика, видел ли кто-нибудь из работников инопланетян. Выяснилось, что энело видели трое из работников, включая Никанора Петровича, который принялся с новыми подробностями рассказывать о зеленых человечках, забравших Тихоновы валенки. Про майора и политзаключенных начальство велело молчать. Высокий иностранец сделал серьезное лицо и передал через переводчика, что с этими зелеными ублюдками нужно бороться и не давать им садиться на шею. Потом Джон Смит спросил, а что это у вас весь снег во дворе красный, и Федор Степаныч соврал, что это давеча на станцию волки заходили, пришлось парочку пристрелить. Судя по лицам, иностранцы не поверили, но спорить не стали. Потом начали расспрашивать откуда сибиряки берут винтовки, почем нынче водка, и тому подобную ерунду, известную даже медведям.

И вдруг произошло то, чего так долго ждал Тихон. Пузатый достал из кармана куртки нечто небольшое и продолговатое, поднес ко рту и стал жевать. «Вот они какие, яства диковинные, — подумал Тихон и заметил, как часто забилось его сердце. — Вот оно какое, счастье мое». Он понял: такой удивительной возможности

изменить свою жизнь, как сейчас, у него больше не будет никогда, и если и нужно что-то делать, то здесь и сейчас.

Тихон смело отодвинул стоящего рядом с иностранцами Петровича, подошел к переводчику и сказал:

— Вели им дать мне яства диковинные. Я им за это вот что дам, — и вытащил из-за пазухи свою матрешку. — Она бесконечная.

Федор Степаныч с Иванычем замолчали, удивившись наглости Тихона. Переводчик сначала раскрыл рот от удивления, потом передал матрешку иностранцам, усмехнулся и спросил:

— Какие яства?

— Ну те самые, что вот он сейчас в рот положил. От которых счастливыми люди делаются.

— О, о, мэтырешка! Соу гуд! — сказал пузатый, не переставая жевать, и начал разбирать матрешку. Разобрав первые восемь уровней матрешки, непонятно покачал головой и собрал все обратно. Потом переводчик сказал что-то пузатому, тот что-то спросил, высокий что-то ответил, глядя на Тихона, и бывший нефтяник перевел:

— Господин Йохан Йохансон говорит, что для тебя, брат землянин, всегда пожалуйста, и спрашивает, как ты оказался в Сибири.

Тихон нахмурился. Он не знал своего происхождения и всегда смущался и сердился, когда ему говорили, что он не местный. Но сейчас был не тот случай, когда можно было сердиться, и пришлось ответить:

— Меня мужики на вокзале нашли, а раньше что было — не знаю.

— Да он сибиряк! — вступился за сотрудника Петрович. — Даром что лицом не похож.

Некоторые почему-то посмеялись, а иностранцы, после того, как ответ Тихона перевели, кивнули и протянули ему две маленьких блестящих палочки…

9. Лыжи

К вечеру заметно похолодало, и первый раз за неделю пошел снег. Снежные вихри залетали в трамвай, пронизывающий ветер дул в лицо, угрюмые одинаковые деревянные избушки медленно проплывали мимо, и казалось, что путь до дому длится вечность. Все знакомые мужики с работы остались праздновать получение зарплаты, и Тихон ехал один. Водка, купленная с утра, к концу рабочего дня кончилась, а согреться было жизненно необходимо. Через две остановки Тихон не выдержал,

подошел к балалаечнику, играющему на весь трамвай «Эх, дубинушка, ухнем!», дал ему в морду и отобрал водку. Кто-то из мужиков запротестовал, и чуть не завязалась драка, но на рельсах внезапно появились волки, и всем пассажирам пришлось пострелять, а про балалаечника потом забыли. От водки стало немного теплее, и все мысли были об одном — поскорее бы домой, поскорее бы сесть за стол, достать из кармана диковинные яства и наконец съесть…

Остановка. Тихон надел лыжи и через метель медленно пошел по запорошенной лыжне к дому. Через метров двести он увидел большого медведя, бегущего навстречу по улице. Снял с плеча ружье и внезапно понял, что в кармане остался всего один патрон. Медведь, похоже, был людоедом, морда вся в крови, и от выстрела зависела жизнь. Тихон зарядил ружье, вспомнив высказывание старика Аркадича, что любой сибиряк может завалить медведя голыми руками. Сейчас он понял, насколько это далеко от действительности — такой медведь тяжелее мужика в пять раз, и если придавит — смерть неминуема. Вспомнил про яства в кармане, которые так и не попробовал, со злостью посмотрел на приближающегося хищника, прицелился и выстрелил. Медведь зарычал и повалился, Тихон опустил ружье и мысленно прикинул расстояние, которое разделило его со смертью — медведь лежал в пяти метрах от концов лыж. «И все же я настоящий сибиряк», — подумал Тихон и первый раз за день улыбнулся.

Придя домой, Тихон запер дверь, растопил печь, положил в шкаф коробки с табаком, достал из кармана две блестящие палочки, положил на стол и стал разглядывать. Обертка, похоже, была сделана из глянцевой бумаги, на ней были маленькие рисунки и надписи на непонятном языке. Тихон осторожно снял бумажку с одной из палочек и подумал, что обязательно повесит на стенку, как картину. После бумажной была вторая обертка, сделанная из фольги, сибиряк развернул ее и увидел сами яства — десять маленьких белых комочков. Тихон сгреб их все и отправил в рот.

Яства оказались похожи по твердости на резину, но были такими сладкими и пахучими, что на душе сделалось удивительно хорошо.

«Все же эти иностранцы молодцы, — подумал Тихон. — Они умеют делать человека счастливым, хоть сами и странные. Вообще — какая разница, сибиряк ты или с запада — все мы братья, все равно по одной земле ходим…»

Тихон подошел к шкафу и первый раз за долгое время посмотрел в зеркало. Несмотря на черную блестящую кожу и вечно

грустные карие миндалевидные глаза лицо у него сегодня просто светилось от счастья. Он снова улыбнулся белоснежной широкой улыбкой, снял шапку, пригладил кудрявые черные волосы и сел обратно за стол.

Яркие лучи света ударили в окно. Тихон от неожиданности проглотил яства и пошел во двор посмотреть, откуда исходит свет.

Во дворе стояла большая летающая тарелка, свет шел изнутри, пробиваясь через тонкий, словно бумажный корпус. Снежинки падали и таяли на белой поверхности. Тихон замер у двери и молча смотрел, как плавно опускается сверкающий трап, как три маленьких сине-зеленых существа выходят из энело и медленно, покачиваясь, идут в его сторону. Страха, как в тот раз, не было, вся картина несла покой и умиротворенность, и Тихон подумал: «Какая разница, люди — не люди. Белые, черные или зеленые — у всех у нас Разум есть, все мы в одном Космосе вращаемся».

И не важно, что там думают про инопланетян иностранцы, когда-нибудь они все поймут, как понял сейчас Тихон…

Верхними конечностями средний, самый крупный из инопланетян, держал нечто большое и черное, он подошел к онемевшему сибиряку, протянул это нечто и сказал бесцветным, спокойным голосом:

— На, Тихон… Возьми свои зимние валенки.

МАЙК ГЕЛПРИН, МАРИНА ЯСИНСКАЯ

Восемнадцать пуль в голову

Рассказ

1. 1976. Костя

Опаздывать на работу — занятие пренеприятное. А с учётом того, что опоздание чревато вполне определёнными последствиями, — вдвойне. Наиважнейшее из них — обязательный затяжной монолог о значении трудовой дисциплины в исполнении завлаба товарища Шишкина. Перспектива выслушивать кретинские откровения Шишкина настолько отвратительна, что с ней может сравниться разве что перспектива потери лабораторией переходящего Красного знамени. Того самого, которое припёрто к стене столом старшего научного сотрудника товарища Колбанёва и упирается древком в подрамник портрета Бровастого Лёньки. Потеря красного переходящего стала бы локальной катастрофой для всего состава лаборатории и для меня в частности. Для состава потому, что означала бы снятие прогрессивки, а для меня ещё и потому, что Ленка, когда мы запирались в лаборатории после работы, предпочитала именно на нём.

— ...мы советскую власть, — смеялась Ленка, цепляя стянутые с точёных ножек колготки на траверсу макета опоры электропередач. — В буквальном смысле, Костик, заметь.

В этот раз я едва не опоздал. То был первый день после проведённого на природе недельного отпуска, домой я вернулся в воскресенье заполночь — и в результате элементарно проспал. Без пяти девять я выскочил из метро на «Маяковской»,

скаковой лошадью преодолел площадь Восстания, рысью пронёсся по Гончарной и на подходе к Полтавской перешёл в галоп. В результате я ввалился в дверь с латунной табличкой «НИИ Энергосетьпроект» под последние истошные трели звонка. Промчавшись мимо рыжей дуры-вахтёрши, я взлетел по парадной лестнице на второй этаж и, наконец, отдуваясь, вломился в родные пенаты.

Сотрудники были на местах. Пять голов слаженно повернулись ко мне. Пять пар глаз вскользь мазнули меня по лицу взглядами, и четыре из них мгновенно ушли в сторону. Последний, однако, задержался — подперев лохматыми кулаками внушительный двойной подбородок на мучнистой толстомясой ряшке, на меня вдумчиво глядел заведующий лабораторией товарищ В. В. Шишкин.

— З-здравствуйте, — запинаясь и пытаясь унять дыхание, проговорил я.

Овациий приветствие не вызвало, сотрудники отделались нестройным бурчанием. Мне хватило ума понять, что со мной что-то не в порядке, и теперь я мучительно пытался сообразить, что именно.

— Вы, Константин Алексеевич, о трудовой дисциплине что-нибудь слыхали? — елейным дискантом выдал свою первую коронку Шишкин. — Соблюдать которую положено не только у нас на предприятии, а повсеместно. Вы, видимо, полагаете, что вас лично это не касается, не так ли? Что на работу можно являться, когда вам заблагорассудится. А когда нет, то можно и не являться.

— Вадим Вадимыч, — наконец, отдышавшись и с трудом сдержав отчаянное желание послать старого осла в область первичных половых признаков, ответил я. — Вы, вероятно, забыли, что всю предыдущую неделю я был в отпуске.

— А вчера вы тоже были в отпуске, Константин Алексеевич?

— Вадим Вадимыч, вчера было воскресенье. По воскресеньям мы, слава труду, пока не работаем.

— Вот как, воскресенье, — саркастически захихикал Шишкин, оторвал от меня взгляд и окинул им сотрудников, приглашая присоединиться к веселью. — Константин Алексеевич живёт по особому календарю. В котором воскресенье продолжается аж двое суток.

Рассмеялся, впрочем, по-поросячьи подвизгивая, лишь подхалим Колбанёв. Саня Грушин посмотрел на меня сочувственно,

долговязый Голдберг нацепил выражение отрешённости на носато-губато-небритую физиономию, а Ленка — та вообще повернулась спиной.

— Постойте, — пролепетал я. Нарочитое Ленкино неодобрение вышибло почву из-под ног — я растерялся. — Как это двое суток? Вы меня разыгрываете?

— Вы не лотерейный билет, — проявил остроумие Колбанёв. — Сегодня вторник, молодой человек. Знаете, что это означает? — спросил он глубокомысленно и тут же выдал гениальный в своей простоте ответ: — Что вчера был понедельник. Правда, Вадим Вадимович?

Шишкин подтвердил. Затем он поёрзал, высвободил из кресла массивный зад, поднялся и приступил к разглагольствованиям. Под дифирамбы самоотверженному труду, моральному облику советского человека и Бровастому Лёньке я лихорадочно пытался сообразить, как я мог обсчитаться.

Неделю под Петрозаводском на безымянном озере с чудными окунями я проводил третий год подряд. Лес, грибы, брусника с черникой, рыбалка — всё это достойно окупало семь дней одиночества.

Я, игнорируя извержение шишкинской галиматьи, принялся вспоминать. Без особых усилий один за другим восстановил в памяти каждый из отпускных дней. Потом пересчитал их. Дней оказалось семь. Я пересчитал опять, на этот раз в обратном порядке, начиная со вчерашнего. Снова семь. Я отчётливо помнил очерёдность событий и что делал каждый день из семи.

К обеду весть о том, что у Кости Махова, придурка, на неделе два воскресенья, облетела НИИ. Ко мне подходили, сочувственно хлопали по плечу, отпускали идиотские шутки и называли счастливчиком, у которого отныне три выходных вместо двух.

— Я тебе вчера целый день звонила, Костик, — отозвала меня в сторону Ленка. — Переживала. А ты... Мог хотя бы позвонить.

В конце концов я сдался. Картинно влепив себе по лбу, я во всеуслышание заявил, что обсчитался.

— Грибы, понимаешь, — объяснял я очередному любопытствующему в курилке. — В сезон попал, одних белых сколько повысыпало. Вот я и обалдел от грибов этих, счёт дням потерял. Азарт, понимаешь? Огребу теперь по полной за прогул.

К вечеру я позвонил Вальке Дерябину, и мы договорились встретиться в «Гадюшнике». Так трудящиеся называли пивной

бар, чрезвычайно удобно расположенный прямо напротив входа в «Энергосетьпроект». С Валькой мы вместе учились в школе, потом в университете, и закончил я в основном благодаря ему, безбожно списывая курсовые и сдувая лабораторные. Валька — мой добрый гений и гений вообще, умница, фантазёр, круглый отличник и совершенно не приспособленный к жизни человек. Забывчивый, рассеянный, неуклюжий — в общем, обладатель всех атрибутов, присущих будущим гениальным спасителям человечества.

— Ты точно помнишь? — задумчиво обгладывая воблу, спросил Валька. — Можешь рассказать, как было? Изо дня в день?

Минут десять я, пока Дерябин поглощал пиво и расправлялся с воблой, скрупулёзно отчитывался.

— И проспать не мог? — принялся допытываться Валька, когда я, наконец, отстрелялся и набросился на пиво. — Свежий воздух там, природа, а? Может быть, нажрался? Водочку, небось, с собой брал? Выжрал, скажем, литру, закусил комарами и завалился себе. И продрых сутки, а глаза продрал и не заметил. А то, может, сонной ягоды объёлся? Не растёт там такая, сонная?

Я категорически отмёл эти предположения и под конец обозвал Вальку занудным ослом.

— Значит, тебя похитили, — выдал он, пропустив осла между ушей и отхлебнув из пятой по счёту кружки.

— В каком смысле? — ошалел я. — Кто?

— НЛО, — в перерыве между глотками важно пояснил Валька.

— Кто, кто?

— Ах, да, ты же не в курсе, самиздатовскую литературу не читаешь. Неопознанные летающие объекты, друг ты мой недалёкий. Не волнуйся, не ты первый, до тебя они уже людишек похищали немало. И некоторым потом стирали память.

— Понятно, — кивнул я, — извини, тебе больше не наливаем. Похищали, значит... И где эти людишки сейчас?

— Да где им быть-то? В психушке большей частью. Заведение такое имени Скворцова-Степанова знаешь? Вот там. Будешь трепаться об этом — сам туда загремишь.

— Спасибо, Валюха, — сказал я. — Теперь, после твоего объяснения, у меня загреметь туда все шансы.

Валька назидательно поведал, что, по его мнению, сидеть в психушке — меньший идиотизм, чем отрицать существование НЛО.

Я послал Вальку туда, где, как я полагал, летают его НЛО, и вскоре об этой истории забыл. Забыл на много лет.

2. 1978. Джейн

Следы прошедшей вечеринки были столь же заметны, как заметны признаки пронесшегося торнадо. Правда, последний раз торнадо оставило куда меньше разрушений — выбило несколько стекол и свалило пару деревьев. Сейчас же вдобавок к этому весь газон был усыпан скомканными салфетками и пустыми бутылками, у входной двери красовалась лужа блевотины, а под окнами — пара использованных презервативов. По всем признакам, веселье удалось.

Соседние дома, аккуратные одноэтажные приобретения умеренно преуспевающих белых воротничков в новом пригороде Далласа, осуждающе смотрели темными окнами на следы такого безобразия. Правильные и воспитанные, они провожали своих хозяев на работу в семь утра и встречали в шесть вечера. Окна горели ярким электрическим светом до восьми, одобрительно взирая на выгуливающих собак и детей соседей, и мерцали сиреневым от включенных телевизоров до десяти. Они целомудренно закрывались широкими лезвиями жалюзи и оборками тюлевых занавесок в спальнях и гасли до утра, скрывая все, что происходило внутри, будь то яростные ссоры приглушенными голосами, пресное исполнение супружеского долга или злые слезы в подушку. Наутро окна снова являли соседям примерную картинку семейного благополучия.

Мы с Брайеном плохо вписывались в эту панораму тихого, правильного образа жизни. Жители пригорода приобретали свое благосостояние в рассрочку, и потому тряслись над ним, как скупец над сокровищем. Нам оно далось сразу, и мы безрассудно его проматывали. Соседи старательно выплачивали тридцатилетние ипотеки на свои одноэтажные домики — наш дом Брайену подарили его родители. Соседи аккуратно вносили помесячные платежи за скромные «Форды Эскорты» — я беззаботно рассекала на алом «Шевроле Корвете», который купил мне отец. Соседи устраивали чинные ужины с другими семейными парами — мы закатывали неприлично громкие вечеринки с алкоголем, мордобоем и полицией. Да, наш образ жизни совершенно не походил на соседский.

Еще не так давно меня это ничуть не волновало. Со школьных времен я была самой заядлой участницей ночных веселий, и мои вкусы не изменились, когда по настоянию родителей я поступила в Тарлетонский Университет. Именно там я познакомилась с Брайеном. Помимо того, что он был привлекателен — высокий, загорелый, светловолосый, — у нас оказалось много общего. Мы оба беззаботно сорили родительскими деньгами, оба курили «Кэмел», оба могли выпить банку пива за десять секунд, танцевать до утра и спать до обеда. Я влюбилась без памяти. Он ответил взаимностью. С молчаливого поощрения родителей обеих сторон, предварительно убедившихся в том, что *они* друг друга достойны, мы стали жить вместе, по-прежнему беззаботно прожигая студенческие дни...

Я осторожно перешагнула через осколки стекла разбитой входной двери и с опаской заглянула в прихожую... Н-да, внутри разрушений не меньше, чем снаружи.

Организатор мероприятия обнаружился под пестрым шерстяным пледом на диване в гостиной. Брайен спал — беспокойно, всхрапывая и дергаясь, и от него ощутимо разило алкоголем. Я подошла к нему и некоторое время пристально рассматривала его лицо.

Мы жили с Брайеном почти четыре года, но за последние два наши отношения изменились, и не в лучшую сторону. Нет, неправда — изменились не отношения. Изменилась я. Изменился взгляд, которым я смотрела на Брайена. Я словно прозревала и день за днем все отчетливей видела, что у нас куда меньше общего, чем мне казалось раньше. Взаимная любовь к «Будвайзеру», диско и шумным компаниям стала недостаточным поводом для того, чтобы жить с человеком вместе. Тем более что в своей любви в первому, второму и особенно третьему за последние два года я заметно подостыла. Зато все чаще ловила себя на прежде совершенно чуждом мне интересе к научно-популярным статьям в журналах и политическим репортажам в новостях.

Видимо, Брайен был не настолько пьян, как я думала, — он словно почувствовал, что я смотрю на него, завозился, а потом разлепил-таки глаза и уставился на меня мутным взглядом.

— Ты где была? — наконец просипел он, с трудом усаживаясь на диване. На правой щеке отпечатались следы швов от подушек, пестрый плед сполз на пол, демонстрируя по-прежнему рельефный торс и заляпанные пивом и сальсой светлые шорты.

Я неопределенно махнула рукой в ответ.

— А я тебя ждал, — укоризненно булькнул он.

— Да, я вижу, — отозвалась я, указав на следы разрушений.

Брайен набычился.

— Так где ты все-таки была?

Я вздохнула, поднимаясь:

— Задержалась в дискуссионном клубе.

— До трех ночи?

— До трех ночи, — равнодушно пожала плечами я и отвернулась, намереваясь отправиться в спальню. Может, хоть ее торнадо вечеринки обошло стороной.

Ладонь Брайена сомкнулась у меня на предплечье.

— Интересно, о чем это таком можно дискутировать всю ночь напролет?

— Пусти, — попыталась высвободиться я.

— Так о чем? — Брайен крепче сжал мою руку.

Я могла бы ответить, что сегодня «Нью-Йорк Пост» опубликовала статью о книге Дэвида Рорвика «Клонирование человека», и что сегодня войска Родезии вторглись в Замбию. Я могла бы прямо сейчас выпалить то, что набиралась храбрости сказать уже с месяц, — что я собираюсь записаться волонтером в Международную Амнистию и поехать в Африку. Могла бы — но... Я заглянула в мутные голубые глаза, заметила в них раздутый хмелем огонь злости и — промолчала.

Брайен сморгнул, потом слегка оттолкнул меня, отпуская, плюхнулся на диван и уткнулся лицом в ладони.

— У тебя кто-то есть, да? — глухо спросил он.

— Что? — растерялась я.

Брайен вскинул голову. Он не говорил — он практически выплевывал фразы.

— У тебя явно кто-то есть. Кто-то другой, — его лицо некрасиво скривилось, слова наполнились едкими интонациями. — Серьезный. Правильный. Взвешенный. Вроде твоего или моего папаши. Не такой, как я. Да?

— Да о чем ты?

Я никак не могла понять, откуда взялась эта тема. Да, я нередко допоздна задерживалась в университете, в дискуссионном клубе или в библиотеке, но это было связано не с мужчинами, а, например, с падением советского спутника «Космос 954», оснащенного ядерной установкой, на северные территории Канады, с референдумом в Чили или с первой трансляцией заседания Сената по радио.

— О чем? — с яростью переспросил Брайен. — Да ты что, думаешь, я совсем дурак? Я же вижу, что, как ты тогда, два года назад в Калифорнии, загуляла в первый раз, так с той поры и пошло-поехало. Ты начала читать газеты и смотреть новости. С искусства перешла на факультет политических наук. Ты почти не бываешь на вечеринках, тебе стало наплевать на наших друзей. И даже до меня тебе дела нет!

— И на основании этого ты пришел к выводу, что я тебе изменяю?

— А что, хочешь сказать, нет? — Брайен вскочил и заметался по гостиной. — Ну, давай, расскажи мне, хоть сейчас скажи правду — где ты тогда была? Ну, давай, говори — где? Ведь именно с той поры все изменилось!

Брайен задал единственный вопрос, на который я не могла ответить. Потому что не могла объяснить события двухлетней давности. Я сама не знала, что тогда произошло. С компанией однокурсников я уехала на неделю в Сан-Диего. Помню, мы уже отправились обратно домой, но напоследок решили погулять немного по берегу океана. В какой-то момент я задержалась в скалистой бухточке и потеряла ребят из виду. А когда вернулась к машине, насмерть перепуганные приятели заявили мне, что я пропадала сутки, что они подняли на уши спасателей и полицию и вообще боялись, что я утонула. Спрашивали, где я была, как я так заблудилась. И поскольку я пребывала в святой уверенности, что меня не было ну от силы час, и никак не могла поверить, что из моей жизни просто-напросто выпали целые сутки, я вынуждена была согласиться с навязываемым объяснением: да, я заблудилась.

— Я заблудилась, — механически повторила я.

— Черта с два ты заблудилась! Видимо, там, в Калифорнии, ты с ним и познакомилась! Сколько можно меня за идиота держать? — Брайен распалялся все сильнее, отчаянно жестикулировал и говорил все громче. Практически кричал. — Друзья и так на меня как на кретина смотрят. Пришли сегодня, спрашивают — где Джейн? А я им, как последний придурок — она в библиотеке. Они глядят на меня молча, а я же вижу, что они обо мне думают. Думают — ну ты и лошара! Все, хватит! Надоело! Выметайся отсюда! Вали к своему серьезному и правильному, будете с ним до ночи обсуждать свои космические корабли и конфликты на Ближнем Востоке! Вон!

Я пожала плечами, развернулась и спокойно пошла к машине. Какая-то часть меня вопила: «Что ты делаешь? Ты же его

любишь — почему ты уходишь? Почему не пытаешься все исправить?» Я смотрела на эту часть словно со стороны. Я прекрасно ее слышала, я осознавала, что это — часть меня. Но все то, что она говорила, все, что она испытывала, чувствовала и переживала, не вызывало у меня никакого отклика в душе. И даже это последнее обстоятельство почему-то меня не волновало.

Зато я знала, что в одном Брайен был прав. Все изменилось именно с той поры, с тех событий двухлетней давности, теперь я это точно видела. Только я до сих пор не понимала, почему.

3. 1980. Костя

Я вернулся в Ленинград как раз накануне Олимпиады-80 и сразу же позвонил Ленке.

— Ой, Костик, — обрадовалась она, — целую вечность тебя не слышала.

— Так уж и вечность, — сказал я, — всего каких-то два месяца. Ну, что новенького?

Из «Энергосетьпроекта» я уволился в 1978-м. До этого ходить туда приходилось из-под палки — с каждым днём я ненавидел свою работу всё больше и больше. К концу мне обрыдло настолько, что я прервал Шишкина, вдохновенно распекающего меня за очередное опоздание, и спросил риторически:

— Вадим Вадимыч, а не пошёл бы ты на ...?

На следующий день я написал заявление по собственному желанию.

— А у нас столько новостей, — щебетала в трубку Ленка. — Представляешь, Голдберга уволили. Подал в ОВИР заявление на выезд в государство Израиль, сидит теперь в отказе. Потом Саша Грушин. Подцепил одну шлюшонку в «Пекине», так она ему...

— Постой, — перебил я Ленку. Я вдруг чётко осознал, что её новости меня совершенно не интересуют. — Слушай, чего мы по телефону? Давай, может быть, встретимся?

— Встретимся... — замялась Ленка. — А где?

— Да всё равно где. Знаешь, приходи просто ко мне. Я из Тбилиси коньяк привёз, фрукты, сулугуни такой — закачаешься. Придёшь?

В квартире я жил один с тех пор, как год назад умерла мама. Впрочем, жил — явное преувеличение. Дома я теперь бывал лишь во время нечастых возвращений из командировок.

— Извини, Костя, — после долгой паузы тихо сказала Ленка. — Я не буду больше с тобой встречаться. По крайней мере, у тебя дома. Я замуж выхожу.

— Поздравляю, — вложив в голос изрядную порцию дебильного сарказма, брякнул я. — И кто счастливчик?

В ответ Ленка ничего не сказала, лишь подышала немного в трубку и разъединилась.

Я закурил, прошёл на кухню и откупорил привезённый из Тбилиси коньяк. Набулькал в рюмку, но пить внезапно расхотелось. Я подпёр кулаком подбородок и задумался.

Скажи мне кто-нибудь пару лет назад, как я эти годы проведу, я бы лишь крутанул пальцем у виска. Однако факт остаётся фактом: я стал другим. Да какое там другим, меня словно подменили. Внезапно и без каких-либо на то оснований меня стали интересовать совершенно чуждые доселе вещи. Сначала я начал читать. Всё подряд, запоем, от любовных романов и исторических эпопей до материалов съездов ненавистной КПСС. Однажды я едва не ошалел, когда вдруг осознал, что эти материалы мне попросту нравятся. Так же, как нравится популярная медицинская энциклопедия и справочник по обработке древесины. Вслед за литературой я увлёкся искусством и день-деньской зависал в Эрмитаже, Русском музее и Кунсткамере до тех пор, пока не обошёл везде каждый уголок. Одновременно меня перестала интересовать музыка, я забросил шахматы, прекратил посещать «Гадюшник».

На работе я из ценного кадра и перспективного молодого специалиста постепенно превратился в лоботряса и лодыря, вечно опаздывающего, не успевающего к сроку и проводящего большую часть времени в курилке. Наконец, послав товарища Шишкина туда, где ему давно надлежало пребывать, с работой в НИИ я покончил и уже через месяц устроился водилой в такси. Я колесил по городу полгода и за это время изучил его целиком — от центра до окраин. Однако, проснувшись однажды утром, вдруг осознал, что крутить баранку мне осточертело не меньше, чем испытывать опоры электропередач.

За полтора года я сменил ещё несколько работ и, наконец, устроился в отдел снабжения на ЛМЗ. Я стал мотаться по городам, выбивая, проталкивая и согласовывая поставки, и это занятие неожиданно пришлось мне по душе. Я научился не обращать внимания на тесноту купейных вагонов, отвратительную пищу в привокзальных буфетах и вечные задержки рейсов в аэропортах...

Я покрутил в руках коньячную рюмку, решительно отставил её в сторону и двинулся к телефону. Неплохо было бы хотя бы узнать, когда Ленкина свадьба. Я уже снял трубку и

принялся набирать её номер, когда внезапно меня пробила чёткая и осознанная мысль. Я бросил трубку на рычаг. Меня передёрнуло, я даже испугался. Испугался собственной чёрствости и эгоизма. Я совершенно отчётливо понял, что Ленка мне безразлична.

4. 1985. Джейн

В клубах дыма и гари, в вое сирен, истошном крике толпы и бешеном мельтешении смуглых лиц я сидела на грязном асфальте и прижимала руку к ране на груди. При каждом вдохе я отчетливо ощущала осколок снаряда, застрявший среди сломанных ребер.

Кровь не останавливалась. Более того, она текла все быстрее — ведь после только что пережитого шока сердце еще билось как бешеное.

«Я или умру от потери крови, или от того, что осколок проткнет сердце», — подумала я, разглядывая юркие красные ручейки, бегущие сквозь пальцы.

Моя жизнь не мелькала у меня перед глазами, как утверждают те, кто оказывался на пороге смерти. Вероятность летального исхода меня не пугала. Как не удивляло и собственное равнодушие.

Я уже давно перестала удивляться или испытывать страх. Или любые другие эмоции, если уж на то пошло. В последние годы у меня словно бы повысился порог чувствительности; только очень сильные стимулы могли заставить меня почувствовать отголоски прежде бурливших во мне чувств, и ощущения всегда длились недолго. Но даже на них я фокусироваться не могла — меня отвлекал непременно сопутствующий редким эмоциям настойчивый гул, словно я прижимаюсь ухом к морской раковине.

Шок, вызванный внезапной бомбардировкой израильскими истребителями штаб-квартиры Организации Освобождения Палестины, около которой я оказалась во время своего повторного визита в Тунис, был, как выяснилось, раздражителем достаточно сильным для того, чтобы вызвать у меня волнение. Волнение — и знакомый «морской» гул в ушах. Но на этот раз я впервые отчетливо услышала в нем шепот — тихий, непонятный, похожий на человеческий голос.

Глядя на кровь, текущую меж прижатых к ране пальцев, я не вспоминала свою жизнь и не думала о вероятности скорой смерти. Всем своим существом я вслушивалась в утихающие

отголоски шепота. Разобрать в нем хотя бы слово казалось мне сейчас важнее всего на свете.

Такой меня и нашли медики — бледной, спокойной, окровавленной и равнодушной. Я слышала их взволнованные голоса, но слова проходили мимо моего сознания.

— Осколочное ранение. Опасно близко к сердцу...

— Малейшее движение, и...

— Транспортировка в госпиталь для операции будет смертельно опасна.

— ...может скончаться от потери крови.

Вспугнутый голосами медиков, шепот ушел, и я так и не разобрала ни слова. Я закрыла глаза и испытала что-то отдаленно похожее на досаду и разочарование...

Я очнулась в палате переполненного госпиталя.

— Чудо! — восклицал оперировавший меня врач, носатый и черноглазый лысый мужчина с частыми капельками мелкого пота над верхней губой. — Чудо! — повторял он с жутким акцентом и ошарашенно качал головой.

После мне рассказали, что на момент доставки в госпиталь осколок уже дошел до сердца, и врачи не надеялись меня спасти. Также сообщили, что сходящий с ума от волнения Лиам каким-то образом узнал, где я, и беспрестанно названивал в больницу, справляясь о моем состоянии.

«Удивительно», — констатировала я про себя. Я не удивлялась, но для формулировки вопроса это слово подходило лучше всего.

Удивительно, что он по-прежнему беспокоится обо мне.

Несмотря на то, что со дня свадьбы я почти не бывала дома.

Несмотря на мои беспрестанные поездки по миру, исключительно по горячим точкам планеты, куда меня влекла, толкала, сокрушая волю, какая-то неодолимая, неподвластная мне сила.

Несмотря на то, что я пропускала мимо ушей уговоры поберечься и не лезть в самое сердце военного переворота в Нигерии, в разгар Ливанской войны или в охваченный гражданской войной Сальвадор.

Несмотря на то, что когда я возвращалась домой, я не испытывала никакого желания идти с ним в постель.

Несмотря на то, что я не собиралась рожать ему ребенка и в открытую говорила ему об этом.

Несмотря ни на что.

Он все еще переживал за меня.

«Удивительно, почему?» — отстраненно подумала я.

«Потому что любит», — отозвалась какая-то далекая, крохотная, почти потерянная и ставшая за прошедшие годы чужой мне часть меня.

«Любит? А это как?» — спросила я у нее.

5. 1990. Костя

В «Метрополе» моё появление аплодисментов не вызвало.

— Битого, чтоб он пропал, нелёгкая принесла, — явственно произнёс за моей спиной метрдотель.

— Когда его уже, наконец, грохнут, — поддакнул официант.

Проигнорировав эти не слишком дружелюбные комментарии, я занял столик по центру зала и принялся осматривать публику. Подходящие кандидатуры обнаружились неподалёку — двое выряженных в попугайских расцветок спортивные тряпки бугаёв и такое же количество вульгарнейшего вида девиц. Горбач с его перестройкой вот уже пять лет проявлял неустанную заботу о растущем благосостоянии и бесконтрольном размножении подобной публики.

Официант с блокнотиком в холёной руке и выражением плохо скрываемого недружелюбия на постной лакейской роже застыл рядом со мной в ожидании. Я решил не радовать его разнообразием.

— Как всегда, пацан, — сказал я, — и мухой, а то ноги выдерну.

Официант в негодовании умчался. «Как всегда» означало пол-литровую бутылку водки «Пшеничная» и салатик оливье, который, впрочем, я неизменно оставлял нетронутым.

За пару последних лет завсегдатаи «Метрополя» ко мне привыкли, теперь процесс поглощения мною водки уже не привлекал такого внимания, как бывало раньше. Тем не менее, немало голов хором повернулось ко мне, когда я, запрокинув бутылку к потолку, в полминуты выхлебал её из горла.

На сегодняшний день этой порции мне хватало на четырнадцать минут, на протяжении которых организм безжалостно уничтожал алкоголь. К пятнадцатой минуте опьянение исчезало без следа. Приходилось торопиться, поэтому, занюхав рукавом, я поднялся и вразвалку направился к намеченным деятелям. «Приход» не заставил себя ждать — я ещё не успел достигнуть их столика, а обстановка передо мной уже изрядно кружилась, предметы двоились и пол под ногами терял устойчивость.

«Приход» достиг пика, когда я, облапив за плечи ближайшую девицу, грузно навалился на стол и заехал локтем в блюдо с салатом.

— П-пойдёшь со м-мной, шлюха, — безапелляционно заявил я.

Иногда для пущей убедительности я позволял себе наблевать на стол. Сегодня, однако, этого не понадобилось, бугаи оказались ребятами понимающими и сообразительными.

— Только не здесь, прошу вас, — суетился вокруг столика метрдотель. — Пожалуйста, пройдите на воздух или хотя бы в туалет. Там вы наверняка выясните отношения.

Подбадриваемый пинками, я просеменил в туалет. Экзекуция началась. Однако вопреки классике, били меня сильно, зато не больно. На боль я перестал обращать внимание уже давно и теперь, вяло отмахиваясь кулаками и неумело сквернословя, принялся жадно вслушиваться. Мне повезло: голос возник из ниоткуда почти сразу. Это было ошеломляюще, я немедленно испытал состояние, близкое к эйфории, к оргазму. Мне продолжали наносить удары, пинки, я уже лежал на полу с разбитым в кровь лицом и переломанными рёбрами, но мне было несказанно приятно и хорошо. Я поглощал, вбирал в себя этот голос, невнятный, едва уловимый, произносящий незнакомые, сливающиеся в одно слова, и всем своим естеством понимал, что я не один в этом мире. Ко мне, не в силах до меня достучаться, рвался такой же, как я, я знал это точно, наверняка. И под конец, когда бугаи уже выдохлись и устали бить, я едва не закричал от счастья. Мне удалось вычленить то слово, которое повторялось чаще других. То, которое не давало мне спать по ночам, которое ускользало от меня, но становилось всё яснее и отчётливее с каждым новым сеансом. Сегодня мне удалось отделить это слово, я услышал его, услышал полностью и узнал. Это было имя. Женское имя. Джейн.

Рёбра срослись уже на следующий день, синяки и ссадины на лице продержались на сутки дольше. Это было нормально: те времена, когда я приходил в ужас от осознания того, что не такой, как все, безвозвратно прошли. Я понял, что разительно отличаюсь от всех прочих, уже давно. В тот самый день, когда впервые услышал голос. Нет, тогда это был не голос, просто шум, словно к уху поднесли морскую раковину. Это случилось в 1982-м, в трудовом лагере общего режима.

Я оказался там после того, как осознал, что мне необходимо попасть в тюрьму. Желание сесть с каждым днём становилось

сильнее и сильнее, я боролся с ним, приходил от него в ужас, но оно захватывало и поглощало меня, пока не превратилось в навязчивую идею.

Я вышел на Невский с плакатом «Брежнев — мудак» в руке. Задержание не заставило себя ждать. Потом были КПЗ, освидетельствование врачебной комиссией, не нашедшей у меня никаких психических отклонений, камера, суд и телячий вагон поезда Ленинград—Уренгой.

Шум я услышал на второй день пребывания в лагере, когда сплотившаяся вокруг местного авторитета пристяжь устроила мне «прописку» — обязательную процедуру для первоходков, включающую жестокое избиение. Видимо, я сказал или сделал что-то не то, но били меня всерьёз человек шесть. Сначала лупили кулаками, потом кирзовыми ботинками-говнодавами добивали. И вот тогда, наперекор ускользающему сознанию, я впервые услышал шум. И вонючий барак, озверевшие зэки и разрывающая тело боль разом ушли, остались только я и этот шум, сладкий, обволакивающий, завораживающий.

Через две недели я бежал. Желание покинуть зону было настолько же сильным, как год назад — попасть в неё. Я ушёл в тайгу с лесоповала ранней осенью, в дождь, без еды, без оружия и без понятия, что со мной будет дальше. За месяц я проделал то, что до меня удавалось лишь единицам из тысяч беглых зэков, пойманных, подстреленных, растерзанных зверьём или околевших от голода. Я вышел к железной дороге и прыгнул в распахнутую дверь ползущего по ней товарняка. Я был полон сил, абсолютно здоров и лишь испытывал лёгкое чувство голода.

За следующие восемь лет я слышал шум неоднократно. Каждый раз это происходило в стрессовых, опасных для жизни ситуациях, когда организм собирал воедино свои ресурсы для того, чтобы выжить. Таких ситуаций поначалу было немало. Я бомжевал на чердаках и в подвалах, бичевал в городах и на приисках, мотался на товарняках через всю страну, воровал жратву в магазинах и на рынках. Я дрался один против хулиганской кодлы в Магадане, меня били грузчики в одесском порту, метелили рыночные деляги в Барнауле. Крушили мне кости, рёбра, совали в меня заточки и выкидухи, ломали об меня колья и пробовали на прочность арматурные пруты. Поначалу я валялся в больницах и госпиталях, из которых бежал, стоило ранам подзатянуться. Затем перестал — последствия побоев на мне заживали всё быстрее и быстрее.

Я вернулся в Ленинград в 1988-м. Перестройка делала первые шаги, бандиты и жулики всех мастей наводнили город, и на их фоне моя личность, доселе достаточно одиозная, перестала привлекать внимание. Теперь я искал стрессовых ситуаций сам. Я бросался под колёса, прыгал на ходу с поездов, задирал отморозков в ресторанах и барах. В промежутках между этим я пытался достучаться до невидимого собрата и сам. Прохожие на улицах шарахались от меня, гугниво бормочущего себе под нос: «Костя. Ленинград. СССР. Горбачёв. Перестройка», повторяющего эту бессмысленную фразу снова и снова.

И вот теперь я знал её имя — Джейн. К женщинам я стал безразличен уже давно, инстинкт продолжения рода исчез, меня не привлекали ни добропорядочные девушки, ни доступные красотки. Но теперь в моей жизни появилась женщина. Нет, не совсем женщина, а может быть, и совсем не то, что я не вполне человек, я осознал уже лет десять назад. Я хотел её, желал её безумно, безмерно, она снилась мне по ночам и грезилась наяву. Я, наконец, обрёл смысл до того лишённой его жизни. Я должен был найти её. Найти Джейн.

6. 2000. Джейн

Если бы кто-то взялся следить за мной в последние годы, если бы кто-то заметил, чем сопровождаются мои появления в тех или иных местах, он ни за что в жизни не сел бы в один самолет со мной. Он бы остался у стойки регистрации, с облегчением пропуская рейс, и сожалел бы лишь о том, что не смог эвакуировать всех пассажиров воздушного лайнера. А может, и не сожалел бы: за прошедшие годы я оказывалась свидетельницей сотен масштабных трагедий и слишком часто видела, как торжествует надо всеми соображениями морали и гражданской сознательности инстинкт самосохранения.

Никому не было до меня дела. Пассажиры «Боинга» убирали в сумки журналы, поднимали спинки сидений, пристегивались ремнями, словом, готовились к посадке. Никто из них не волновался — ведь никто не знал, что я, словно черная предвестница беды, неизменно оказываюсь там, где вот-вот случится страшная катастрофа.

Я сидела у иллюминатора, глядя на ковер трепещущих огней большого города подо мной и внимательно прислушивалась к себе. Я что-то чувствовала. Давно позабыв, что такое

эмоции, я не могла вспомнить, как называется испытываемое мной ощущение.

«Надежда», — пришло откуда-то странное слово, в первый миг показавшееся мне бессмысленным набором звуков.

— *Hope*, — тихо повторила я это слово вслух на родном языке. — *Hope* — звонкой льдинкой, твёрдым леденцом перекатилось оно у меня во рту. — На-деж-да, — попробовала я на выученном за последние годы русском. — На-деж-да, — снова повторила я, потому что тягучее, словно сладкая карамель, слово чужого языка понравилось мне больше.

Надежда.

На то, что долгие годы бесплодных изнурительных поисков, наконец-то, закончатся.

На то, что я вот-вот увижу его в толпе. Что он сразу узнает, подойдёт ко мне, улыбнется и скажет — не слабым, искаженным вибрирующим гулом, а живым, настоящим голосом: «Костя. Россия».

Я расслышала эти слова шесть лет назад. Тот день я помню до мельчайших деталей. Помню, в отличие от многих других дней — слишком много катастроф и трагедий я увидела, и картины смертей и страданий давно перемешались, потеряли отличительные черты, и я уже не могла сказать, где именно проходили землетрясения и падения самолетов, наводнения и взрывы на шахтах, цунами и массовые восстания.

Не знаю наверняка, почему мне запомнился именно тот день. Может быть, потому, что картина избиения тысяч тутси и хуту, бегущих из оставленной бельгийскими миротворцами школы Дон Боско в Кигали, своей звериной безжалостностью и масштабностью во много раз превосходила все, что мне приходилось видеть. Может быть, потому, что именно тогда, уже давно разучившись чувствовать, я впервые за долгие годы испытала почти настоящий шок. А может быть, потому, что именно тогда я впервые расслышала в нараставшем в ушах «морском» шуме слова с точностью до звука и разобрала, что они значат.

Он зовёт меня. Он слышит меня. Он есть!

Ещё один не такой, как все остальные люди.

Ещё один такой же, как я.

Тогда среди страдальческих воплей умирающих под лезвиями мачете тутси я испытала что-то очень похожее на облегчение.

С той поры в перерывах между посещением мест стихийных бедствий и войн я раз за разом бросалась туда, куда указывал

его зов, — Лима, Джайпур, Осака... Я не знала, как буду искать его в огромных, бескрайних землях или в многомиллионных городах, но не ехать не могла. На это меня толкала сила не менее властная, чем та, что вела к местам, где сталкивались поезда, взрывались торговые центры и тонули корабли. Только эта сила, в отличие от той, другой, исходила от меня самой. После долгих лет стороннего, безразличного наблюдения за чужими трагедиями, в моей пустой жизни появился смысл. И этим смыслом стал поиск.

Я уже поняла, что шум и шёпот я слышу только тогда, когда мой организм напряжён до предела. И я сознательно бросалась в ситуации, сопряжённые с максимальным риском для жизни. Я прыгала с парашютом в грозу, седлала лавины на сноуборде и считала бури лучшим временем для серфинга. Я занималась альпинизмом без страховки, сэндбордингом во время песчаных бурь, рафтингом, когда таяли горные реки, и кайтингом во время торнадо. Что угодно, лишь бы услышать его.

Срабатывало — я слышала. Да, за то, чтобы убедиться, что он всё ещё есть, что он всё ещё зовёт меня, я нередко расплачивалась переломанными костями, гематомами и сотрясениями мозга. Это не имело значения — боли я почти не чувствовала, а раны затягивались в кратчайшие сроки.

Я слушала, я разбирала его голос, учила русский язык и при первой же возможности летела туда, откуда приходил последний зов.

Найти его. Ничего больше меня не волновало.

Не волновало, что врачи разводили руками и с виноватым видом сообщали: «Мы не знаем причину. С вами все в полном порядке... Э-э... не считая того, что вы не стареете. Сколько вам? Сорок? А организм двадцатилетний. И ваши регенерирующие способности просто феноменальны... Но это же хорошо?..»

Не волновало, что пять лет назад мать умерла от рака и год спустя скончался от инфаркта отец.

Не волновало, что Лиам, не выдержав моих, как он выражался, «безумств», давно ушел от меня: его присутствие всё равно не вызывало во мне никаких желаний и не спасало от одиночества — одиночества существа, разительно отличающегося от всех остальных.

Главной и единственной целью было отыскать Костю. Мне казалось, что, найдя его, я найду себя. Ту самую, которую я потеряла на долгом пути моей странной жизни.

Жизни ли?

Я не гадала, как он выглядит, как говорит и как двигается, о чем думает и как смеётся, что скажет в момент нашей встречи и что будет потом. Все те вещи, которые когда-то казались мне такими важными при выборе мужчины, перестали иметь значение. Они имеют значение только тогда, когда женщина не знает наверняка, что этот мужчина — тот самый. Единственный.

А я знала.

Только после долгих лет упорных поисков я его так и не нашла...

И в какой-то момент поняла, что в опустевшей палитре моих эмоций, оказывается, ещё остались краски отчаяния. Слишком людны города. Слишком бескрайни земли. Мне не найти его.

Я была почти готова сдаться. От этого меня оберегло очередное несчастье. Страшная трагедия, унесшая жизни полутора сотен людей, подарила мне ещё один шанс. Полтора месяца назад, горя заживо в поезде-фуникулере австрийского горнолыжного курорта Капрун, я расслышала те слова, которые положили мне на язык твёрдый леденец «hope», тягучую карамель «надежда»:

— Санкт-Петербург. Пулково... Пулково...

7. 2000. Костя

Я искал её десять лет. Десять. Три тысячи шестьсот пятьдесят два дня с тех пор, как узнал её имя. И каждый из этих дней я просыпался и говорил себе: «Сегодня я её найду». И каждый раз проваливался в сон, изо всех сил заставляя себя верить, что найду завтра.

Я искал её по всему миру. Напарываясь на ножи и финки, задыхаясь под водой от удушья, срываясь на ходу с поездов и на скаку с лошадей, я лихорадочно ловил даже не слова, а едва уловимые обрывки слов на чужом языке. Я зубрил этот язык, вгрызаясь в разговорники и словари, «через не могу» заучивая наизусть инфинитивы, герундии и неправильные глаголы. В отчаянии я цеплялся за любой намёк, за самые авантюрные догадки. Я слышал «Кигали» и уже на следующий день прорывался из Бурунди в Руанду. «Кандагар» — и я летел из Еревана в Ташкент, чтобы метнуться ночью через афганскую границу. Я объездил Африку, исколесил Ближний Восток, облазил Среднюю Азию и Закавказье. Я рвался туда, где стреляли, резали и бомбили города. Я не нашёл её, не сумел.

Мораль, условности, правила поведения перестали существовать для меня. Я обчистил ювелирный в Иерусалиме, ограбил обменный пункт в Йоханнесбурге, взял на прицел и заставил расстаться с товаром наркодилера в Джакарте...

В конце 1999-го я вернулся в Россию. Я был на грани помешательства и на пороге отчаяния. Неимоверным усилием воли я заставил себя прервать сумасшедший бег, прекратить безостановочный амок. Я осознал, что один из нас должен оставаться на месте, что, гоняясь друг за другом по миру, мы обречены на неуспех и, возможно, на гибель.

Теперь каждый день я проводил в Пулковском аэропорту. Персонал хихикал у меня за спиной, служащие издевательски показывали пальцами на идиота, ставшего местной достопримечательностью. Из утра в утро являющегося в зал прибытия с плакатом «JANE/KOSTYA» и бубнящего себе под нос «Санкт-Петербург. Пулково. Санкт-Петербург. Пулково», и так без конца.

Несколько раз необузданная жажда сорваться с места одолевала меня, я был не в силах с ней бороться и бросался то в Вильнюс, то в Нахичевань, то в Грозный... Но каждый раз, возвращаясь, на следующее утро уже стоял на посту в пулковском зале прибытия.

Там, в аэропорту, и наткнулся на меня Валька Дерябин, возвращавшийся в город с симпозиума в Вене. Я не видел его больше двадцати лет и не сразу узнал. Безбожно раздобревший, облысевший и отпустивший лопатообразную бороду, Валька протиснулся ко мне в толпе и спросил, не сын ли я Константина Махова. Немудрено, что он принял меня за сына, а не за меня самого, — несмотря на всё случившееся со мной, я практически не постарел и выглядел почти точно так же, как в далёком 1976-м, когда мне было всего двадцать пять.

Он, Валька, и рассказал мне то, что я знаю о себе теперь. Сомнений практически не осталось: то, над чем я ломал голову и чему ужасался все эти годы, оказалось объяснено. Две недели меня, словно подопытную крысу, изучали и тестировали в лабораториях Санкт-Петербургского госуниверситета. Затем профессор этого университета, доктор физических наук и член-корреспондент Валентин Дерябин пригласил меня к себе в кабинет и запер дверь на ключ.

Через два часа я знал о себе всё. То, что я узнал, было ужасно, чудовищно. Я сидел перед ним ошеломлённый, оглушённый, едва не убитый, я не мог заставить себя поверить его словам.

— Спрашивай, — устало сказал Валька. — Давай. Любые вопросы.

Я начал спрашивать. Сначала горячечно, издевательски, потом всё тише и обречённей.

— Люди обмениваются информацией с помощью волн, — монотонным преподавательским голосом терпеливо растолковывал Валька. — Волны отличаются друг от друга длиной. И все они, от УКВ до сверхдлинных, лежат в электромагнитным диапазоне. Так вот, ты передаёшь, Костя. Постоянно передаёшь. И принимаешь. Но не в электромагнитном диапазоне, а за его пределами. Не понимаешь?

— Ты спятил, — закричал я. — Что я принимаю? Куда передаю? Кому? Как?

— Судя по показаниям приборов, ты передаёшь и принимаешь те же самые волны, Костя. Только не электромагнитные, а гравитационные. Напрямую это установить не удалось, мы знакомы лишь с законами гравитации, но не с её природой. И можем лишь предполагать, что её природа также волновая. Современными приборами гравитационные волны не зарегистрировать, однако то, что вокруг тебя происходит нарушение закона всеобщего тяготения, установить удалось непреложно. На предельно малую величину, измеряемую только особо точными приборами, но происходит. А кому ты передаёшь и от кого принимаешь — довольно очевидно. Ты — робот, Костя, ходячая кинокамера, понимаешь? Ты передаёшь информацию наружу. Своим хозяевам, другой расе, гораздо более могущественной и технологически развитой. И управляют тобой они же. Их, видимо, интересуют подробности развития нашей цивилизации, вплоть до мельчайших. Ты получаешь команды, которым не можешь не повиноваться, которые сильнее твоего разума.

— Ты что же, хочешь сказать... — оторопело произнёс я.

— Да, хочу. Ты уже давно не человек в нашем понимании этого слова. Ты — прибор, тебя зарядили, тогда, в 1976-м, вживили в тебя передающее и принимающее устройства. Со временем эти устройства прижились, стали частью организма и изменили тебя самого. Твои хозяева заботятся о своём приборе — ты не ломаешься, не изнашиваешься, не приходишь в негодность. Я созвонился с коллегой в Петрозаводске. По его просьбе, подняли местные милицейские архивы. В сентябре 1976-го там была чуть ли не эпидемия пропавших без вести и погибших по невыясненным причинам.

— Что? Что ты сказал? Этих людей, как и меня, превратили в роботов?

— Нет, отнюдь. Ты же не погиб и не пропал без вести. Ты — дорогостоящий прибор, Костя, остальным, которых пробовали на ту же роль, что и тебя, не повезло. А тебе и этой твоей, как её, как раз посчастливилось. Впрочем, это зависит от того, как посмотреть.

— Она...

— Да, она. Ты слышишь её, она тоже постоянно передаёт. Только очень слабо, в отличие от сильного воздействия твоих хозяев. Нужна предельная мощность, концентрация ресурсов всего организма, чтобы ты мог услышать её. Тебе понятно?

Я сидел, опустив голову и уставившись в пол. Затем поднял глаза.

— Спасибо, — сказал я. — Мне надо подумать над этим.

Я встал и направился к двери.

— Подожди, Костя, — резко бросил Валька мне в спину.

Я обернулся.

— Я должен был сдать тебя в ФСБ, — сказал он. — Подумай, что будет, если завтра ты получишь от своих хозяев другой приказ. Например, взорвать где-нибудь ядерный заряд.

— Что же не сдал? — спросил я.

— Не смог. Молю бога, чтобы мне не пришлось в этом раскаиваться...

Она прилетела нью-йоркским рейсом. Она шла ко мне через людской поток, закусив губу и завороженно глядя на плакат в моей руке. Я смотрел на неё и не мог сдвинуться с места, я будто прирос к полу. Я не верил. Я уже знал, уже понимал, что это она. Но не верил. Не верил, что на земле бывает такое счастье. Она остановилась, дамская сумочка, скользнув по её руке, упала на пол.

Я рванулся вперёд. Расталкивая пассажиров, под ругань и мат я бросился к ней, оторвал от пола и поднял на руки. Время замерло, мы смотрели друг другу в глаза.

— Kostya, — прошептала она. — Is it you, Kostya?

Я не ответил. Прижимая её к себе, я кинулся к выходу. Перепрыгивая через коробки и чемоданы, вдоль образованного опешившими людьми прохода я добрался до дверей и вывалился наружу.

— Такси! — заорал я так, что окружающие шарахнулись в стороны. — Такси, в бога душу мать!

Там, в машине, я впервые её поцеловал. Это была она. Робот номер два. Сменная кинокамера. Моя женщина. Моя единственная. Моя Джейн.

8. 2010. Джейн

Эта идея принадлежала Косте. Не мне.

Помню, тогда я изводила себя вопросами, на которые не было ответов. Зачем *они* собирают информацию о нас? Что сделают с нами, когда получат достаточно сведений? Выбросят, как ненужное оборудование? Как это будет? Мы за один день состаримся и умрём?

Меня интересовала только наша судьба. Костя смотрел гораздо дальше. Даже тогда, когда в нас осталось мало человеческого, разница между мышлением мужчины и женщины давала о себе знать.

— Джейн, ты хоть понимаешь, как легко в нашем мире запустить катастрофу едва не планетарного масштаба?

Да, я понимала. Простое механическое действие: надавить на курок, щёлкнуть выключателем, нажать на кнопку... Мы оба осознавали, что в один прекрасный день можем получить приказ перейти от наблюдений к действиям. Это сводило Костю с ума. И хотя я чувствовала его, как никого на свете — единственное подобное мне существо! — до конца постигнуть причины его отчаяния я не могла. Понятия «смертельная угроза для планеты» и «долг перед человечеством» не находили во мне никакого отклика... Сейчас-то я понимаю — просто в Косте ещё довольно сильно было человеческое начало, и он не хотел его отпускать.

Не хотел отпускать в себе — и старался удержать во мне.

— Любой прибор, даже самый прочный, можно сломать. Надо только знать как, — продолжал он, и его глаза были полны решимости.

— Знаешь, Костя, если *им* понадобится, *они* ведь найдут и других исполнителей.

— Но если мир и полетит к чертям, по крайней мере, его туда отправят не моей рукой! — Костя восклицал так экспрессивно, что, казалось, зажигал меня своей энергией.

В такие минуты я забывала, что человеческие переживания и мысли давно стали мне чужды; я почти чувствовала и почти разделяла то же, что и он.

Почти.

Другая же часть меня самой — холодная, отстраненная, рациональная — бесстрастно констатировала про себя *их* ошибку:

они не должны были позволять нам встретиться. Костя не только упорно держался за человеческое в себе — он удерживал его и во мне. Без него я бы давно уже забыла о том, что это такое — чувствовать. Но когда он был рядом, я отчетливо понимала, что, хорошо постаравшись над выкорчёвыванием из нас всех человеческих чувств, *они* не смогли убить до конца самое сильное. То, которое из века в век люди тщетно пытаются выразить словами, но так и не находят верных и правильных, кроме одного — самого избитого и самого простого...

Костин план был незатейлив — уничтожить себя прежде, чем *они* решат сотворить что-то непоправимое нашими руками. И «Гюрза», которую он однажды принес домой, была самой слабой частью этого плана. Сработает ли? Ведь то, что смертельно для других, причиняет нам лишь временное неудобство. Мы только предполагали, что наши модифицированные организмы не смогут справиться с восемнадцатью пулями, выпущенными в голову — в упор...

— Обещай мне... — Костя брал меня за руки, глядя в глаза одновременно просяще и решительно, и в такие минуты я снова ощущала себя человеком. И мне это не нравилось — потому что я испытывала почти физическую боль. Но всё-таки отвечала:

— Обещаю.

А про себя думала: как глупо противиться тому, кто держит в своих руках пульт управления тобой.

Мы оба задумывались над тем, что делать в случае провала Костиного плана. Если и восемнадцать пуль в голову не смогут нас уничтожить, то что же сможет?

Впрочем, до этого до сих пор не дошло. Потому что возникла другая проблема. Почти непреодолимая.

Как можно всадить восемнадцать пуль в голову тому, кого любишь?..

Мы всё же попытались. Костя долго вертел «Гюрзу» в руках, нервно сжимал рукоять — но так и не нацелил её на меня. Моей решимости хватило на то, чтобы наставить «Гюрзу» на Костю. После чего я бессильно опустила руку. Я не могла выстрелить. В кого угодно — только не в него. Не в единственное родное мне существо.

Хорошо, может быть, не единственное — ведь были еще *они*, и я все сильнее осознавала свою принадлежность к *ним*. Но *они* были далеко, а Костя — рядом. И он мне был ближе, чем

все *они* вместе взятые. Потому что он вернул смысл моему бессмысленному существованию.

И потому что мы с ним — люди. Пусть не такие, как все. Пусть почти потерявшие большинство человеческих мыслей и переживаний, управляемые неведомой силой извне, наделённые неистощимой энергией, феноменальным здоровьем, и, наверное, бессмертием. Все равно мы — люди.

Или уже нет?..

На вторую попытку мы решались долго и мучительно, и сейчас, держа в руках «Гюрзу», я понимаю, что всё бесполезно — я и в этот раз не выстрелю.

Но сегодня меня это радует. Потому что даёт ответ на вопрос, который с недавних пор вытеснил все остальные и стал для меня самым главным — люди мы или уже нет?

Мы — люди.

Люди — пока не можем нажать на курок. Потому что от этого меня с Костей удерживает единственное человеческое чувство, которое *они* так и не смогли в нас уничтожить.

Самое сильное.

То, которое из века в век люди тщетно пытаются выразить словами, но так и не находят верных и правильных, кроме одного — самого избитого и самого простого...

АЛЕКСЕЙ РЫЖКОВ

Превосходная репутация

Рассказ

Знаете, как это бывает? Сидишь, смотришь в одну точку и вроде ни о чем не думаешь. Мышцы глаз расслабляются, изображение становится размытым, а ты просто сидишь, и в голове совершенно пусто. Где-то на периферии зрения люди пьют пиво, разговаривают, курят, просто скучают. В общем, убивают время, так как это можно делать только в баре аэропорта, ожидая своего рейса. За большими стеклами черноту квебекской ночи разбавляли пушистые снежинки метели.

— Еще, мистер? — я сфокусировал взгляд на бармене, вопросительно глядевшем на меня. Над моим стаканом неотвратимо нависала бутылка бурбона. Во всепонимающем взгляде светилось, сочувствие. Ну как тут откажешься.

— Давай одну, — согласился я на третью порцию.

Мой рейс до Гамбурга откладывали. Я глотнул обжигающе-золотистой жидкости. Последний час я пытался выстроить схему мировой циркуляции ценностей. Пока стройной схемы не получалось. Выходило, что деньги, произведения искусства, технологии и наркотики перемещались по миру совершенно хаотично. Я отвозил в Эквадор двадцать миллионов. А через полгода вез оттуда тридцать. Привозил в Женеву Пикассо, а через неделю оттуда же забирал Моне. Нет! Не разобраться мне в этом бардаке, я вздохнул и закурил, глядя на свое отражение в зеркальной полке бара. Между разноцветных бутылок на полке проглядывало

отражение в высшей степени представительного джентльмена. Я долго работал над образом. Теперь я был чертовски похож на стандартного яппи. Представитель какой-нибудь жутко респектабельной юридической фирмы. Дорогие очки в тонкой золотой оправе, белая отглаженная рубашка, стильный серый костюм. Строгие визитные карточки, корпоративная этика, гольф по воскресеньям, ну и все это дерьмо. Дырка в мочке уха от серьги уже почти заросла, тату на левом запястье спрятано под белоснежной манжетой. В последний год меня останавливали на таможне один раз из десяти.

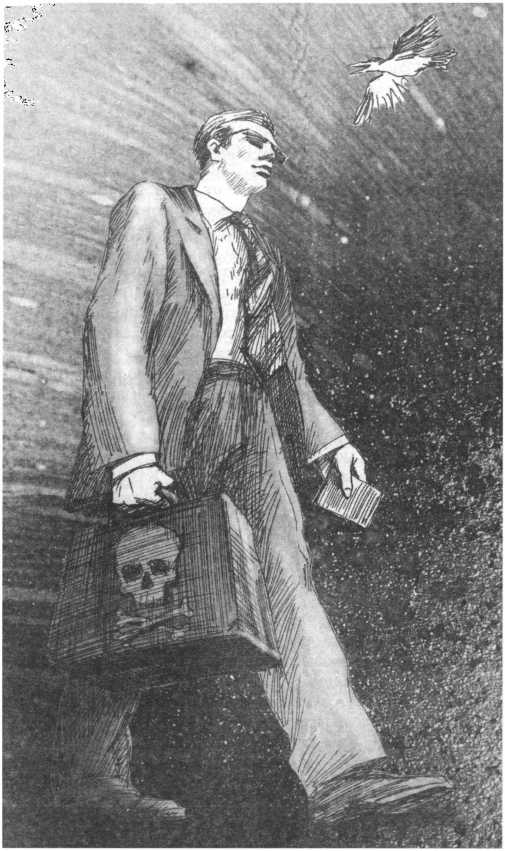
Сейчас я курьер. А когда-то был неплохим инженером. Принцип работы моего суперчемодана до безобразия прост. Он поглощал лучи аэропортовского рентгена и на приемник отправлял банальное изображение всякого стандартного барахла. Запасные рубашки, белье, бритвенные принадлежности. Пару толстых бизнес-справочников, ноутбук, папки с документами и прочая ерунда. Если меня все-таки просили открыть чемодан, то все это было в наличии. Контейнер, спрятанный в двойном дне всегда оставался нетронутым. Именно его, этот контейнер, защищал генератор-обманка. 70x50x10 сантиметров — габариты титанового контейнера с цифровым замком. Этого было достаточно, чтобы провезти кучу денег. Или необработанные алмазы. Или сложенное в несколько раз, запаянное в пластик полотно Рембрандта. Первое время мне частенько подсовывали наркотики. Хотя я всякий раз честно предупреждал — все, что угодно, только не наркотики, слишком много друзей умерли от этой дряни. Но в то же время я гарантировал своим клиентам полную конфиденциальность перевозки. Подразумевалось, что я не знаю, что везу. Но я все же оставил себе лазейку и вмонтировал в контейнер специальную видеокамеру и анализатор. Как-то не очень хочется быть тем придурком, который пронесет на борт бомбу. С теми клиентами, которые отправляли героин, я просто больше не работал. Примерно за год это всем стало ясно, и наркомафия оставила меня в покое.

Наконец объявили посадку на Гамбург. Большим глотком я допил бурбон и, расплатившись, подхватил чемодан. Окинув быстрым взглядом зал, убедился что хвоста нет. На этот раз чемодан тяжеловат, интересно, что там? Я направился в туалет. Забавно, насколько все заведения такого типа в аэропортах похожи. Недавно в Интернете наткнулся на интересную страничку. Один мужик на полном серьёзе изучает национальные

особенности уборных и мусорных урн. По-моему, даже диссертацию по этой теме пишет. Скажем, в Китае вот есть урны в виде львов, жадно заглатывающих обертки от мороженого и окурки. А в России есть урны, которые только подъемным краном можно передвинуть. Наверное, из излишков танковой брони. На Тайване, если помочиться в лифте, сработает какой-то там датчик, и лифт стопорится. Потом зассанца вытаскивают под улюлюканье толпы, полиция надевает наручники и вкатывает негодяю огромный штраф. Такая вот общественная мораль. Я выбрал кабинку подальше от входа. Открыв чемодан, подключил штекер ноутбука к разъему контейнера. Та-ак... Что тут у нас на этот раз? В центре контейнера на распорках из пористой резины был заботливо укреплен тускло-серый металлический цилиндр. Черт! Что это? Я передвинул камеру по направляющим и посмотрел с другого угла. Просто металлический цилиндр. Сантиметров пять в диаметре, длиной около пятнадцати. Никакой крышки или замка. Если это бомба с таймером, она бы рванула еще часа два назад. Мы бы как раз были над океаном. Но, в конце концов, можно поставить датчик давления, дать команду по радио. Да есть еще сотня способов, как взорвать бомбу в нужное время. Уж тут-то технология шагнула далеко вперед. М-да-а... такого мне еще перевозить не приходилось. У меня было железное правило: не открывать контейнер. Это была прерогатива клиента. Как правило, в пункте отправки контейнер заполняли и ставили код на цифровом замке. Потом по телефону или еще как-нибудь получателю сообщали этот код. Считалось, что я его не знаю. И загрузка контейнера происходила в мое отсутствие. Я либо уходил в другую комнату, либо вообще уезжал — и забирал контейнер часа через два.

Вот дерьмо! Что же это за штука? Своей лаконичной законченностью цилиндр нагонял на меня страху гораздо больше, чем десять килограммовых пакетов героина, за которые можно было схлопотать пожизненное. Я взглянул на часы — надо идти. Моя заработанная за три с половиной года репутация складывалась из безупречно выполняемых мной обязательств. Мои услуги стоили очень дорого. Клиенты знали это и готовы были платить. В зависимости от длины маршрута и сложности прохождения таможни расценки менялись. Но никогда сумма не была ниже пятидесяти тысяч. Ну что ж... Нужно отрабатывать деньги.

Я вышел из кабинки и столкнулся нос к носу с пьяным двухметровым детиной в клетчатой рубашке.



Упс! Он преградил мне дорогу. Конечно, я выглядел как типичная жертва для таких вот ребят. Отутюженный воротничок, поблескивающий браслет золотых «Картье» на запястье. Даже если он ничего не поимеет с меня, просто получит эстетическое удовольствие, набив мне морду.

Не сейчас! Я нажал ногтем большого пальца пластину на внутренней стороне перстня, который скромно красовался на среднем. Из фальшивого агата вырвался танцующий луч маломощного лазера. Я полоснул лучом по глазам верзилы. Болевой шок, резанувший по глазным нервам бедняги заставил того забыть о моем существовании. Похоже, он даже не понял, что произошло. Закрыв слезящиеся глаза руками, он медленно оседал на кафельный пол, отчаянно матерясь. Мои университетские преподаватели гордились бы мной. Батареи перстня заряжались от тепла моей руки. Двое суток — десять секунд работы. Этого хватило бы, чтоб свалить пять таких верзил. Я перешагнул через всхлипывающего «лесоруба». Минут через пять зрение к нему вернется, последствий не будет.

В самолете я продолжал думать о загадочном цилиндре. Мой чемодан покоился у меня над головой в шкафчике для личных вещей. Таможню я прошел без проблем. Первые полчаса полета я все ждал взрыва. А потом надоело. Мне заплатили семьдесят пять тысяч за доставку. Я думаю, если бы хотели взорвать этот «Боинг», можно было бы эти деньги вложить более эффективно. Да этих денег хватило бы, чтоб подкупить почти весь персонал аэропорта и пронести на борт хоть тонну взрывчатки. Подумав так, я успокоился и вызвал стюардессу.

— Бурбон, пожалуйста. Без льда.

— Одну минуту, — вышколенная блондинка ослепительно улыбнулась. Вот черт! Как у них это получается. Как будто мы с ней одну школу кончали. И вообще друзья с детства.

Отхлебнув добрую порцию спиртного, я откинулся на спинку кресла и погрузился в приятную, теплую дремоту. Проснулся я, когда колеса с ощутимым толчком коснулись бетона. Я всегда хорошо сплю в самолетах. Наверное, поэтому меня не тяготит выбранная профессия курьера. Я потянулся, разминая косточки. Вот мы и в Гамбурге. Целы и невредимы. Что же это за штука у меня в чемодане? Любопытство опять нахлынуло на меня. Почти физически ощутимое, как чесотка. Быстро пройдя таможню, я взял напрокат роскошный «мерседес» последней модели. Немцы делают хорошие машины. Вот только похожи они все, как дети от одного отца. Обычно по приезде на место

я сразу звонил получателю и договаривался о встрече, стараясь как можно быстрее избавиться от груза. Телефон я никогда не записывал на бумаге. Номер хранился в закодированном виде в моем ноутбуке. Чтоб добраться до него, надо было набрать три пароля. В случае попытки взлома вся моя курьерская информация тут же безвозвратно стиралась. Такие вот профессиональные финты. На этот раз я прямо из аэропорта рванул подальше от города. Знал я одно уединенное местечко на берегу Рейна. Я был там раз пять. Иногда мне нужно побыть подальше от людей. Просто вдыхать чистый воздух и слушать тишину. Так вот, за все пять раз я не видел там ни одного человека. В перенаселенной Европе такое редкость. Сейчас я гнал машину по автобану со скоростью сто пятьдесят километров в час, торопясь уединиться совсем с другой целью. Я остановился на высоком берегу среди мрачных голых кустов. Грязно-белый снег покрывал землю. Река внизу была похожа на застывший обсидиан. Я вышел из автомобиля и закурил, мысленно пытаясь урезонить себя. Зачем мне это нужно! Но любопытство сжирало меня изнутри. Гляну только одним глазком. Все равно никто не узнает. Стоит только начать, потом не остановишься, говорил голос разума, и все! Конец твоей репутации. В таких делах не шутят. Дело может кончиться пулей в лоб!

Я надел перчатки. Осмотрев окрестности, нырнул на заднее сиденье, где лежал чемодан. Быстро открыв секретный отдел, достал контейнер. Подключил ноутбук, еще раз включил камеру. Чертов цилиндр был на месте. Я считал из памяти контейнера «секретный» код и набрал его на клавиатуре замка. Раздался тихий щелчок. С замиранием сердца я открыл крышку. Впервые за три с половиной года. Тускло-серый цилиндр с виду был абсолютным монолитом. Покрутив его и так и эдак, я наконец заметил маленькую крышку. Я надавил на нее, она открылась. Стандартный универсальный разъем. Я воткнул штекер ноутбука в гнездо цилиндра. Запустив специальную программу, через десять минут я знал управляющую комбинацию на открытие. Снова вышел покурить. Возбуждение чуть улеглось. Ну что ж. Остался последний шаг. Посмотрю и закрою обратно. Я вернулся в машину. Почти не дыша, набрал на клавиатуре двенадцатизначный код. С змеиным шипением крышка цилиндра отъехала в сторону. Я осторожно заглянул в бесконечную темноту.

Секунд десять я тряс цилиндр и вертел его так и эдак. В нем ничего не было! Что это? Какая-то шутка? Или проверка? На лбу

выступила испарина, стало трудно дышать. Нажав кнопку на дверце, я опустил тонированное стекло.

— Здравствуйте, доктор Фихтенгольц. Эта линия защищена, можно разговаривать открыто... Да, мы уже выслали вам первый образец газа. Наши люди доставят вам его в ближайшие несколько часов... Да, да. Наша установка синтеза работает превосходно... Ребята прозвали газ антикислород... К сожалению, мы пока не можем контролировать цепную реакцию поглощения кислорода. Надеюсь, совместная работа наших лабораторий даст результат... Ха... я тоже так думаю. В случае успеха наши клиенты будут в восторге! Это в сотни раз лучше любого химического или бактериологического оружия... Да, конечно, доктор. Фифти-фифти, как договаривались. Только дайте результат! Да, при работе будьте предельно осторожны! Если вырвется хоть несколько молекул, газ сожрет весь кислород в атмосфере!.. Нет, контейнер титановый, он может выдержать падение хоть с 30 километровой высоты. Его везет специальный курьер. Очень надежный человек. У него превосходная репутация! Я думаю, он уже в Гамбурге. Самолет приземлился час назад... Не волнуйтесь, наши люди примут у него груз и доставят вам в ближайшее время... До свидания, доктор... Да, да... Ха... конечно, выпьем! Всего доброго... до свидания. Если вам понадобятся еще образцы, звоните...

Десятиколесный бензовоз выехал на мост, соединяющий два берега Рейна. Водитель опустил стекло, судорожно вдыхая, борясь с подступившим головокружением. Его гаснущее сознание зафиксировало в конце моста большую пробку, водитель из последних сил нажал педаль тормоза и отключился.

На большой скорости многотонная махина врезалась в кучу искореженных машин и перевернулась. Из лопнувшей цистерны на асфальт хлынул бензин. Искры закоротившего аккумулятора одной из развороченных машин попали на бегущий поток горючего. Но бензин не вспыхнул.

В Париже падали птицы. Несколько минут назад удивленные горожане наблюдали необъяснимую картину. Непонятно почему вдруг все птицы решили покинуть город. Они взвились в небо, снимаясь с крыш и колоколен, с деревьев и мусорных бачков, с резных карнизов старинных домов. Воробьи и голуби, галки и вороны — все птичье племя с жутким гомоном закружилось в хаотичном танце, заслоняя небо. А потом они стали падать.

Бесформенные комки мертвых тел бились об асфальт, пробивали зонтики уличных кафе и оставляли вмятины на крышах машин. Через пару минут люди стали опускаться на землю, пытаясь справиться с подступившим вдруг головокружением, судорожно ловя открытыми ртами воздух.

Петерсон отхлебнул глоток кофе и улыбнулся. Все идет отлично! Он подошел к окну офиса и взглянул с высоты тридцати этажей на раскинувшийся внизу Квебек. О, черт! Я забыл поздравить старика Фихтенгольца с днем рождения! Петерсон поднял трубку телефона и нажал кнопку «REDIAL». На пятом гудке он вздрогнул от удара в окно. Петерсон обернулся. На широком карнизе лежал мертвый голубь. Человек медленно положил трубку и подошел к окну.

Далеко внизу были слышны глухие удары сталкивающихся машин.

Побледневший Петерсон машинально поправил галстук и, глядя на меняющее цвет небо, приготовился к смерти.

АДЕЛАИДА ФОРТЕЛЬ

Тележка на одном колесике

Рассказ

Как только молоденькая воспитательница увидела его злые рожки, выпрыгнувшие из-под потертой меховой шапки под лампы дневного света, она удивленно воскликнула:

— Надо же! Где это ваш малыш так головой стукнулся!

Лена уже знала, как надо общаться с педагогами дошкольных детских учреждений, а потому в ответ виновато промямлила:

— Такой сорванец... Не углядеть за ним...

Воспитательница ободряюще улыбнулась:

— Ну, вы не волнуйтесь. У нас опытный персонал, присмотрим за вашим живчиком в лучшем виде. Как звать-то его?

Она взяла новенького за руку и потому не заметила, как вздрогнула и сжалась на этот невинный вопрос родительница.

— Вы его как угодно можете называть. У него пока имени нет.

— Как это имени нет? — удивилась воспитательница. — А как вы его в детский сад оформили?

— Так ведь... По своей фамилии.

«Мать-одиночка, — догадалась воспитательница. — Стыдится признаться, что у сына отца нет».

— Ну, ладно, — сжалилась она над придурковатой мамашей. — Разберемся как-нибудь. Забрать его сегодня надо до

обеда, требуется дать ребенку возможность привыкнуть к новому коллективу, пройти адаптацию. Так что приходите за ним к двенадцати часам. А как твоя фамилия, мальчик?

— Такая же, как у мамы, — неожиданно взрослым тоном ответил новенький. — У меня своей фамилии пока нету.

«Да уж, яблоко от яблони недалеко падает», — усмехнулась про себя воспитательница.

— Ну хорошо. Как маму-то зовут?

— Лена Степанова.

— Ну вот и хорошо. Ты, стало быть, будешь пока Степанов-Ленин, — и она, давясь от смеха, закрыла за собой дверь в группу.

Елена Михайловна покрутила в руках шапочку сына. А ведь и правда, рожки растут. Надо бы проделать в шапке две дырочки, чтобы не жала. И, томясь от дурных предчувствий, закрыла шкафчик с корабликом на дверце. Интересно, как отреагирует эта, седьмая по счету, воспитательница, на то, что симметричные шишки, поднимающие двумя вихрами беспорядочные кудри на голове ее сына, ни на следующий день, ни через неделю не втянутся обратно.

К счастью, эта воспитательница уже давно ничему не удивлялась. Ни тому, что у корейца Миши Хвана папа мулат, а мама платиновая блондинка, ни тому, что у Мириам тапочки всегда надеты строго не на ту ногу и постоянно смотрят носками в разные стороны, словно находятся на боевом посту, и сколько их ни переобувай, они через какое время возвращаются в исходное положение, ни, наконец, тому, что вечно сопливая Людочка, стоит от нее отвернуться, ест аквариумных улиток.

Степанов-Ленин хлопот не доставлял: в коллектив вжился быстро, утром никогда не ревел и не цеплялся за подол маминого пальто, самостоятельно и с аппетитом ел, спал в тихий час и не приставал к воспитателям с дурацкими вопросами. Но зато, стоило его о чем-то спросить, сам все охотно рассказывал: что за тетенька приходила за ним вчера, почему он укусил за щеку Вику, сколько его маме лет и что это у него на голове за странные наросты. Впрочем, на последний вопрос он всегда выдавал разные ответы, замысловатые, как арабские сказки: то «это у нас наследственное. У мамы такие тоже есть, просто под прической не видно», то «когда совсем маленький был, застрял между прутьями кроватки, и пришлось делать операцию», то «это не наросты, это две яблони пробиваются. Бабушка еще весной посадила».

Но сколько опытные воспитательницы ни бились, они так и не смогли выудить его имени. Ребенок только удивленно на них смотрел.

— У всех есть имена. Вот меня, например, зовут Раиса Михайловна. А вот его зовут Петя. Петя, иди сюда. Петя, как тебя зовут?

— Петя, — заторможенно отвечал испуганный мальчик с деревянным кубиком в руках.

— Вот видишь! Иди, Петя, поиграй. А вон ту девочку зовут Людочка. Людочка, отойди от аквариума, сколько можно повторять! А как зовут тебя?

— Не знаю. Может, тоже Петя?

— Нет, это навряд ли, — не теряла профессионального терпения воспитательница. — Тебя наверняка зовут по-другому.

— А как? — удивлялся Степанов-Ленин.

— А вот этого я не знаю.

— А как зовут вон того мальчика?

— Это Валера Попов. Валерочка, уступи девочке! Возьми лучше самосвал.

— А его?

— А его зовут Саша Синицын.

— А вы знаете, как всех детей зовут?

— Конечно. Это моя работа.

— А почему вы тогда не знаете, как зовут меня?

— Потому что мне никто этого не сказал.

Раиса Семеновна понимала, что разговор вернулся в исходную точку, вздыхала и трепала золотистые кудряшки.

— Ну, ладно. Иди поиграй. И все же, откуда у тебя эти шишечки? Нет-нет, не отвечай. Это я так просто спросила. Кстати, а как тебя мама называет?

— Сын.

— Ну, хорошо. А бабушка?

— Внук.

— Тоже верно. А папу твоего как звали?

— У него много имен, но настоящего никто не знает, — начал отвечать Степанов-Ленин, но воспитательница только устало отмахнулась.

— Все-все, Степанов, иди играй, иди... Бедный ребенок. И папа у него, скорее всего, уголовник...

Имя нашлось примерно через четыре месяца. Само собой, словно потерянная связка ключей, вместе с серым свитером домашней вязки.

— Дети, это чей свитер? — окрикнула группу Раиса Семеновна, поднимая брошенную вещь с пола раздевалки.

— Его! — дети дружно показывали на молчаливого Степанова-Ленина.

— Твой? — Раиса Семеновна отогнула ворот свитера и прочла бирку. — Боря М. А ты разве Боря М.?

— Свитер мой, значит, и имя мое, — Степанов-Ленин был, как всегда, не по годам логичен.

— Боримэ! Боримэ! — завопили радостно остальные дети.

Найденное имя стало самым ярким событием дня в насыщенной детсадовской жизни.

— Боримэ! — хихикали дети за обедом, расплескивая из ложек суп.

— Боримэ! Боримэ! — приговаривали они, засыпая в тихий час, чтобы за время сна не забыть новое имя.

— Боримэ! Боримэ! — приговаривали девочки, прыгая через скакалку.

— Боримэ! — вопили мальчишки, сталкивая в смертельной аварии деревянные грузовики.

И хотя имя это больше походило на дразнилку, сам Степанов-Ленин ходил до вечера праздничный, словно ему подарили велосипед. Как только вечером в дверях группы появилась его мать, он выскочил ей навстречу с радостным воплем:

— Мама! Мое имя нашлось! Я Боримэ!

— На свитере у него табличка нашита «Боря М.», вот он и решил, что это его имя, — с улыбкой «ну, вы понимаете...» вздохнула Раиса Семеновна.

Но родительница неожиданно отнеслась к новости всерьез:

— Хорошее имя, Боримэ! — обрадовалась она и поцеловала сына в щеку. — Знаете, он сам должен был себе имя найти. Мы столько лет этого ждали! А Боря М. — это Морозов Боря, соседский сынок. Это его свитер. Соседка вчера отдала, а я бирку отпороть забыла. Получается, нам от Морозова Бори и одежка, и имя достались. Ну, пойдем, Боримэ, бабушку порадуем.

Но Степанов вывернулся из маминых рук и подскочил к воспитательнице:

— Раиса Семеновна, мы с вами больше никогда не увидимся. И я не смогу вас вовремя предупредить. Но вы, пожалуйста,

через три с половиной года, не позднее, запишитесь на прием к хирургу, ладно?

— Ладно, — Раиса Семеновна ласково улыбнулась и привычно потрепала его кудри. — Беги домой, тебя мама ждет.

— Не верите, — на глаза Степанова-Ленина навернулись слезы. — Я так и думал, что вы не пойдете... Прощайте, Раиса Семеновна.

И он выскочил из коридора, увлекая за собой родительницу.

— Мама! — крикнула с порога Лена, снимая с сына пальто. — Мамочка! Он нашел себе имя. Представляешь! Уже нашел!

Бабушка выскочила из кухни, надевая очки перепачканными в муке руками.

— Да что ты?! И какое же?

— Я — Боримэ! — завопил внук.

— Ах, какая прелесть! Боримэ! Дай я тебя поцелую, мой хороший! Не зря я сегодня пироги поставила! Как знала! Такой у нас сегодня праздник! Такой праздник! Боримэ, надо же! Ну-с, Боримэ, какие у тебя теперь планы на будущее?

— Мне в школу надо. В физико-математическую.

— В какой класс?

— В шестой.

— У-у-у... Это непростая задача. Но вполне разрешимая. Ты вот что, Лениниана, чтобы черта за хвост не тянуть, завтра же подавай его документы в школу.

— Ну, мама! Не возьмут ведь его. Ему же еще и пяти нет...

— Ну, прямо-таки не возьмут? А куда они денутся? Во-первых, у него на лбу пять лет от роду не пропечатаны, а новое свидетельство состряпать — это нам дело привычное. А во-вторых, всегда можно сказать, что мальчик вундеркинд, не по годам развит, в детском саду ему скучно. Пусть, если хотят, его протестируют. Что он, в самом деле, школьные экзамены не сдаст? А, Боримэ, сдашь экзамены?

— Если греческую грамматику проверять будут, то вряд ли, — серьезно ответил Боримэ.

— Что ты, милый мой! Сейчас времена уже не те. Попросят почитать, написать коротенький текст и решить парочку задачек.

Боримэ с сомнением покачал головой и полез на книжную полку за учебником греческого языка, рассудив, что времена временами, но на всякий случай подготовиться надо.

— Да, Лениниана, объясни ребенку, чтобы он интеллектом не блистал. Школа не детский сад, конечно, но слишком умных и там не любят.

И хотя позже Боримэ утверждал, что ничего особенного на экзамене не говорил, его приняли в школу под гром аплодисментов. В Районо, где проходило тестирование, приезжала толпа журналистов и директоров гимназических школ. И пока директора спорили между собой за право обучать вундеркинда именно в их школе, журналисты пытались брать у Боримэ интервью:

— Скажи, Боримэ, откуда у тебя такое странное имя? Оно испанское или французское?

— Оно мое собственное. Ни испанское, ни французское.

— Как ты думаешь, вундеркинд — это наследственное или продукт воспитания? Твоя мама в детстве была вундеркиндом?

— Трудно ответить. Моя мама сразу же родилась двадцатилетней. А бабушка родилась так давно, что ничего из своего детства не помнит.

Журналисты быстро чиркали в блокнотиках.

— Наши слушатели интересуются, чем больше всего любит заниматься такой умный мальчик, как ты.

— Понятия не имею, — пожимал плечами Боримэ. — Я ни разу не встречал похожих на себя мальчиков.

— Хорошо, а ты чем больше всего любишь заниматься? Ну, чем ты занимаешься в свободное время?

— Читаю или считаю чего-нибудь.

— А что считаешь? Математические задачи?

— Ну, да. Пожалуй, задачи. Колесики у тележки, например, или спицы в колесе велосипеда.

Журналисты были слегка обескуражены:

— Хорошо. Спиц в колесе велосипеда много, а колесики тележки чего считать, если их всего два?

— Малое количество предметов не означает их малую значимость. Например, если у тележки количество колесиков станет меньше, идущая впереди тележки старушка упадет на дорогу, сломает себе шейку бедра, ей пропишут курс витаминов внутримышечно, и она спустя двести сорок два дня умрет от заражения крови. А после ее внук унаследует бабушкину квартиру со старой мебелью, найдет в стуле двенадцать бриллиантов и откроет первый в городе аквапарк, в котором утонет, не достигнув совершеннолетия, величайший деспот истории. Не

смейтесь. Эта задача не так проста, как кажется. Надо учитывать направление ветра, когда и где родилась старушка, сколько у нее осталось своих зубов, волос и неповрежденных костей. С велосипедными спицами даже проще. Там надо только разделить скорость велосипеда на расстояние, сложить со скоростью и весом бегущей рядом собаки и разделить на период пропущенной в колесе спицы, не забыв учесть вес велосипеда с велосипедистом и двухлитровой бутылкой пива. Тогда станет ясно, через сколько секунд собака попадет мордой между спиц, велосипед потеряет равновесие и упадет, а велосипедист ударится головой о землю и изобретет сверхудобную открывалку для бутылок. Все это, конечно, слишком примитивно, но я надеюсь, что в будущем смогу решать задачи посложнее.

Директора районных школ услышали последнюю фразу Боримэ, дружно решили, что он должен идти учиться в физико-математическую школу, и зачислили его сразу в шестой класс.

И только один из присутствующих журналистов с биркой «Специальный корреспондент Павел Сафонов» отнесся к детскому лепету серьезно. Что-то похожее он уже слышал. Точно! На прошлой неделе проскочил небольшой, на полполосы, материал в «Вечернем экспрессе» о старушке, попавшей в больницу с переломом и умершей от врачебной халатности. Интересно! Сафонов сделал пометку в блокноте и, не дожидаясь окончания, вышел из кабинета.

— Слышь, сын, — крикнул он вечером в перерыве футбольного матча. — К вам в школу завтра новенький поступает. Вундеркинд Боримэ Степанов! Как тебе имечко, а?

— Не фигово! Настоящий вундеркинд?

— Ага. Ты присмотрись к нему повнимательнее, ладно? Что-то странное в нем есть... Не простой он, кажется, мальчик.

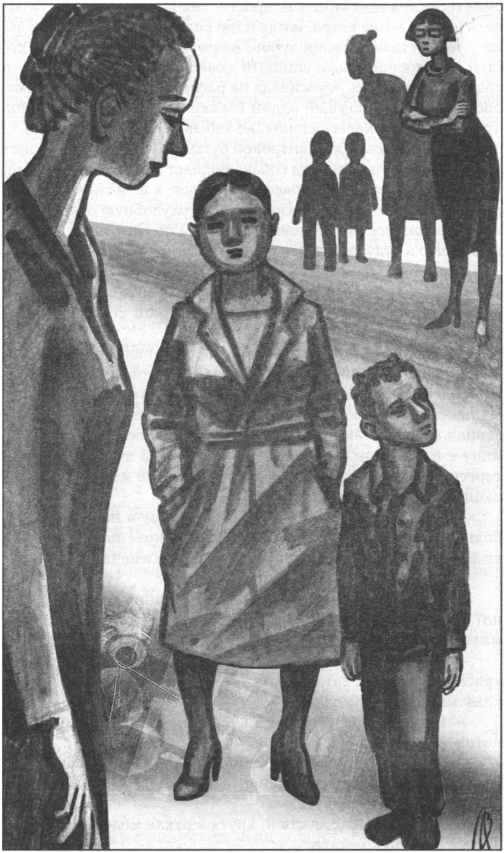
— А чем непрост? — сын Колька обмакнул кисточку в красную краску и, затаив дыхание, вывел звездочку на крыле пластмассового самолета.

— Будущее предсказывает. Давай-ка выждем немного, а потом его порасспрашиваем, а?

— Проведем тайное расследование? — глаза Кольки загорелись от азарта предстоящей игры.

— Ага. Тайнее некуда.

Колька вскочил с места и, крутя в руках модель самолета, закружился по комнате:



— В-ж-ж-ж... Ведем разведку с воздуха! — вопил он. — Задача: найти и выследить диверсанта-парашютиста в районе двадцать восьмого квадрата. Осторожно! Преступник вооружен порошковой бомбой и очень опасен!

— Дуралей ты, Колька! Математически одаренный дуралей! А ну-ка, опытные разведчики, попробуйте схватить меня, басмача Масуда, ведь помимо порошковой бомбы я вооружен еще и сеткой-невидимкой! И потому как прыгну!..

Ленониана страшно переживала, как в новом коллективе отнесутся к рогатости ее сына. И не напрасно переживала. Одноклассники потешались над Боримэ до тех пор, пока в школу не пришло очередное светило науки. То ли френолог, то ли нейрохирург. Пожилой дядечка с профессорской бородкой прощупал миллиметр за миллиметром голову Боримэ и уверенно заявил, что мальчик гениален из-за шишек на голове, в каждой из которых свернут улиткой еще один головной мозг, тем самым мозговой потенциал вундеркинда увеличен вдвое.

Версия эта облетела все местные газеты, для которых Боримэ стал городской достопримечательностью, равной тюремному комплексу, построенному в семнадцатом веке, и самой старой горожанке.

— Я же говорила тебе, что мальчик наш удачливый! — восторгалась бабушка, пробегая глазами заголовки. — Теперь по поводу его вторичных признаков ни у кого не возникнет вопросов. Жаль, что он у нас бесхвостый. Глядишь, нашелся бы еще один умник, все бы популярно народу растолковал, тогда ни тебе, ни мне не пришлось бы хвосты в узлы завязывать. А то за пятьсот лет уже такую мозоль натер, сволочь...

Самого Боримэ эти насмешки, казалось, нисколько не волновали. Он выбрал себе место рядом с молчаливым Маратом Красновым и полностью погрузился в учебу. Ни в каких играх и внеклассных работах почти не участвовал, и потому Коле Сафонову пришлось достаточно долго ждать подходящего случая. Удача подвернулась через три месяца перед уроком биологии. Светка Смирнова принесла в школу журнал по астрологии и зачитывала всем, что кого ждет на следующей неделе.

— Близнецы! — вопила Светка, забравшись на учительскую кафедру. — Кто у нас Близнецы, поднимите руки! Солнце входит в ваш знак, что открывает дорогу для получения новых известий, интересного общения с друзьями, компаньонами, родственниками. Раки! Есть у нас Раки? Ага. Если

не потеряли вкус к учебе, образованию и вообще интересным размышлениям — начинайте продолжать сейчас. Это не значит, что следует отменять отпуск и погружаться с головой в учебные книжки. Но... если хотите наверстать ранее упущенное время, чтобы стать еще более умным (или умной), не пропускайте это время для дополнительного повышения интеллектуального уровня, квалификации — например, в домашних условиях.

— А что делать, если вкуса к учебе никогда и не было? — ржали мальчишки.

— Тогда можете смело отдыхать!

— Лев! Кто у нас Лев?

— Он! Он! — все радостно замахали руками на Левку Элинсона.

— Ага! — Смирнова поправила очки и, подражая телеведущим, вздернула брови. — Меркурий входит в знак Льва — поражайте окружающих яркостью своего ума, презентабельной демонстративностью своих интеллектуальных талантов. Удачно участие во всевозможных викторинах, играх и пари.

— Ура! — подпрыгнул Элинсон. — Пашка, спорим, ты на следующей неделе не сможешь получить три пятерки по физике?

— Спорим, — тряхнул его ладонь Пашка. — Это гороскоп на следующую неделю, а споришь ты сейчас. Так на что спорим?

— Боримэ, а ты кто по знаку? Давай про тебя прочитаем! — Сафонов хлопнул новенького по плечу.

— Про меня не надо. Я и так все знаю. Неделю буду учиться, а в воскресенье двину в кино.

— Тоже верно. Но неужели никто не умеет предсказывать будущее?

Как Коля и ожидал, девчонки радостно заглотнули приманку.

— Гороскопы предсказывают! — тряхнула хвостиками Лена Пряхина. — Моей маме как-то по гороскопу обещалась находка, и она нашла в магазине кошелек. Правда, пустой.

— Разве ж это находка?! Пустой кошелек!

— А моей тете цыганка нагадала, что у нее родится девочка. И родилась девочка.

— Ха! Это невелика наука! Там один вариант из двух, цыганка могла попросту угадать!

— Ну и пусть! Я все равно верю!

— А правда, что с нами будет через тридцать лет? У кого какие соображения? — вернул Коля разговор в нужное ему русло.

— А мне кажется, никакой предопределенности нет, — Марат Краснов всегда говорил вполголоса, но поскольку делал это редко, его всегда слушали. И сейчас все сразу притихли, стараясь не пропустить ни слова. — Есть устремленность. Вот я для себя уже все наметил. Обязательно академиком стану. К тридцати пяти годам. А к сорока пяти получу Нобелевскую премию.

— У-у-у... Как ты махнул! — засмеялись одноклассники.

И только Боримэ вдруг серьезно ответил:

— Нет, академиком ты не станешь. В академическом кругу, как и везде, слишком умных не любят. А Нобелевскую премию, действительно, получишь, как изобретатель лекарства от страха. Только это мало кому принесет пользу. Твоим изобретением заинтересуются военные. И люди, потеряв страх, развяжут третью мировую войну, в которой погибнешь и ты со своей семьей.

— Серьезное заявление! — присвистнул Сафонов. — Ты это из чего вывел?

Но ответить Боримэ не дали.

— А я? Я сделаю какое-нибудь великое открытие? — затеребила Боримэ за рукав Маша Юшина.

— Нет, тебе не судьба. Ты во время научной конференции в Стокгольме встретишь арабского шейха, станешь его любимой женой и матерью семерых детей. Остаток дней проведешь в собственном дворце с фонтанами и никому не покажешь своего лица.

— Ну уж дудки! Я не дура какая-нибудь!

— Вот именно поэтому так и получится. К тому моменту ты поймешь, что математик из тебя никудышный.

— А меня что ждет? — лез очередной любитель предсказаний, Стас Федоров.

— Тебя ждет великая слава. В городе Уфе сейчас подрастает девочка, похожая на тебя, как две капли воды. Она станет популярной звездой, а ты прославишься, как ее двойник.

Класс заржал, а будущая знаменитость встала на голову и задрыгала в воздухе ногами:

— Вот здорово! Был Стасом, стану Анастасией! Но учтите, уроды, ни за кого из вас я замуж не пойду!

— А я? А я? — завопили остальные и не заметили, как за их спинами появилась Ирина Васильевна, учительница биологии, и насмешливо уставилась на класс поверх очков.

— И что же, Боримэ, ты все про всех знаешь? Ну-ка, ну-ка, а что же ждет меня?

— Вы? — Боримэ обреченно вздохнул. — Вы очень скоро осуществите свою самую заветную мечту, станете матерью величайшего музыканта. В вас влюбится ученик десятого класса, и вы от него забеременеете. И хотя на этом ваша школьная карьера закончится, через восемь месяцев вы родите гениального ребенка и правильно его воспитаете.

Школьники смущенно замялись и закашляли, глотая смех, а Ирина Васильевна не на шутку обиделась:

— Ну, об этом мы с тобой после уроков поговорим! — и гаркнула, разметая учеников по местам. — А вы почему столпились, как на ярмарке? Звонок не для вас прозвенел? Итак, на прошлой неделе вы проходили строение цветка, и на дом вам был задан пятьдесят шестой параграф учебника. Стуков, пожалуйста, к доске...

Стуков к уроку был не готов. Он мялся за спиной Ирины Васильевны, беспомощно крутил в руках указку и послушно повторял подсказки. Но учительница ничего не замечала. Она рассеянно рисовала на полях конспекта стаи длинношеих двоек и не могла избавиться от суеверного страха. Неужели бывают такие совпадения? И этот коротышка, ткнув наугад, вытащил на свет божий то, что она сама постаралась закопать в себе поглубже? Или он все заранее знал? Да нет, знать не мог. Да и откуда ему было знать, что она, замордованная жизнью учительница биологии, является последним отпрыском когда-то известного рода Львовых, давшего миру ряд ярких музыкантов и одного великого композитора. Все ее тетушки и бабушки прекрасно пели романсы, музицировали и рожали музыкально одаренных детишек. И она единственная оказалась полным бездарем, отягощенным, к тому же, с двадцати трех лет диагнозом «бездетность».

Потому Ирина Васильевна рассеянно выслушала мычания Стукова, так же рассеянно вывела в его дневнике двойку и задала классу самостоятельную работу. А после урока попросила Боримэ задержаться.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила она, закрыв на ключ дверь.

— Это несложно, — обреченно вздохнул Боримэ. — Вам сейчас тридцать девять лет и три месяца. Каждый день вы проходите от дома до работы три тысячи сорок шагов, плюс-минус шесть. Живете на седьмом этаже дома номер одиннадцать.

Родились, когда вашим родителям было по двадцать восемь лет, и выросли в этом городе. Если вычислить коэффициент соотношения ваших данных, то можно ясно увидеть, что...

— Ты мне голову не морочь! Прямо скажи, кто тебе все это рассказал.

Боримэ посмотрел снизу вверх на разъяренную учительницу и снова обреченно вздохнул:

— Никто. Я сам догадался. Ваша фамилия Львова и отчество Васильевна. А Василий Анатольевич Львов — известный композитор. А раз вы работаете учительницей биологии, значит, вас природа талантом обделила. И нетрудно догадаться, что ваши родители больше всего на свете мечтают о музыкально одаренном внуке и этим, скорее всего, прожужжали вам все уши. А то, что вы не замужем ни для кого не секрет. Вот и все.

— Действительно, все просто, — Ирина Васильевна облегченно откинулась на спинку стула. — Хорошо, Боримэ, можешь идти. Но у меня к тебе будет маленькая просьба, ты не рассказывай про меня ничего, ладно?

— Да я бы и так не рассказывал, если бы вы сами не попросили.

«И все-таки что-то в этом во всем странное», — думала Ирина Васильевна, глядя, как шестилетний шестиклассник тащит к выходу тяжеленный портфель. И только когда прозвенел очередной звонок и пустой кабинет наполнился басовитыми старшеклассниками, она поняла — что. С последней парты ее поедал влюбленными глазами переросток Почивалов. Она почувствовала, как гулко стукнуло сердце, и шагнула навстречу судьбе.

— Начнем с проверки домашнего задания. Почивалов, нечего сверлить меня взглядом, давай к доске...

А шестой «А», растревоженный предсказаниями, погудел с неделю и успокоился. И только Марат Краснов сопоставил болтовню Боримэ с внезапным увольнением посреди учебной четверти учительницы биологии. Он долго удерживался от вопросов, боясь показаться смешным, но спустя месяц не выдержал и догнал новичка после школы.

— И все-таки, скажи, откуда ты все знаешь? — спросил он, приноравливаясь к мелким шагам Боримэ.

Боримэ глянул сперва настороженно, а потом ответил просто:

— У нас это наследственное. Бабушка и мама тоже все про всех знают.

— А почему?

— Потому что мы не совсем люди.

— Это как, не совсем люди?

— Очень просто. Думаешь, это у меня и правда запасные мозги? — Боримэ ткнул себя в макушку.

— Если честно, никогда так не думал.

— Ну, видишь. Самые настоящие рога. Мне еще повезло, у бабушки хвост семьдесят два сантиметра длиной.

— А не врешь?

— Можешь у нее сам спросить. Правда, сто процентов, что она отпираться будет. А пойдем, я тебе его сам покажу.

Марат почувствовал себя глупо, когда, едва переступив порог своей квартиры, Боримэ зашептал ему в ухо:

— Постой-ка тут. Сейчас мы на бабушку ловушку сделаем.

Он прошелся по коридору, отсчитывая шаги, нашел какое-то одному ему приметное место и аккуратно поставил там свои ботинки. Затем прошмыгнул по коридору еще раз и передвинул тумбочку с телефоном так, чтобы край ее немного выступал. А затем громко хлопнул входной дверью и крикнул:

— Ба, я пришел!

Из комнаты вышла бабушка и близоруко прищурилась на Марата.

— Это Марат, — затараторил Боримэ. — Мы с ним в одном классе учимся. Он мне с ботаникой обещал помочь. Проходи, Марат. Ой, бабуль, у меня на пальто вешалка оторвалась. Смотри.

— Опять, — всплеснула руками бабушка. — Ну, давай пришью.

Бабушка сделала несколько шагов по коридору, споткнулась о ботинки и, потеряв равновесие, рухнула на пол, зацепившись подолом за край тумбочки. Марат почувствовал, как под его ногами перевернулся мир и повис Антарктидой кверху — в оборках бабушкиной нижней юбки нервно подрагивал длинный голый хвост, завязанный посередине узлом.

— Так это правда? Вы не люди? — увиденное никак не укладывалось в голове Марата в привычную схему.

— Увы! — насмешливо развел руками Боримэ. — Мы — потомки Сатиров. Хотя как нас только не называли. Сперва богами,

потом чертями. Долгая это история. Бабушка может много на эту тему рассказать, но не станет. Она еще со времен инквизиции собственной тени боится. Хотя, по ее же утверждению, святая инквизиция за все годы своего существования не поймала ни одной ведьмы, а простых людей покрошила кучу.

— А сколько твоей бабушке лет?

— Восемьсот тридцать два. Для нас не возраст.

— И много таких, как вы?

— Много. В основном очень известные люди. Раджи, шейхи, миллионеры и ученые.

Марат невольно окинул взглядом убогую обстановку комнаты, и Боримэ предугадал очередной вопрос.

— Мы так живем, потому что бабушка так решила. Она считает, что, живя в России, лучше не высовываться.

— Так вы никому ничего не рассказываете?

— Нет, конечно. Много-много лет никому ничего.

— А мне ты почему все рассказал?

— Сколько у тебя пуговиц на пиджаке? — неожиданно спросил Боримэ.

— Пять, — пересчитал Марат. — Одна оторвалась.

— Вот видишь, пять. А у всех шесть. Почему?

— У меня всегда пуговицы отрываются. Мама раньше каждое утро пришивала, а вечером опять одной да не хватало. Она уже устала со мной бороться. И когда я их умудряюсь оторвать, сам не знаю. А что?

— Вот потому, что у тебя вечно не хватает одной пуговицы, ты никому ничего не скажешь.

Марат так и не понял, как количество пуговиц соотносится с его благонадежностью, но он и правда никогда никому ничего не рассказал. Хотя после того дня бывал в доме Степановых почти каждый вечер. Болтал с Боримэ об истории и философии или же, разматывая пряжу, слушал бабушкины сказки о замках и драконах, колдунах и инквизиторах, рыцарях и принцессах. Очень сложно было носить в себе такой багаж, не трепануть пацанам во дворе, что знаком с настоящим чертом, и не пытаться поправить учителя истории, ссылаясь на показания очевидцев событий. Но Марат молчал и тогда, и двадцать пять лет спустя.

— Эй, Марат-автомат, как дела? Как жизнь продвигается?

Марат напрягся. Его одноклассник Коля Сафонов служил неизвестно в каких войсках в чине генерал-майора и

появлялся только тогда, когда у Марата назревали какие-либо ключевые моменты биографии.

— Слыхал, — гудела трубка радостным сафоновским басом. — Манька-то наша сейчас в Арабских Эмиратах проживает! Я и не знал ничего. Вчера Светку Смирнову встретил, она мне все и рассказала. Чудеса, ей-богу! Поехала на конференцию в Швецию и там подцепила себе шейха! Говорят, шейх велел к ее приезду во дворце покрыть все унитазы золотом, чтобы дражайшая супруга, даже справляя нужду, чувствовала себя, как на троне.

Сафонов заржал, а Марат вяло изобразил удивление. Впрочем, напрасно старался, Колька на его попытку поддержать беседу никак не отреагировал.

— А у тебя-то как дела? — вопил он. — Ты так и не ответил. Все хомячков уничтожаешь? Ну-ну... Ты с ними поосторожнее, а то они потеряют страх и дадут тебе, душегубу, жару!

Сафонов снова заржал, а у Марата все внутри сжалось. Откуда Сафонов все знает? Ведь сам Марат о своей работе даже дома никому не рассказывает, а документацию хранит там, куда и тараканы не забираются.

— Я по делу к тебе, слюшай! — продолжал дурачиться Сафонов. — Через две недели встреча одноклассников у нас организовывается, вот я всех, кроме Маньки, и обзваниваю. Она-то, понятное дело, по такому неважнецкому поводу с золотого толчка не слезет. Последним в моем списке ты остался. Ну и вундеркинда нашего было бы невредно разыскать, хоть он выпускником и не стал. Веришь, впервые служебное положение в личных целях использую. Тебя наши орлы быстро нашли, а вот Степанов пропал, как в воду канул. Его семья со старой квартиры переехала, а куда — неизвестно. В их жилконторе десять лет назад пожар случился, весь архив сгорел. Ты, часом, не знаешь, куда он деться мог? Вы, вроде, с ним корешились?

Марат сглотнул и постарался вложить в свой ответ как можно больше убежденности:

— Нет, не знаю. С тех пор, как он в другую школу перевелся, я его всего один раз видел. На улице случайно столкнулись.

— Это когда было?

— Дай подумать... В восемьдесят девятом. Точно, тогда. Мне как раз весенний призыв светил.

— А на какой улице встретились, — теперь разговор напоминал скорее допрос, Сафонов уже не пытался скрыть звеневшие в его голосе профессиональные нотки.

— На Думской. Напротив булочной. Он за хлебом шел.

— Что-нибудь о себе рассказывал?

— Ага. Сказал, что жениться собирается, а невеста в Москве живет. Еще сказал, что там и осядет. Да мы совсем немного поговорили. Я спешил очень, и он был не в настроении о себе рассказывать. Так, перекинулись парой фраз и разбежались.

— В Москву, значит... Понятно. Ну, прям не знаю, смогу ли я его в Москве за оставшиеся две недели отыскать. Может, и не успею. Ну а ты приходи обязательно! Без тебя, гордости нашего выпуска, вся встреча коту под хвост пойдет. Адрес записывай...

Марат механически записал адрес и повесил трубку. «Дырку ты от бублика получишь, а не Шарапова! — со злой радостью подумал он. — Можешь меня на изнанку вывернуть, но ничего я тебе не скажу, товарищ сексот. Ищи теперь со своими орлами Боримэшку хоть по всей России. Только искать-то вы будете среди тридцатипятилетних!»

Он действительно видел Боримэ последний раз в восемьдесят девятом. Столкнулся с ним на улице и глазам своим не поверил. Боримэ с момента их последней встречи нисколько не изменился: как был ростом с шестилетнего ребенка, так и остался. И в булочную шел так, словно его мама за хлебом послала: зажав в кулаке мелочь и волоча по земле длиннющую авоську. Поговорили они и правда недолго, но после этого разговора осталось на душе у Марата мутное пятно, как на сетчатке глаз, когда смотришь на фотовспышку. Оттого, что, глядя на неизменившегося Боримэ, Марат снова почувствовал, как его логичный и стройный мир снова начинает поворачиваться вверх осями.

А вчера (вот ведь совпадения!) Боримэ позвонил в лабораторию. Марат сперва подумал, что это жена, и испугался, не случилось ли чего дома. Она никогда не звонит по пустякам. А услышав в трубке детский голос, сразу же понял, кто еще мог вспомнить о нем среди ночи.

— Привет, Марат.

— Привет, Боримэ.

— Ты все ищешь?

— Почти нашел...

— А скажи, сколько сейчас в твоей лаборатории кроликов?

— Восемь.

— А хомяков?

— Шестнадцать хомяков и еще пять крыс.

— А сколько пуговиц на твоем халате?

Марат посчитал:

— Шесть.

— Все на месте?

— Все на месте. У меня уже давно не отрываются пуговицы, Боримэ. Жена крепко пришивает.

— А на прошлой неделе ты ничего не терял?

— Действительно, терял, — Марат, как и в детстве, нисколько не удивился странному вопросу. — Ключи от квартиры посеял. Ох, и всыпала мне Надька!

— Я очень рад за тебя, Марат, — Боримэ вздохнул с облегчением. — Ты все сделаешь правильно. И не грусти, что жизнь, как тебе кажется, прожита зря. На таких, как ты, земля держится.

Марат слушал короткие гудки и чувствовал, как снова наползает на него со всех сторон душевная муть. Ну, уж нет! Его жизнь не прожита зря! Ему ли этого не знать? Он в двух шагах от великого открытия. Он станет знаменит, и Надя больше не будет плакать по ночам и раздраженно хлопать обшарпанной дверью, уходя на работу. И никогда больше теща не станет шипеть за спиной: «Неудачник», а молоденькие лаборантки хихикать над его замотанными изолентой очками. Он, Марат Краснов, избавит людей от ночных кошмаров и страха перед будущим. И все же... Почему невзрослеющий ребенок спешит его утешить? Неужели он все-таки это сделает...

Марат закрыл глаза руками. А впрочем, он всегда в глубине души знал, что сделает. И пластиковая канистра с керосином была забыта в кабинете не случайно. Он усмехнулся, вспомнив, как пилила его за эту канистру Надежда, вынужденная целых две недели на даче варить суп в электрочайнике. Она звонила, напоминала, грозила разводом, а он все равно, торопясь на последнюю электричку, хватал портфель, торопливо переобувался и выбегал из лаборатории, забыв злополучную канистру под столом. И смутно догадывался, отчего забывал. Догадывался, но дальше и думать боялся. Тогда боялся. Сейчас, после звонка Сафонова, он понял, что бояться нужно совсем не этого.

Марат решительно отодвинул стол и достал из-за стенной панели папку. Вот она, золотая мечта, стоившая ему двадцати лет работы и разрушенной семейной жизни. Мечта, почти

ставшая реальностью. А может, самая главная прелесть мечты в том, что она недостижима?

Он чиркнул спичкой и поджег первый лист. Бумага скорчилась, как от боли, и жадная чернота начала пожирать торопливые строчки. Марат потянулся за очередным листком, зацепился халатом за край стола и — хрясь! — нижняя пуговица со стуком отскочила на пол, разорвав ткань. Марат несколько секунд недоуменно смотрел на дырку, а потом начал торопливо кидать в раковину исписанную бумагу уже не по листочку, а плотными пачками, щедро поливая пламя керосином.

Красные отблески плясали по белому кафелю, превращая унылую лабораторию в замок волшебника из сказок Боримэшкиной бабушки. Только Марат был в этом замке не волшебником, как ему казалось раньше, и не рыцарем, а лысеющим мужчиной под сорок, угробившим свою жизнь на глупую затею.

— Прости меня, Надюша, — прошептал сам себе Марат. — Но ты все-таки вышла замуж за неудачника.

А когда Марат сидел на полу возле раковины, наполненной почти до краев черным пеплом, и думал о самоубийстве, телефон задребезжал снова.

— Марат? Мне показалось, тебе сейчас очень нужно, чтобы я позвонил.

— Я все уничтожил, Боримэ...

— Я знаю, — Боримэ помолчал. — Прости, Марат, любые слова сейчас были бы банальностью. Давай просто поболтаем, как в детстве. И я опять отвечу на все твои вопросы, хочешь?

— Да, — Марат почувствовал, как слезы встали комом в горле. Он отбросил ложный стыд и сказал то, что и хотел сказать: — Мне очень не хватало тебя, Боримэ. Все это время мне совершенно не с кем было поделиться ни радостью, ни тоской... Я столько раз ждал тебя возле той булочной. Все надеялся, что ты снова выйдешь из-за угла с авоськой в руках, посмотришь на меня, как и раньше, снизу вверх и все-все сразу поймешь. Посчитаешь пуговицы на моем пальто и скажешь: «Ты все делаешь правильно, Марат...» или «Ну, какого черта тебе там нужно, Марат...» Но ты пропал. Купил тогда свой хлеб и исчез на целых двадцать лет. А я и сейчас прихожу к этой булочной...

— Там теперь кафе.

— Да, я знаю. Кафе с зелеными столиками и Мартовским зайцем на вывеске. Все меняется. Все, кроме тебя.

— Я тоже меняюсь, Марат. У меня выпал первый зуб. Это значит, что я стал на год старше.

— Значит, тебе уже шесть лет? Чем ты занимаешься? Учишься? Работаешь?

— Что ты! Мне же всего шесть лет. В детский сад хожу и морочу головы воспитательницам.

— Бедный Боримэ! Старый мудрец в теле ребенка...

— Это ничего, Марат, — Буримэ горько усмехнулся. — Лет через двести смогу поступить в университет.

— Бедный Боримэ! Вечный мудрец, которого никто не воспринимает всерьез.

— Да, нет. Кое-кто воспринимает. Потому я и вынужден прятаться. Потому и исчез из твоей жизни на двадцать лет.

— И снова пропадешь?

— Ты прости меня, Марат...

Марат услышал, как задрожал голос Боримэ — эмоции шестилетнего ребенка и потери взрослого человека, — и постарался перевести разговор:

— Как бабушка, Боримэ? Не болеет?

— Да нет, что ты! Увлеклась восточной философией и укатила в Китай дзен-буддизм изучать. Представляешь, там она нашла практическое применение своему хвосту! Делает им такие подсечки, что все китайцы восхищенно чокают языками. Кстати! Наша бабуля немного оттаяла от своего векового страха и хочет публиковать мемуары. Но не сама, она по-прежнему предпочитает не высовываться, а так, чтобы кто-то с ее слов записал и под своей фамилией выпустил. Слушай, ты же с ней общался. Наверняка ее россказни помнишь. Ведь помнишь? Может, возьмешься, а? А если чего приврешь, она возражать не станет. Так как, Марат? Соглашайся! У тебя получится, я это уже посчитал.

Марат улыбнулся.

— А что? И правда, чем не идея? Напишу! Договорились! — он помолчал. — Скажи все-таки, если бы мы с тобой не встретились, если бы ты тогда меня не предупредил, и если бы я тебе не поверил, ведь все сейчас было бы иначе. И я бы даже не догадывался, что совершил непоправимую ошибку. Так?

— Так. Как колесико, отвалившееся от тележки.

— Колесико... А сколько еще таких колесиков, Боримэ?

— Много, Марат. Вот поэтому мне еще сто лет в детский сад ходить...

Марат придвинул к себе стопку писчей бумаги. Еще вчера он брал из этой стопки листы и записывал, как отреагировал организм черного кролика на очередную дозу препарата. А сейчас он задумчиво вывел название: «Истинная история Нострадамуса». Нет, лучше так: «Нострадамус — человек, не подвластный времени». Черт! Слишком пафосно. К тому же никакой он не человек. Марат зачеркнул написанное и вывел: «Нострадамус — кто он?» Присмотрелся. «Это он! Это он! Ленинградский почтальон! Да, фигня какая-то!» Марат рассерженно скомкал лист, швырнул его в корзину и взял из пачки еще один. «Потом название придумаю, а сейчас начну так: "Где-то по улицам незнакомого мне города ходит задумчивый господин в неброском, но элегантном костюме. Каждое утро он заходит в кондитерскую, находящуюся неподалеку от его дома, покупает чашечку кофе и садится за столик, разложив перед собой свежую газету. И никто вокруг не догадывается, что этот человек знаменитый философ и ученый Нострадамус..."»

МИХАИЛ «ЗИПА» ЗИПУНОВ

Каменный гость

Рассказ

И звезды сильней заблистали,
И кровь ускоряет свой бег,
И смотрит с улыбкою Сталин —
Советский простой человек.

В. Лебедев-Кумач.
«Советский простой человек», 1937

Да какой же я террорист? Побойтесь Бога! Я абсолютно законопослушный гражданин... Нет, ну конечно, мелкие грешки были... Не без этого. Но вот так сразу — террорист, это вы зря. И вообще все мои действия стоило бы квалифицировать исключительно как самооборону. Да-да, по сути это все — чистейшая самооборона. Хотя я понимаю, что формально доказать это ни один адвокат не сможет. Эх... Что уж тут поделаешь... Все равно другого выхода не было. И если отмотать все на неделю назад — сделал бы это снова.

Хотите знать — почему? Оно вам надо? Нет-нет, извините, я не хотел вас оскорбить! Прошу прощения! И в мыслях не было! Просто вы ведь все равно мне не поверите, так к чему переливать из пустого в порожнее? Доказательства у вас есть. Свидетелей — хватает. Да и я же не отпираюсь. Вот разве что с терроризмом — это вы перегнули палку. А так я признаю свою вину.

Мотив нужен? Ну, ладно... Если вы настаиваете... Только имейте в виду — я не сумасшедший. Вот у меня и справка есть... Ага — подготовился. Хотя вот адвокат мне советовал, наоборот, — под шизика косить. Да только я решил, что лучше уж отсидеть свое, чем под шприц подставляться. Я и от армии в дурке не прятался, и сейчас готов за все ответить. Только ни покушение на убийство, ни терроризм вы мне не шейте. Не было этого.

А что было... Ну, как хотите. Хотите слушать — я расскажу.

Простите, а вон там в углу сидит, это кто? Темно, не вижу лица... Да нет, я не стесняюсь, мне скрывать нечего.

Все началось чуть больше трех лет назад. Я работал в рекламном агентстве. Зарабатывал прилично. Семью обеспечивал. Все как у людей. Да чего там прибедняться — жили вполне зажиточно. Жена постоянно в обновках ходила, детей старался сильно не баловать, но так чтоб и не чувствовали себя людьми второго сорта. В общем — жаловаться не буду.

А тут вдруг раз — и запретили рекламу алкоголя и сигарет. И по телевизору, и наружку. Ну, конечно, выкручивались. Не сигареты рекламируем, а торговые марки. Да только клиенту одному захотелось креатива. А мне что? Да за хорошие деньги я такой креатив сварганю!

Вот и памятник этот... Вот вы говорите — терроризм, а между прочим памятник этот — моя идея! Стал бы я без причины свое детище гробить!

В общем, решили мы вместо билбордов с рекламой сигарет поставить памятник этот. Заказчику, по крайней мере, идея по душе пришлась. Тем более бабка у него — на всю голову сталинистка. Да и у самого комсомольской ностальгии — выше крыши. Вот и решил он одним махом и бабке любимой подарок сделать — памятник Иосифу Виссарионовичу в центре города поставить, и себе выгоду поиметь — Сталин-то наш не трубку в руке держал, а пачку сигарет определенной марки. Пачка — будь здоров! Издалека видно — что курят великие!

Кому надо — заплатили, и разрешение горсовета в кармане. Правые, либералье всякое, конечно, пытались возражать, да только у нас все продумано. Аккуратненько так вкинули информацию кому надо — и к открытию памятник был под самой надежной охраной!

Бабки. Нет, не деньги, а натуральные бабки. С портретами Сталина, с флагами красными — все как положено! И попробовал бы кто помешать установке памятника!

Вот вы зря улыбаетесь. И вы там в углу тоже зря посмеиваетесь. Наши бабки-коммунистки — это сила. Да и у вас в столице вы не могли о них не слышать. Постоянно, как Первомай, революция или еще что, наших бабок к вам спецрейсом доставляют и поближе к вождям держат. Если какая заварушка — наши бабки всем зададут. ОМОН нервно курит в

сторонке. Что уже говорить о нашем городе. У нас — им просто нет равных в искусстве рукопашного боя.

А я на полном серьезе! Они своими флагами такой махач устраивают! Началось-то все как — положил один наш бизнесмен глаз на музей Ленина. Помещение на центральной улице — и не торгово-офисный центр. Форменный беспорядок.

Порешал все с документами, собрался въезжать — да не тут-то было. Оперативно бабки с района подтянулись и не пускают. Ну, бизнесмен этот посмотрел на такое дело, развернулся и ушел. А ночью подослал бандюков своих... Ну, вы же знаете, как это делается. Обыкновенная рейдерская атака: кто первым встал — того и тапки. Что может быть проще. Вот и бизнесмен тот думал так же. Бабки, правда, оставили на ночь небольшой заградотряд, вход забаррикадировали, развели во дворе костры, чтобы не заснуть — Интернационал поют под караоке. Ну, бандюки поулыбались да и начали пробираться через черный вход... Не знаю уж, как там все получилось, оступился кто или матернулся — но бабки просекли обходной маневр. В общем, к утру те из бандюков, кто не смог пробраться в музей и теперь лежал в реанимации, совсем не завидовали тем, кто туда успел попасть. Тех, кто оказался внутри, так никогда больше и не видели. Ни живыми, ни мертвыми.

Да и бизнесмен струхнул, когда несколько бабок с красными флагами демонстративно заявились в закрытую гимназию, где его сынок учился. Нет, обошлось без жертв. Да и вообще вели себя бабки вполне пристойно. Прогулялись под окнами да и ушли себе. Вот только со знамен ихних, говорят, кровь капала. А я откуда знаю? Может, и кровь, а может, и кетчуп. А может, и вообще не капало ничего, а воображение у кого-то разыгралось. Не знаю. Знаю только, что бизнесмен этот оставил музей в покое.

А бабки с тех пор стали грозой нашего города. На выселках гопоту приструнили. Директора местной телекомпании убедили включить в прайм-тайм ежедневную передачу «Ленин с нами!». Да мало ли еще чего! У них же никаких моральных принципов, кроме революционной необходимости. А в руках — флаг! Вот как мы в детстве нунчаки себе делали. Так и бабки из подручных средств мастерили вполне пристойное оружие. Они со своими флагами любого ниндзю или брюса ли за пояс заткнут. И не только за пояс. И не только заткнут.

Вы уж мне поверьте. Размахивают красным — внимание отвлекают. А потом древком — между глаз. Или между ног. Или еще куда.

Они и школу боевых искусств в бывшем Дворце пионеров открыли. Учат молодежь за себя постоять. Октябрята там заточенной звездочкой глаз с двадцати метров выбивают, а пионеры галстуком такое делают, что мороз по коже...

Да... отвлекся я немного, извините. Я просто хотел объяснить, что, имея такую поддержку, мы никого не боялись. А кто и попытался заикнуться о нецелесообразности установки памятника, вынужден был брать больничный. Но в целом, хочу сказать, установка памятника прошла достаточно мирно.

Заказчик остался доволен. Все, кто в центре побывал, — сигареты курили только наши! Да, вот что значит — великий вождь! До сих пор люди за ним идут. Не то что нынешние... Кстати о нынешних. Мэр наш тоже от радости большой к нам в офис заглядывал — руки всем жал. Мы ж такую презентацию памятнику устроили! По всем каналам засветились. И по местным, и по центральным. Народ из области потянулся — на памятник посмотреть. Потом из других областей активно ехать стали. Туризм развивался — дай Боже! Уж как бюджет города ни разворовывали, а все равно хватало и на гречку для пенсионеров, и на боевые сто грамм по праздникам для ветеранов. В общем — все довольны.

Всем хорошо, а у меня горе. Жена моя забеременела. Нет, это не горе, конечно! Что вы! Горе было, когда она родила. Не сразу, нет. Поначалу-то я радостный ходил! А то! Сын! До этого ведь одни девчонки, а тут сын наконец-то! Девочки мои красавицы, конечно, но все равно, знаете, бывало, задумывался — неужто ж я последним Люшковым буду! Кому фамилию передать? Кто род Люшковых продолжит? Так что как узнал, что сын у меня, — обрадовался очень. Думаю, ну, что ж, Генрих, вот и передал ты эстафету дальше.

Да только через месяц-другой стал я к мальцу приглядываться повнимательней — не Люшков это, и все! Не мой сын! Я сначала думал было — подменили в роддоме. Жена-то у меня не из гулящих. Всегда доверял ей, как себе. Проверил все. Но тихо так проверил — жена и не знала ничего. Вышел на нужных людей. Заплатил сколько надо. Все без толку. Точнее, с толком, да не с тем. Не подменял никто. А группа крови — не та. Тут уж, как ни доверяй жене, а какие еще варианты?

Но скандал я устраивать не стал. Я вообще человек по натуре тихий, мирный. Решил для начала все точно проверить, а потом цивилизованно развестись. Сказал жене, что в командировку еду, а сам у кума — он напротив живет — остался.

Что? Кум? Нет. Исключено. Мальчонка на кума ни капли не похож. Так вот, значит, сели мы с кумом вечерком, ну, выпили немного. Глядь в окно — пришел, гад! Массивный такой мужик. Подошел к калитке, постоял немного, покурил и — в калитку заходит! Я — во двор быстро. Крадусь к себе, словно вор. Подхожу, в окно спальни заглядываю — а он уже в постели! Я говорил — человек я спокойный. Но тут чуть было не сорвался. Еле удержался. Не захотел дочерей будить. Зачем им знать все это. И слава Богу, что удержался. Смотрю дальше — мужик этот пыхтит вовсю, скачет как на лошади, а жена-то моя и не пошевелится, будто спит. А она у меня — женщина темпераментная. Думаю, странно это. Может, хахаль этот и не хахаль вовсе, а шантажист или еще что — силой жену мою заставил. Ну, думаю, я тебе покажу. Жаль только, что жена сама не сказала мне, что пристает к ней этот красавец, ну ничего, завтра поговорим.

Утром «возвращаюсь я из командировки», а жена на шею бросается — будто и не было ночью у нее никого. И не просто на шею бросается, а видно, что действительно рада моему возвращению. Подождал я, пока дочки в школу уйдут, да и начал разговор. Говорю, не бойся ничего, я все знаю. Мол, надо было сразу мне все рассказать — я бы этому прохвосту задал! Имеются связи. А жена смотрит удивленно, словно не понимает, о чем я. Притворяется, думаю. И как я ни подступался — все отрицает. Ну, думаю, ошибся, значит. Таки действительно шуры-муры у них. Говорю, ну что ж, тогда — развод. Жена плачет, у самого кошки на душе скребутся, а только все равно собираю вещи — и к куму. Говорю, пока документы будем оформлять, можешь жить в нашем доме. А потом — разменяемся.

А вечером у кума опять выпили немного, да и развезло меня. Люблю ведь ее. Все равно люблю! Тряпка, ты, Генрих, думаю, — ноги сами домой несут. Еле дождался, пока кум отключится, и — домой.

Хорошо, что сначала, как и вчера, в окно спальни заглянул. А там — опять этот! Ну, совсем ни стыда, ни совести! Думаю, ладно, сейчас эта гнида из дому выйдет, я тебя за руку

выведу — чтобы в доме не скандалить — покажу красавца этого, что ты мне тогда запоешь!

Еле дождался, пока они там закончат. Взял полено — гада этого вырубить, чтоб не убежал. Стою за деревом, жду.

Выходит. Я уж полено поудобней перехватил, да только так и застыл, как лицо его увидел. Так и простоял за деревом с открытым ртом, пока он мимо проходил. Хорошо еще, что выпили мы с кумом, а не то сердце могло б не выдержать. Как вышел он из двора, так у меня ноги подкосились, и сознание я потерял. Утром жена нашла меня, растормошила, улыбается, говорит, что не злится на меня, что понимает — шепнул кто, а я и вспылил. Смотрю на нее и вижу — ну не притворяется она! Тут только я понял, что она действительно ничего не знает и про визиты ночные даже не догадывается. Да только я же видел — кто к нам приходил! Зажмурюсь, а пред глазами — он. Сталин. Памятник с центральной площади. Идет, не торопясь, и сигарету рекламную курит. Жутко.

А я вам что говорил? Вы справку видели? Я ведь тогда первым делом на обследование побежал. Нет, говорит доктор, все у вас в порядке. А Сталин... ну это вы перетрудились, мол. Бывает. Отдохните, отпуск возьмите — Сталин и перестанет являться.

Конечно, думаю, отпуск! Я — на море лежу, солнцу бока подставляю, а тут этот гад мою жену иметь будет!

Нет, дело не в том, что мы с кумом выпили. Это была вторая моя мысль. Я потом и на трезвую голову засаду устраивал. Все равно приходил, сволочь.

Рассказал жене что к чему — не верит. Хотел уже было заснять все и показать, а потом решил — лучше ей не нервничать. Она ведь к тому моменту уже опять забеременела. Подумал я, подумал. Ну, какой выбор — предъявить доказательства, объяснить все и уехать всей семьей из города? Да только где гарантия, что памятник за нами не увяжется? А главное — у жены травма на всю жизнь обеспечена. Это ж подумать страшно — ты спишь себе спокойно, а в это время тебя истукан каменный обрабатывает. Так что решил я жене ничего не рассказывать.

А только делать что-то было надо. Я когда в центре бывал — к памятнику подходил. Смотрю — а этот гад вроде бы и стоит неподвижно, да только массивней стал, что ли... В плечах раздался. И улыбочка ехидная такая появилась — как у живого!

Думаю, если я его не остановлю, тут одной моей женой дело не кончится. Он же сил набирается! Через год-другой — сойдет с постамента!

Вот сами посудите, господин майор... что? Товарищ? Хорошо, вот вы сами посудите, товарищ майор, — что я должен был делать? И вы, товарищ в углу, что скажете?

Признаю, сначала я смалодушничал. Решил чужими руками беду отвести. Я же тогда все еще в рекламном агентстве работал. Ну и подкинул одному медиа-холдингу идею с газетой. Рекламировать газеты никто, конечно, не запрещал. Но владелец холдинга постоянно копал под сигаретчика нашего. Не знаю уж, что они там не поделили, а только насолить друг другу — первое дело! А как Сталин с сигаретами на площади появился, так газетчик себе покоя и не находил. Открыто конфликтовать не мог — бабки не дремали. Но за возможность утереть нос сталинистам готов был меня расцеловать.

А идея-то на поверхности лежала. Мне и думать много не надо. Так и появился у нас на центральной площади Владимир Ильич. В руке — газета. Не «Искра», конечно, а таблоид местный. Но главное — Ленин в полтора раза выше Сталина! И как раз напротив!

Газетчик кипятком писает от радости, что сделал сигаретчика с его Сталиным. А я тихо улыбаюсь — кто ж еще за Сталиным присмотрит, как не Владимир Ильич! Этот уж точно не даст спуску горячему грузинскому мачо! При таких-то размерах!

Да только рано я радовался. Некоторое время Сталин, правда, действительно у нас не показывался. Только как-то раз возвращаюсь я от кума, смотрю — а возле окон детской спальни стоит кто-то здоровенный! Я за дерево — так и есть! Ульянов, сукин сын! Младшей дочке в окно заглядывает. Улыбается, сволочь.

Ленин детей любил? Ага! Майкл Джексон тоже детей любил! Пускай любит себе на здоровье. Только пусть это будут не мои дети!

Тут уж я медлить не стал. На следующий же день за свои деньги поставил у себя во дворе статую Фанни Каплан.

После этого какое-то время было относительно мирно. Постреливали, правда, вечерами. Зато никакой педофил под окнами дочерей не маячил.

А потом опять Джугашвили стал наведываться. Я, признаюсь, запаниковал. Это что же получается? Если Ленин — да

еще в полтора раза больше Сталина! — не может с Виссарионычем совладать, от кого помощи ждать? Да к тому же стал Ильич сдавать. Народ, все кто на площадь приходят, и не замечали, смеялись, фотографировались с двумя вождями, но я-то внимательно смотрел. Со временем Ильич поусох, что ли. Заболел, видать.

Ну, думаю, если Владимир Ильич не справляется, пора Льву Давидовичу за дело браться. Подкинул я одному магазину спорттоваров идейку. У них там и туристическая снаряга всякая-разная продавалась... Короче, появился у нас на площади третий памятник.

Троцкому.

Честно говоря, не оправдал Лев Давидович моих надежд. Все, на что сподобился, — нацарапать ледорубом на спине у Сталина слово из трех букв. Больше его никто не видел. Дело возбудили о краже памятника. Искали по всей области — без результата. Я б на месте следователя в Мексике поискал, да только что толку? Не справился Троцкий со Сталиным...

А этот ублюдок опять к нам зачастил.

Никита Сергеевич, на деньги нашего аграрного барона, тоже жидковат оказался. Только след от ботинка на памятнике Сталину остался, а самого Хрущева — след и простыл. Видать, не получилось что-то с кузькиной матерью...

Я уже начал с нацистами нашими наводить контакты, да вовремя остановился. Гитлер и тогда плохо кончил. А если б сейчас и завалил Сталина, так ведь хрен редьки не слаще.

Ну, вот сами скажите — что мне оставалось делать? Махно? А если б ему Сталин Крым пообещал? Не заключил бы батька с ним временный союз? Поймите, я больше не мог рисковать — жена опять забеременела.

Конечно же, все это время я пробовал решить проблему и простыми физическими средствами. Да что я мог поделать? Бита бейсбольная — в щепки, пули отскакивают. Ночью он — неуязвим.

В общем, сами видите — выбор не богат. Достал я динамит. Наклофелинил бабок, охранявших памятник. Увез их с площади, кстати, чтобы не пострадали случайно, а вы говорите — «покушение на убийство»!

Ну и рванул.

А потом к вам пришел.

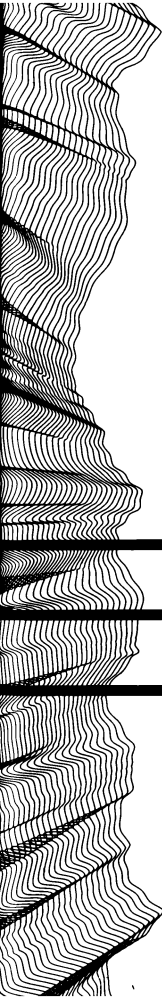
Мне теперь одна дорога — в тюрьму. На свободе мне все равно не жить — бабки достанут. Семью за границу отправил.

Так что за них я спокоен. А я... ну что ж... так мне и надо. Я его породил, я его и взорвал...

Товарищ майор! Почему расстрел?! Это же только памятник! Люди ведь не пострадали! А суд? Кто приказал? Что? Сталин? Иосиф Виссарионович? Он же умер! Нет, я, конечно, понимаю, что живее всех живых, но... Товарищ майор! Вы же пошутили, да? Но зачем такие жестокие шутки? Я же чистосердечно во всем признался!

А вы там в углу, ну вы-то скажите хоть слово! ААА!!! Нет! Тот же умер! А этого я взорвал! Почему ты здесь сидишь и куришь?!!

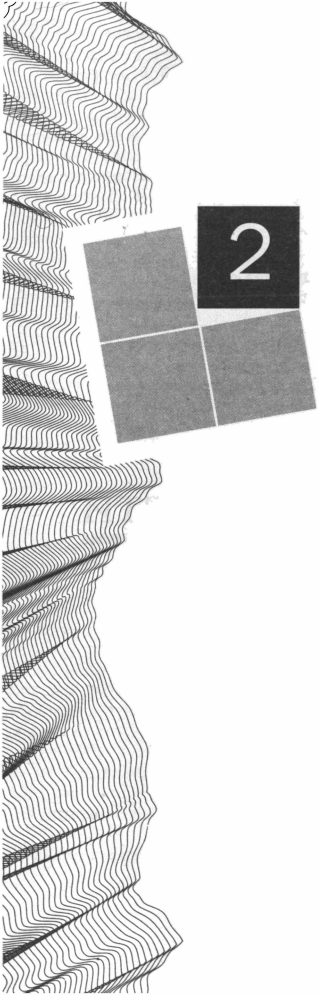
Товарищ майор! Не оставляйте меня с ним! Да, я террорист! Я покушался на жизнь товарища Сталина! Я все подпишу! Только семью не трогайте!!! Спасибо товарищу Сталину за...



Личности

Идеи

Мысли


2

АНДРЕЙ ИЗМАЙЛОВ

Гриф: грифоны

Дело Глянцера-Глянца

Я за мистику, но нашу,
советскую мистику!
Борис Зеленский, Малеевка-1983

Сразу к делу!

Санкт-Петербург.

Глубокая осень — 22 ноября 1897 года.

Мокрый снег.

На крыше одного из домов по Седьмой линии Васильевского острова — труп молодого мужчины. Обнаружил дворник Гибат (Акмалов) — при очистке кровли от снега.

Прежде всего, обращал на себя внимание характер ранений. Тело фактически истерзано — колюще-режущими орудиями неустановленного образца.

Еще одна и не последняя странность — *изначально* чердачный выход на крышу был заперт изнутри, а замок — без следов взлома. См. показания дворника Гибата (Акмалова).

Спускали труп на веревках в импровизированной люльке.

Дело расследовал сыщик Михаил Михайлович Худяков, ученик самого Ивана Дмитриевича Путилина, первого начальника Санкт-Петербургского сыскного отделения. И — лучший ученик!

Версия?

Ритуальное убийство какой-либо изуверской сектой. Включая социалистов.

Ограбление. С последующими увечьями — для сокрытия мотива.

Злодеи — чердачники-домушники, убравшие случайного свидетеля.

Да, но почему на крыше?!

Судебно-медицинская экспертиза зафиксировала у жертвы, помимо жутких ран, многочисленные внутренние переломы костей. Как если бы человек расшибся, упав с большой высоты. Но тело и так найдено на крыше. Не с неба же свалилось! Версия оплошного выпадения из случайного аэроплана — ниже всякой критики. В конце XIX века летательные аппараты уже существовали, но как диковина.

Значит, предположил сыщик Худяков, человек мог попасть на крышу дома только с еще более высокого строения. Сорвавшись. Или будучи сброшен.

Единственное строение, которое возвышается над крышами окрестных домов, — так называемая Башня Грифонов во дворе аптеки доктора Пеля и сыновей. Седьмая линия Васильевского острова, 16. Высота — примерно одиннадцать метров, в диаметре — около двух метров. «Крыша» башни — нехитрая, жестяная.

Сыщик Худяков рассчитал возможную траекторию падения с Башни Грифонов. Проверил теорию практикой. И — оказался прав. На жестяной крыше обнаружились следы крови и фрагменты кожи, принадлежащие убитому.

Первое предположение (очевидное!): человек просто поскользнулся на скользкой жести и сорвался вниз, а раны объясняются тщетными попытками зацепиться за острые края.

Другое дело, какого черта он туда забирался?

И третье дело, что следы — не по краю башни, а ближе к середине. Красное (кровь) на белом (снег) — весьма наглядно. Да и ладони жертвы не изрезаны. Характер увечий, скорее, отсылал к древним грекам: хрестоматийный орел, терзавший прикованного к скале Прометея.

Мистика…

Сыщик Худяков мистику отрицал *в принципе* (все-таки лучший ученик самого Ивана Дмитриевича Путилина). Тогда что?! Здравое объяснение?! Хоть самое завалящее, но здравое! Сама мысль о том, что жертва буквально исклевана гигантскими (судя по величине и глубине ран) птицами, претит. Repete: мистику отрицал *в принципе*.

Однако не только многоопытный сыщик, но и заядлый охотник насмотрелся на своем веку всяких ран и способен отличить «огнестрел» и удар ножом от повреждений, нанесенных хищником — и четвероногим, и пернатым.

Подобные повреждения могли быть нанесены, пожалуй, только клювом и когтями весьма крупного пернатого. Причем

не одного, судя по множественности и разнокалиберности повреждений.

Факты — упрямая вещь.

Разве ж то факты?!

Во всяком случае, не бред сивой кобылы. Ибо секретным циркуляром предписано: *«...впредь считать слухи источником важной информации»*.

Слухами о Башне Грифонов издавна полнился не только Васильевский остров, но и весь Санкт-Петербург. Собственно, слух: *Башня* во внутреннем дворике аптеки «Товарищество Профессора Доктора Пеля и Сыновей» потому и *Грифонов*, что...

Основатель известнейшей аптекарской династии Вильгельм Эрденфрид Пель был всерьез увлечен алхимией. Пристрастие, вероятно, с генами передалось по наследству и сыну, и внуку. Алхимия алхимией, но... надо полагать, еще и генетика? По легенде, именно профессор доктор Пель *вывел* грифонов — для... Подробности потом! И завещал сыновьям: плодите и размножайте!

А что ж их никто не видел?! То есть грифонов, а не сыновей.

То-то и оно! Невидимые грифоны! Жуткие! Хоть и невидимые, но тень отбрасывают — страхолюдную. Да и окна соседних домов то и дело их отражают — когда в полночь они слетаются в свое «гнездо», в башню. Хоть у кого из жильцов-жиличек спросите!

* * *

Грифоны, значит. Мифические существа с телом льва и головой хищной птицы.

В любой легенде, конечно, море вымысла, но любая легенда зарождается на островке правды.

Драконов *не бывает* — но динозавры *были*.

Чуда-юда *не бывает* — но рыба-кит *есть*.

Снежного человека *не бывает* — но следов *не счесть*.

Аналогично — с грифонами. Мифические, но и возможные реальные существа.

Согласно *бестиарию*, сверхъестественные существа (звери) делятся на «добрых» и «злых».

Грифона чаще относят к последним, хотя многие наделяли его и положительными качествами.

Грифон — символ знания, поскольку ему известно, где отыскать золото.

Грифон — олицетворение силы, ярости, беспощадности.

Грифон — прежде всего, великолепный *страж*.

Различным частям его тела приписывались чудодейственные свойства.

По преданию, кубок, сделанный из когтя грифона, меняет цвет, если в нем окажется яд. *(Изрядно полезная штука для аптекаря!)*

Получить такой коготь непросто — в качестве награды человеку, излечившему грифона от тяжкой хвори. (*Кому же лечить, как не аптекарю!*)

Утверждали, что слепые прозревают, если поводить пером грифона по их глазам. А в ранних германских книгах по медицине упоминается: если грифон положит голову на грудь женщине, страдающей бесплодием, она излечится от недуга. *(Снова аптека!)*

* * *

Впрочем, доморощенные василеостровские грифоны вероятны как просто видения, вызванные испарениями (из башни), и пр. Северное сияние, рефракция, оптические обманы.

Или...

Да нет! Хотя...

Да ну, ей-богу!

Сыщик Худяков попробовал искать разгадку в личности жертвы.

Выяснилось: несчастный молодой человек — некий Донат Глянц. Прибыл в Санкт-Петербург полтора года назад из захудалой провинции, уездного городка Раквере (ныне — Эстония, входившая тогда в состав Российской империи).

Донат Глянц нанимается в «Товарищество Профессора Доктора Пеля и Сыновей» простым учеником, *на подхвате*. (Ныне бы сказали: гастарбайтер.) Но перспективы воодушевляют. На фасаде красуется табличка: «Поставщик Двора Его Императорского Величества». А то!

К концу XIX века в аптеке доктора Пеля — более семидесяти человек. В столь многочисленном и разнообразном сообществе пришлый Глянц не затерялся. Прилежно совершенствуется по части провизорства и фармацевтики, ходит чуть ли не в любимчиках у самого Александра Васильевича, внука основателя династии Пелей. Хозяину аптеки весьма импонирует не просто старательность юного лифляндца, но и пытливость, готовность к поглощению новых и новых знаний.

Провинциал жадно вслушивается в ученые беседы Александра Васильевича Пеля с... Дмитрием Ивановичем Менделеевым.

Да, *тот самый* автор знаменитой *таблицы* (и *водки*!), знаменитый химик имел обыкновение иногда заглядывать к знаменитому аптекарю. Отнюдь не за микстурами, а просто пообщаться. О чем они говорили конкретно? Бог весть. Спросить бы о том у злополучного Доната Глянца, но… Мертвые молчат.

Сыщик Худяков, в свою очередь, имел несколько бесед с Александром Васильевичем Пелем. Просто по долгу службы. Все-таки тот был работодателем покойного и в некотором роде свидетелем. Кроме того, профессор Пель — автор нескольких научных трудов и по вопросам *судебной* химии. Не подскажет ли профессор своему отчасти коллеге что-нибудь по поводу случившегося инцидента? Какие-нибудь соображения?

Нет, у Александра Васильевича — никаких соображений, он искренне расстроен и подавлен. Юный Донат подавал большие надежды… И с какого перепугу его понесло на башню? Тем более в такую непогоду!

О чем еще поспрошать почтенного владельца аптеки сыщику-профессионалу? Не о грифонах же! Тем более невидимых!

Наудачу и проформы для сыщик Худяков отправил депешу в Ревель (ныне Таллин), запрос… А параллельно поднял архивы по домостроению и домовладению уже в Санкт-Петербурге. Тут обнаружилось любопытное…

* * *

Как таковая аптека на углу Седьмой линии и Большого проспекта существует с 1820 года.

И первый ее хозяин — некто… аптекарь Глянцер (Гленцер).

По тогдашним упорным слухам, он в своих лабораториях занимался не столько фармацевтикой, сколько изыскивал секрет пресловутого философского камня (*магистериума*). Пытался (ныне бы выразились) *синтезировать* его. То есть, по сути, аптекарь Глянцер был не аптекарем, а скорее, алхимиком. Впрочем, тогда одно другому не мешало.

Спустя шесть лет (1826 г.) сей Глянцер неожиданно и спешно покинул Санкт-Петербург. Обосновался на краю империи, в Ревеле, а потом и вовсе перебрался в захолустный Раквере. Ощущение, что просто бежал куда подальше и спрятался.

Слух был: к сему Глянцеру *проявил интерес* аж сам Никодим Грабля, градоначальник *ночного* Санкт-Петербурга. Тогда — конечно, тогда — без вариантов! Куда подальше и спрятаться!

Вопрос, почему Глянцер не обратился в полицию (во избавление от Грабли), риторичен.

Ишь, полиция! В тогдашнем Санкт-Петербурге не только отдельные дома, но и целые кварталы, куда полиция воздерживалась заходить. *Дно*. Вот хотя бы так называемый Стеклянный флигель Вяземской лавры, где, кстати, обосновался вышеупомянутый Никодим Грабля.

Загвоздка не в личной трусости (личном мужестве) блюстителей порядка. Загвоздка в отсутствии *системы*.

* * *

Мелкий шажок в сторону. Чтоб знали. Это ж наша история!

Да, еще в 1782 г. учреждена Управа благочиния с функциями Главной полицмейстерской канцелярии.

Но толку-то!

«Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова по управлению Санкт-Петербургским градоначальством и столичною полицией с 1866 по 1867 гг.»:

«Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляет отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений».

И лишь после этого отчета (гиря до полу дошла!) высочайше утверждено положение Комитета министров о создании санкт-петербургской сыскной полиции, занявшейся предупреждением и пресечением преступлений, используя специальные методы и средства. Центральное место в общей структуре — *стол привода* (прообраз центра оперативно-справочных учетов). Главные обязанности *стола* — сбор и хранение сведений о лицах, ранее судимых, замеченных в предосудительном поведении, подвергавшихся административным взысканиям.

То есть *система* выстроилась и начала действовать лишь спустя сорок лет после того, как Никодим Грабля *проявил интерес* к аптекарю-алхимику Глянцеру.

* * *

Чем был вызван тот *интерес*?

Элементарно! Если аптекарь Глянцер всерьез трудился над созданием *магистериума* и (возможно!) был близок к успешному завершению, то грех *ночному* градоначальнику Грабле не прислушаться к этим слухам…

(Ныне сие выглядело бы как визит стриженых амбалов к бизнесмену: «Братан, делиться надо!». Или просто как рейдерский захват предприятия неуточненными в масках.)

Из двух зол Глянцер благоразумно выбрал третье. Прекратить эксперименты, свернуть производство, законсервировать. И — куда подальше! Спрятаться...

Элементарно! Или, минимум, логично.

* * *

Правда, еще одна версия, не лишенная логики...

Многоизвестный подполковник Муравьев-Апостол (Сергей Иванович) снимал часть именно этого дома под жилье. Само собой, не однажды, но регулярно посещал именно эту аптеку. Чего далеко ходить, когда пучит, лихорадит или ноют старые раны! Все под боком!

А время-то какое страшное! 1826 год! Сергей Иванович Муравьев-Апостол — декабрист. Соглашался с необходимостью физического устранения царя-батюшки. Попал, мягко говоря, в опалу. Казнен, то есть. А все близживущие и ранее с ним общающиеся — ждите *своего* часа. Профилактика...

Глянцер предпочел загодя (до наступления *своего* часа) поспешно съехать и укрыться в глуши Лифляндии.

Версия не хуже любой другой!

* * *

Но сыщику Худякову более согрел сердце вариант с Никодимом Граблей, нежели с Муравьевым-Апостолом.

Сыск вне политики. Если, конечно, то не политический сыск. У Михаила Михайловича Худякова — сыск не политический. Уголовщина — да! Чем глубже копаешь (и докапываешься!), тем пользительней глубокое удовлетворение. Зря ли — ученик самого Ивана Дмитриевича Путилина! «Я сделал это!»

А политика — ну ее! Ненароком копнешь на вершок — тебя же и зароют на все три метра. С почестями. И узнать не узнаешь *за что*! Даром что ученик самого Ивана Дмитриевича Путилина!

И так-то сыщик Худяков совершил почти невозможное! *Дорыл до воды* — при отсутствии (в 1826-м!) системы, при мизере сведений в столе привода о тогдашних татях и жертвах оных...

* * *

Получите:

Донат Глянц — правнук того самого Глянцера (усеченная фамилия). Родился уже в Раквере (что характерно, в старорусской транскрипции — *Раковор*).

Семейные династии — они и в Раковоре семейные династии.

Преданья (семейные!) старины глубокой…

Не мы, так хоть наши внуки (правнуки)…

Из уст в уста…

И вот юный Донат Глянц является в аптеку доктора Пеля — как бы не под своим именем (все же Глянц — не Глянцер). Является спустя семьдесят лет. Чтобы отыскать и присвоить (нет, вернуть!) то, что *осталось* от предка здесь. То есть… философский камень, *магистериум*.

Но! Оказавшись на «пепелище» и втершись в доверие к доктору Пелю, он, юный Донат Глянц, нарвался на стражей-грифонов, которые его и уничтожили.

Заведомый проигрыш бедолаги Доната объясним. Рискнул и «перебрал». Не зная брода… Ранее здесь никогда не был, исходил только из прадедовых рассказов. Не мог заранее знать и про самое существование Башни и, соответственно, про грифонов, выведенных (?) в ней.

После бегства аптекаря Глянцера его бывшая обитель использовалась по-всякому, даже как доходный дом. Разумеется, до подвалов с химическими лабораториями никому дела не было.

Основатель аптекарской династии Пелей стал владельцем всего этого лишь с 1848 года.

Расширение и усовершенствование лабораторий пришлось на долю его сына, Василия Вильгельмовича.

И только при внуке, при Александре Васильевиче, аптека на Седьмой линии приобрела вид, в той или иной степени *современный* — единый фасад в духе северного модерна, с мозаичными вывесками «Т-во Профессора Доктора Пеля и Сыновей».

Он же, Александр Васильевич, еще более расширил химическую лабораторию, оснастив кряжистой кирпичной трубой под жестяной крышей.

Именно это загадочное для простого люда сооружение породило легенды, прочно вошедшие в мифологию Санкт-Петербурга.

А несчастный Донат Глянц волей-неволей стал персонажем одной из этих легенд…

* * *

Triste…

Памяти Михаила Михайловича Худякова.

Да, мистику отрицал *в принципе*. И нашел бы удобоваримое толкование! И насчет каких-то там грифонов, и насчет какого-то там *магистериума*.

Иначе был бы от ворот поворот — с порога! Явись сыщик к вышестоящему начальству... да хоть со спутанным в силках клекочущим пернатым уродом вкупе с мерцающим-радужным камешком за пазухой... От ворот поворот!

Народу не нужны нездоровые сенсации! Народу нужны здоровые сенсации!

Но... Не мистика ли?

Дело (Глянцера-Глянца) до конца не довел. Тем же годом, аккурат под новый (1898-й) год, заядлый охотник Худяков был задран медведем... В дремучих лесах за сто верст от Санкт-Петербурга, окрест селения Калище (нынче г. Сосновый Бор, *атомная* станция)...

Косолапый, поднятый из берлоги сворой, пошел на охотника в полный рост. И — ружье осеклось. И у егеря на подстраховке — осеклось. Вот ведь!

Такая печаль...

Истерзан, говорили, был неимоверно. Помер сразу, от первого удара лапой, — и то благо. Иначе б мучился. Косолапый терзал потом уже *мертвое*.

Характер ранений, правда, *странный*.

И егерь божился, что был трезв, что ружье многажды проверенное, что медведь-то оборотень.

Но это уже ни в какие ворота!

Просто драма на охоте.

Что triste, то triste...

* * *

А дело (Глянцера-Глянца) ушло в архив. (Ныне бы сказали: глухарь, висяк). Эх, был бы жив Михаил Михайлович — он бы!..

Но приходится довольствоваться малым.

Сказки, легенды, тосты...

Различными преданиями аптека Пеля начала обрастать, начиная еще со времен Вильгельма Эрденфрида.

В XVIII веке работника аптеки зачастую именовали «алхимиком» или «алхимистом», что рождало в умах сколько-нибудь образованных горожан ассоциации со средневековыми колдунами.

Удивительно ли, что жители окрестных домов утвердили слух: в *той самой* башне доктор Пель изготавливает слитки дья-

волова золота. Потому-то башня без окон, без дверей — схорониться от чужого любопытного глаза.

Дальше — больше. Мысль народная логично развилась. Если есть золото, кто-то должен его надежно охранять. Да кто ж, если не грифоны?! Только они! Снова про ночные тени, про отражения в окнах... Всякий, кто не робкого десятка, видел! И подтвердит хоть на Страшном Суде!

Что подтвердит?! Ну, ты! Свидетель не робкого десятка! *Ты* видел? Опиши!

Ах-м... Эх-м... И-хм...

И то!

По *бестиарию* — тело льва и голова хищной птицы.

А ежели по мостику по Банковскому, который *они* удерживают... И где *там голова хищной птицы*? Хотя, допустим, *тело льва*.

Или ежели на герб русских царей династии Романовых глянуть — где, между прочим, *он* изображен... Тоже ничего общего с *каноном*!

Или вообще в глубь веков, к замшелому Египту (XVII династия), к фрескам — *он* там и вовсе без крыльев!

Или...

Да что перечислять!

Вот Микены!

Вот Западный портал церкви св. Михаила в Луке (XIII в.)!

Вот печать из Суз (III тыс. до н. э.)!

Найдите семь отличий.

Запросто!

Гм. Сколько очевидцев, столько и свидетельств. Причем взаимоисключающих.

Тут надлежит отдать должное амбивалентным петербуржцам. Вывернулись: а невидимые *они*! Но «многие верят». Каждый в свое представление о... Типичный экзистенциализм, прости господи! Однако вполне убедительно, не так ли?

* * *

Менее правдоподобен слух: дескать, профессор Пель вывел грифонов. Как-то *Франкенштейном* попахивает. Профессор, конечно, был разносторонне талантлив, но генетические опыты над пернатыми... Это вряд ли.

А вот, не угодно ли, вполне приемлемая версия. Грифоны, как и всякие перелетные пернатые, совершали сезонное (осень-весна) путешествие. Откуда и куда — отвлекающий вопрос, уводящий в сторону.

Вероятно, «сбившись с курса» (питерский туман, ненастье, ветра́, скачки́ электромагнитных полей), парочка грифонов оказалась в Санкт-Петербурге. От Финского залива, над которым проходила «трасса», *их снесло* на Васильевский остров. Они, обессиленные, и приземлились — на Башню аптеки Пеля.

Почему именно туда? Во-первых, *башня*. Пернатые, известно, предпочитают садиться на что-нибудь возвышенное и отдельно стоящее. Во-вторых, (см. выше) *ему* (грифону) *известно, где отыскать золото*.

Далее — просто. Профессор Пель и сыновья вы́ходили диковинных «птичек» — аптекари! Наградой же им стал *тот самый* кубок из когтя (опять см. выше). Заодно аптека обрела (и снова см. выше) *великолепных стражей*. Отыскали золото, учуяли? Здесь же и присели? Теперь охранять надобно. Так уж на роду написано…

* * *

Да, но откуда у профессора Пеля золото?! Столько золота, что даже грифоны отреагировали?!

Снова здорово! Сказано же, *магистериум*! Философский камень, сказано! Дознайся до его тайны, и — вперед! Превращай и превращай — свинец в золото, свинец в золото… Наука, однако!

Издавна алхимики окутывали процесс сотворения *магистериума* покровом тайны. Непознаваемое искусство! Действо не только и не столько химического, но и мистического свойства! *Магистериум*, да, превращает металлы в золото. Но он совершает и духовное преображение человека — из земной нечистоты в небесное совершенство.

Те, кто скрупулезно трудился над печами и атанарами, полагали, что *магистериум* может (и должен!) быть создан только при достижении глубокого понимания сокровенных тайн Вселенной. Эти тайны, разумеется, невыразимы простым языком. И не только потому, что их обладателями станут недостойные. Они могут быть переданы только путем символов и аллегорий, а полный объем их смысла доступен лишь благодаря мистическому переживанию.

Да, зачастую алхимия воспринимается как затянувшаяся шарлатанская прелюдия к химии. Но такой взгляд на нее сродни постулату «я не понял, а значит, этого нет».

Характерно, что в России алхимия не получила широкого распространения. К алхимикам не было доверия ни у властей, ни в народе. При аптеках, допустим, существовали алхими-

сты. Похоже, да не то же. По существу, химики-лаборанты — готовили обычные лекарства, получали и очищали различные вещества, смешивали их по указанию аптекаря, принимали участие в анализе и экспертизе («надкушивании») новых лекарств.

* * *

А *магистерцум*, в принципе, вполне возможен. Почему нет?! Во всяком случае, он по сию пору не внесен высоколобыми в «черный список» *невозможного в принципе* — как тот же перпетуум мобиле...

Всего лишь некий мощный катализатор. Для превращения одного вещества в другое достаточно *всего лишь* чуть изменить атомный вес. И тогда свинец превратится в золото! Между ним и золотом в таблице Менделеева — только ртуть.

И... во всех алхимических традициях ртуть играет исключительную роль. При всей ее исключительной ядовитости. Возможно, этот жидкий металл, сверхтоксичный металл и помещен Природой между свинцом и золотом — как своеобразный порог, рубеж, *запретка*: не переступай, опасно для жизни.

Но ведь переступают, пробуют переступить — поколения и поколения алхимиков, жертвуя здоровьем, а то и жизнью.

Да, *пока* задача не решена, но кто скажет, что она не имеет решения?!

Скажет, например, любой учитель химии в средней школе. И будет прав — *по-своему*.

Однако вот ведь знаменитый естествоиспытатель Роджер Бэкон (XIII в.) определял алхимию так:

«Наука, указывающая, как приготовлять и получать некоторое средство (эликсир), которое, брошенное на металл или на несовершенное вещество, делает их совершенными в момент прикосновения».

Да и маршал Франции Жиль де Рэ (XV в.), оболганный историей как Синяя Борода, все свои немалые средства ухнул на *опыты*, овладевая «искусством искусств». (Не потому ли был оболган как Синяя Борода? Завистники, завистники!)

Да и философ-*материалист* Клод Адриан Гельвеций (XVIII в.) лишь до поры относился к алхимии скептически, но потом вдруг — поворот все вдруг!

Может, потому-то вышеперечисленные — знаменитый, маршал, философ. А любой учитель химии — всего лишь любой учитель химии в *средней* школе.

Ну, а если припомнить увлеченные беседы в аптеке между профессором Пелем и *самим* Менделеевым…

Кто поручится, что беседы были не о *магистериуме*? Опять какой-нибудь любой учитель химии в средней школе?

Всяко, потомственного алхимика Александра Васильевича Пеля эта тема весьма занимала, брало за живое. А *сам* Дмитрий Иванович Менделеев вряд ли тратил свое драгоценное время на пустую болтовню с аптекарем — о микстурах, пилюлях, радикальной панацее от запора *(«Смотри! При запоре толстая кишка неподвижна!» Право, какая, прелесть это «смотри»!)*

* * *

Repete: в любой легенде, конечно, море вымысла, но любая легенда зарождается на островке правды.

А ну как просвещенный аптекарь добился-таки своего?! *Создал* вожделенный «катализатор» в недрах Башни Грифонов?! Тем более не на пустом месте начинал — до него, до профессора Пеля, не менее просвещенный аптекарь Глянцер в тех же недрах что-то *химичил*. Да, бросил все и сбежал. Но это самое *все* — «китайская грамота» лишь для пресловутого Никодима Грабли (равно как и для иных *непросвещенных*). А *знающий* приходит и *видит*: «Ого! Вот оно! Только надо немножко развить и подправить — тут и тут, и еще тут… Получилось! Я *сделал* это!»

М-да. Профессор Пель стал бы богатейшим человеком мира — со всеми вытекающими последствиями.

И, казалось бы, очевидное доказательство от противного. Не стал богатейшим из богатейших! Значит, и не было у него никакого *магистериума*!

Но такой вывод годится лишь для обывателя, имя которому легион. Золото — конечная цель. Сказочно разбогател — и чего еще надо?! Бери от жизни всё! Наслаждайся! Жизнь удалась!

Иное дело — настоящий подвижник, ученый, для которого золото — не самоцель, а лишь средство для достижения цели.

Профессор Пель, безусловно, был подлинным подвижником. И, прекрасно зная о сущности подавляющего большинства человечества, надежно спрятал и *превращенное* золото, и, с позволения сказать, *превращатель*.

Ради этого и были выведены грифоны (ладно! прикормлены, приручены!), лучшие стражи, которых знала мировая история.

И они свое дело сделали.

Инцидент с Донатом Глянцем — веское тому подтверждение.

Его пример — другим наука…

* * *

Само собой, даже самые лучшие стражи — не стопроцентная гарантия. Особенно в *эпоху перемен*. Великий Октябрь, все такое... Пьяная матросня, поднятые яростью массы, толпою мы сильны... Тут уж никакие грифоны не...

Потому были предусмотрены и другие «степени защиты». И в частности...

Во дворе аптеки один из флигелей занимал филиал некой проектной организации — уже при Советской власти, в послевоенные годы. Сотрудники филиала *странно* недужили — часто и подолгу. Врачи разводили руками.

Но вот в кои веки наконец-то затеяли ремонт. При сверлении отверстий в перекрытиях на ремонтников пролилось несколько литров металлической ртути!

Возможно, еще в *эпоху перемен* владельцы аптеки до лучших времен так спрятали ртуть? Весьма дорогой и «непортящийся» продукт?

Но тогда бы она хранилась в подходящих емкостях, а не... м-м... «в розлив».

Или жидкий металл в *свое время* просто был случайно разлит, ушел в пустоты, а безответственные управляющие сэкономили на разборке перекрытий?

Тоже нет. *Случайно* пролить декалитры дорогостоящего металла невозможно. Умолчать об этом — невозможно вдвойне.

Да, но ведь откуда-то она, ртуть, взялась?!

Так вот. А что если это — *не ртуть*. Это — *золото*. Именно *то самое*, преобразованное из свинца философским камнем профессора Пеля. Но снабженное хитроумной «защитой от дурака». Стоило злоумышленнику или просто непосвященному наткнуться на *золотой запас* — срабатывал заложенный «предохранитель», реагирующий на постороннее воздействие. Будь то скачок в температуре, в интенсивности света... да мало ли! И «предохранитель», он же *магистериум*, мгновенно реагировал *наоборот*. И пошла реакция — из золота в изначальный свинец. Или в ртуть — как промежуточное звено. И пролилась... (Любой учитель химии в средней школе понуро курит в сторонке. Ну, пусть покурит...)

* * *

Казалось бы, известный жлобский принцип «Так не доставайся же ты никому!» не к лицу почтенному профессору, Александру Васильевичу Пелю. Верно, если на минутку забыть, что, в отличие от многих и многих (есть смысл повториться), золото для него было лишь средством, а не целью.

Средство, но не цель!

Сказано уже: *магистериум* не только и не столько превращал одно вещество в другое, но в корне менял человека как такового, *трансформировал*!

Есть «внешняя алхимия» и есть «внутренняя алхимия».

В алхимических традициях практика получения различных веществ — внешняя алхимия. А трансформация человеческого существа — алхимия внутренняя.

Положа руку на сердце... что есть высшее достижение при трансформации человеческого существа? Бессмертие! Не так ли?

Все золото мира — ничто по сравнению с бессмертием. Или проще, как говорят в народе, «у гроба карманов нет».

И, *конечно же*, свои незаурядные алхимические таланты профессор Александр Васильевич Пель применял не столько для добывания «презренного металла», сколько ради «алхимии внутренней». На благо всего человечества.

Слава петербургского аптекаря вышла далеко за пределы столицы. Его стеклянные сосуды для асептического хранения жидких лекарственных растворов (проще — ампулы) стали настоящим прорывом в тогдашней фармакологии. Большое человеческое спасибо доктору Пелю уже из нашего «сегодня». Что бы врачи без ампул делали! Тем более при срочных вызовах!

Вместе с тем — нашумевшая тогда *«Эссенция спермина Пеля»*. Реклама сулила гарантированное избавление от «старческой дряхлости, полового бессилия, последствий пьянства, худосочия и истощения». Препарат наделал в столице много шума, эхо которого донеслось даже до Европы.

По сути, *«эссенция спермина»* — этап на пути к физическому бессмертию. Продление репродуктивного возраста до бесконечности — она и есть... вечная жизнь.

Почему же мы все до сих пор не бессмертны? Ведь если верить тогдашней массированной рекламе *«Эссенции спермина Пеля»*...

Выдержим паузу. А теперь спросим себя: кто из нас и когда верил и верит рекламе, сколь бы убедительной она ни казалась?

То-то и оно!

Хотя...

* * *

В аптеку профессора Пеля как-то году уже эдак в 1910-м заехал на бричке совершенно дремучий с виду бородатый мужи-

чина. Сразу повел себя непотребно. Будто он здесь хозяин, а все остальные — так... прислужники. Барски потребовал весь запас «эссенции». Сколько есть! И сколько бы это ни стоило! А то вот тут рекламу прочел! Смотрите у меня, ежели соврамши!

Клиент всегда прав. Да и (при всей непотребности поведения) заплатил золотом. Вот оно, вот оно — чистоган!

Выгребли все запасы. Выгодная сделка!

Клиент убыл со всем приобретенным.

В дальнейшем пришлось многим заказчикам отказать: мол, сейчас нет на складе. А еще в дальнейшем, когда запахло скандалом, пришлось просто подсунуть не то, что было. М-м, аналог, если угодно.

И — все! Канула в Лету *«Эссенция спермина Пеля»*. Препарат скомпрометирован раз и навсегда.

Что было, то и будет, и нет ничего нового под Солнцем.

Зато теперь мы почти доподлинно знаем из новейшей, возрожденной из пепла, истории:

Григория Распутина, *совершенно дремучего с виду бородатого мужчину*, убивали долго и мучительно (для убийц, а не жертвы!).

И пирожные, начиненные цианом.

И выстрелы в упор.

И удушение.

И, наконец, утопление в проруби...

А он, живой такой, веселый, оказывается, еще при всем при том в совокупности, — еще не сразу помер!

А вы мне тут говорите!

* * *

Любое нарушение покоя таинственного дома и его крылатых стражей было и есть наказуемо. При Советах в исторических интерьерах аптеки создали фармацевтический музей. Многие и многие стремились попасть туда, покопаться в старых пожелтевших тетрадях. Но отнюдь не каждому дозволялось. Только избранным. Да и то...

А стоило аптеку-музей закрыть и все экспонаты вывезти, реакция грифонов (?) не заставила себя долго ждать. В 2005 году — сильнейший пожар. Площадь возгорания — 300 квадратных метров. Жертвы. Запах гари — до сих пор.

Что ж, *они* по-прежнему на страже.

Будьте бдительны, современники! Да не постигнет вас участь несчастного Доната Глянца. Он-то искренне считал, что пришел взять свое...

ЭПИЛОГ

В кино никогда не бывает, как в жизни. Но в жизни иногда бывает, как в кино.

И вот — доподлинно:

Так называемые «лихие девяностые» (1996 г., август).

В «Пулково-2» прибыл самолет из Таллина, рейс FV440.

Среди пассажиров зарегистрирован некто Юхан Глянц (*потомок?!*), глава фармацевтической компании. Цель прибытия — заключение взаимовыгодных контрактов.

Поселился в отеле «Астория». Люкс. Провел несколько встреч с контрагентами. В переговорах звучало: виагра, инсулин, Брынцалов, спорамин, полная жопа.

На третий день пребывания затребовал экскурсию по старому Петербургу. Среди достопримечательностей особо пристальное внимание уделил Башне Грифонов на Васильевском острове.

В отель не вернулся. Пропал без вести.

Расследование ничего не дало.

Понятно, «лихие девяностые»...

Такое кино...

P.S.

Автор, следуя Оккаму, не умножил сущностей, кроме необходимых.

Намеренно нет ни слова о цифрах, испещряющих Башню Грифонов. Якобы то генетический код Вселенной, расшифровав который, можно понять, что такое черная материя, какие законы действуют при высоких энергиях, еще много всего любопытного, что позволит ученым сложить Главную формулу сущего...

Полная чушь! Цифры — всего лишь часть инсталляции художника Алексея Костромы (середина 90-х годов XX в.). Кирпичи были «оцифрованы». На верхушку башни было водружено огромное гнездовье из метел, а на него — яйцо. Инсталляция «Памятник яйцу, или Грачи прилетели». Сначала исчезло яйцо, потом порастаскали метлы. Цифры сохранились дольше — до плановой побелки...

Намеренно нет развития популярной в охлосе темы исполнения грифонами загаданных желаний. Хотя при сборе материалов с полдюжины людей (вменяемых!) надсадно доказывали, что с ними *так и было* во дворике аптеки Пеля: загадали — сбылось.

Полная чушь! Даже если что-то и сбылось, то post hoc non propter hoc (после этого не значит вследствие этого).

P.P.S.

Автор категорически против каких-либо вымыслов и домыслов.

Правду, одну только правду и ничего, кроме правды!

Решительное отмежевание от собратьев по перу, подпускающих в СМИ легенды, ради красного словца!

Как пример: сфинксы на Университетской набережной выбирают интеллектуалов среди прохожих и *зомбируют* их.

Легенде пятнадцать лет. «Многие верят».

Как еще пример: помимо тривиальных упырей-дракулоидов, существуют *энергетические* вампиры, не отличимые от людей, но сосущие жизненную энергию.

Легенде тридцать лет. «Многие верят».

Авторы этих легенд автору более чем известны. И ведь уважаемые люди! Стыдно!..

P.P.P.S.

Автор испытывает довольно смешанные чувства к ТВ-3, «настоящему мистическому» каналу.

АНТОН ПЕРВУШИН

Читать надо лучше!

(Разговор у киоска, или К вопросу о праве автора на умолчание)

Полемические заметки

Посвящается писателю Глебу Гусакову, который подбросил мне ключевую идею этих заметок

1. Речь в этих заметках пойдет о вещах давно известных и вроде бы банальных. Во времена моей молодости многие сегодняшние тезисы являлись аксиомами и не требовали доказательств. Но времена меняются, всё чаще приходится возвращаться к пройденному и растолковывать вещи, которые когда-то казались самоочевидными.

Например, совершенно очевидно, что за последние пятнадцать лет произошла десакрализация литературного творчества. Писатель и поэт больше не божественные существа, обитающие где-то в небесных высях, под хрустальными сводами издательств. Их слово (даже напечатанное на мелованной бумаге тиражом в сто тысяч экземпляров) больше не является чем-то особенно ценным, требующим неспешного изучения и еще более неспешного осмысления. Сам писатель был низвергнут общественным мнением с Олимпа на землю и превратился в глазах этого самого общественного мнения в нечто среднее между официантом и таксистом, которые, вместо того чтобы заниматься благородным делом (например, мешки ворочать), хитрят и ловчат, найдя себе непыльную работенку. Спасибо хоть статус проституток оставили за журналистами.

Почему так произошло? Ответ тоже очевиден. Если раньше писатель был где-то там в столицах, его книги надо было «доставать», его почтовый адрес был тайной за семью

печатями, а самого его можно было увидеть исключительно на творческом вечере, и то если повезет и он приедет в ваш городок с творческим вечером, то сегодня — подключайся к Интернету, набирай в поисковой системе имя любого писателя, с большой вероятностью через несколько секунд выйдешь на его сайт, на его живой журнал и на форум, где творчество этого писателя активно обсуждается. Больше того, та же поисковая система выдаст список произведений писателя, которые, не потратив на это ни особого времени, ни копейки денег, можно легко скачать и быстренько изучить. Благодаря информационным технологиям писатель с его творчеством стал легкодоступен — вот он, на расстоянии одного клика. Для того чтобы высказать ему свое восхищение или, наоборот, презрение, не нужно больше ждать творческого вечера или посылать письмецо в издательство в тихой надежде, что там оценят и передадут, всё стало гораздо проще: и восхититься стало проще, и помоями облить проще.

2. Итак, писатель несколько пал в глазах читателя. Но пошел и обратный, вполне предсказуемый, процесс — сам читатель вырос в собственных глазах. Он же *читает* всё это барахло, которое мы пишем, он же тратит свое драгоценное время на наши ученические упражнения, вместо того чтобы классику читать и перечитывать, он же, можно сказать, меценат и эстет, он же... Хотя нет, меценатом его назвать сложно. Меценат — тот, кто дает деньги на развитие искусств в надежде, что удастся вырастить талант, а наш читатель денег давать не хочет и о росте талантов не задумывается. Он считает, что вполне вправе скачать любую популярную новинку с пиратского сайта дня через два-три после ее выхода, пробежать ее глазами с «наладонника» в метро по дороге на работу, а потом прийти к автору в живой журнал и гордо написать, слегка переиначив Хармса: «Ты, говоришь, писатель? А я думаю, ты — говно!»

По идее, прислушиваться к мнению человека, который пользуется пиратскими сетевыми ресурсами и радостно сообщает об этом всему миру, не имеет особого смысла. Если писатель не занимается подобными вещами или не считает их нормальными, значит, между ним и подобным читателем нет точек соприкосновения ни в моральной, ни в эстетической сфере. Самый простой путь — игнорировать такого читателя или изобразить запредельную самовлюбленность в духе: «Я великий русский писатель, а вы все завидуете моему таланту

и успеху». Имеется еще один, почти безупречный, метод, предложенный во времена сетевых баталий в FIDONet: «Вы считаете, что это плохо? Напишите лучше!» — и всех делов-то. Однако писатели в большинстве — люди чувствительные, легкоранимые, хотят всем нравиться, как тот червонец, а потому почти сразу пытаются выяснить, почему же они «говно». И тут возможны варианты.

3. Остановимся и уточним один важный момент. В своем докладе я буду приводить примеры только из собственной практики. Это не означает, что я не слежу и не вижу, какие баталии разворачиваются на форумах и в блогосфере вокруг некоторых книжных новинок, однако не буду прибегать к этим примерам, поскольку не могу отвечать за сделанные другими авторами заявления и выдвинутые ими тезисы. Посему только о себе!

Обычно читатель, обзывающий автора всякими нехорошими словами на форуме или в живом журнале, в первый момент сильно удивляется, когда автор вдруг возникает на горизонте и начинает задавать разные неудобные вопросы. То есть к тому, что можно высказать в публичном месте любое мнение по поводу чужого творчества в любой момент и в любых выражениях, все привыкли, однако тот факт, что автор получил ровно такую же возможность возражать и требовать объяснений, что он может отслеживать упоминания о себе и своем творчестве в Сети, приходить в журналы критиков и критиковать их в свою очередь, многих до сих пор шокирует. А собственно, почему? Информационные технологии — это обоюдоострый инструмент. В Сети все становятся равнодоступны, нет, так сказать, ни эллина, ни иудея.

Лет десять назад писателю, который во время обсуждения его произведений на литературном семинаре или в студии пытался как-то оправдаться, объяснить свою позицию, говорили: «А объясняться будешь у киоска» — в том смысле, что автор не имеет возможности объяснять что-либо о своем творчестве каждому читателю, который купит его труд в книжном киоске, а потому должен всё рассказать и объяснить непосредственно в тексте. Но сегодня-то такой «киоск» есть! Писатель может дать разъяснения у себя на сайте и в своем живом журнале. Если кто-то из читателей недопонял чего-то в тексте и заявил об этом публично, автор имеет возможность зайти и поправить, пояснить. То есть писатель к такому

общению очень даже готов (я, например, люблю подобное общение, меня оно бодрит), но к нему совершенно не готов оказался читатель.

В первый момент читатель не может поверить, что автор вообще счел возможным вступить в спор. Писатель же должен помалкивать, а лучше — благодарить и кланяться за то, что его книгу прочитали. По принципу: вас, писателей, много и становится всё больше, а я, читатель, вид редкий, вымирающий. Вы должны отдать мне свои тексты бесплатно, а потом терпеливо ждать, когда я найду свободную минутку, чтобы с ними ознакомиться. А уж если мне вдруг не понравилось или я чего-то не понял, то вы сами виноваты, должны немедленно извиниться, убиться ап стену, выпить йяду.

Когда же писатель настаивает на разъяснении, почему не понравилось, что конкретно осталось непонятным, обычно следует бодрый, как от зубов, ответ: «Писать надо лучше!». Этот ответ в последнее время стал настолько популярен, что к нему начали прибегать даже профессиональные критики, которые вообще-то деньги получают как раз за разбор полетов и анализ, за выявление ошибок или, наоборот, достижений автора. И действительно — чего там обсуждать-то? Писать надо лучше!

Ну хорошо, говорит общительный автор, а как лучше? В какую сторону лучше? Чего не хватило лично вам, чтобы этот текст вызвал у вас одобрение и желание порекомендовать его своим друзьям?

Тут начинается некоторый скрип, но обычно первая реакция на подобные вопросы выглядит как апелляция к здравому смыслу. Дескать, автор написал полную фигню, поскольку ничего не понимает в жизни, — всего, что он написал, быть не может по определению и так далее.

Пример. Отзывы на мою фантастическую повесть «Небо должно быть нашим!». Тем, кто не читал, могу сообщить, что эта повесть написана в жанре альтернативной истории. В дневниковой форме в ней рассказывается история космонавтики — то есть как бы выглядела эта история, если бы американцы первыми запустили спутник еще в 1956 году. Дневник пишет некий удостоенный регалиями советский космонавт, который участвовал во многих альтернативно-исторических событиях: в орбитальной войне, в высадке на Луну, теперь он летит на Марс. В финале повести читатель узнает, что зовут этого космонавта Юрий Гагарин. Признаюсь

честно, я горжусь этой повестью. Потому что поставил перед собой довольно нетривиальную задачу и сумел ее, так или иначе, решить. Посему довольно нервно реагирую, когда меня применительно к этой повести начинают бранить, что я где-то там ошибся или чего-то недодумал, недотянул и так далее.

Претензии по этой повести можно разделить на две группы.

Первая группа претензий обычно исходит из стана либерально настроенных читателей. Кстати, заметил тенденцию, что некоторые из этих претензий исходят от читателей, которые судят о повести не по ее тексту даже, а по пересказу ее рецензентами, но это вообще характерно для российских либералов, которых ничему не научили даже бурные девяностые. Главная претензия либералов обычно такова: Первушин — певец режима, сука с тоталитарным мышлением, мечтающий о реставрации «совка» и нарисовавший коммуняцкую утопию, чтобы соблазнять ею неокрепшие умы. Особенно сильно задело меня заявление, что я, дескать, изобразил Гагарина коммунистическим идиотом, ненавидящим США, а он на самом деле был умный, прекрасно всё понимал про этот коммунизм, чуть ли не диссидент из Хельсинкской группы. Смолчать в данной ситуации я не смог и пошел выступать «у киоска». Я обратил внимание критика на то, что альтернативная реальность «Неба...» — вовсе не утопия, там кипят страсти и войны, и к ядерной войне они гораздо ближе, чем мы были в период Карибского кризиса, и Америка там жестче, и Советский Союз в большей степени напоминает фашистское государство. А то, что персонажам этот мир представляется справедливо устроенным, так это проблема персонажей — а в каких красках, по-вашему, должен воспринимать мир человек, с двадцати пяти лет состоящий в отряде космонавтов, ставший после полета на Луну популярнее самых популярных певцов и политиков, объездивший с визитами весь мир? Гагарин был умным, хитрым диссидентом? Вранье. Сразу видно, что вы не читали его книг. А я прочитал. Больше того, в повести очень много незакавыченных цитат из Гагарина. Найдите работы Гагарина в Сети, и работы о нем тоже неплохо бы почитать, чтобы понять, в общем-то, очевидную вещь: при страшном тоталитаризме никто не будет посылать на Луну и Марс человека, который проявляет хоть малейшую нелояльность к существующей власти. Подозреваю, что и при либеральной демократии тоже — всё ж таки этому человеку

доверяют очень дорогую технику, и его убеждения становятся частью того самого «человеческого фактора», который зачастую приводит к катастрофам. Гагарин не был идиотом, но он был сыном своей эпохи и верным сыном своей страны — изображать на его месте хитрого диссидента, который говорит на партсобраниях одно, а пишет в личном дневнике другое, у меня не поднимется рука. Неужели это нужно объяснять?

Вторая группа претензий исходит от советских патриотов, для которых любое покушение на идеологические мифы, в которых они живут по сей день, является кощунством. Мне несколько раз указали, что я подонок, не помнящий родства и преклоняющийся перед Западом, потому что нигде в тексте повести нет слов «космонавтика», «космонавт», зато есть в больших количествах такие слова как «астронавтика» и «астронавт». Что мне оставалось делать, как не пуститься в пространные объяснения, что слово космонавтика не использовалось даже в СССР до начала 1961 года, что общеупотребимым во всем мире до этого года был термин астронавтика, что космонавтику придумал Ари Штернфельд, но его к реальным ракетно-космическим разработкам не подпускали и вспомнили, только когда стали составлять первые наброски будущих победных реляций и увидели, как нелепо выглядит «советский пилот-астронавт» на языке страны, давно обогнавшей Запад в деле освоения космоса? Но в придуманной мною альтернативной реальности не Запад отстает, а Советы, Запад задает моду, он первым запустил «сателлит», а значит, слово «спутник» не стало общеупотребимым, не было, значит, нужды менять терминологию и на последующих этапах. Это не «бага», это — «фича»! Но чтобы понять и оценить фичу, вы должны были кое-что почитать, кроме моего текста и вне моего текста.

На это возражение опять следует совет: писать надо лучше! Если не умеешь объяснить мне, редкому, вымирающему читателю, свои фичи прямо в тексте, значит, плохой писатель, долой из литературы.

Пожалуйста, говорю я, хотите «объяснялок», их есть у меня, только вы ведь не будете читать текст с «объяснялками». И вы сами это прекрасно знаете.

4. С подобной претензией я сталкиваюсь очень давно, со второй половины 1990-х, когда пытался писать художественные тексты с большим количеством технических деталей: на-

пример, тетралогию «Пираты XXI века» — о доблестных российских летчиках. Наткнувшись на множество сложных фраз, на описания двигателей и моделей самолетов, критики, в том числе и профессионалы, в ужасе завопили и потребовали от меня в самых резких формах это «безобразие» прекратить, ибо они сами с усами, литературу почитывают не для того, чтобы про элероны с элевонами что-нибудь узнать, а если захотят про них узнать, то всегда отыщут научно-популярную книжку.

Мне много было рассказано о том, что есть, понимаешь, Первушин, такая вещь, как авторское умолчание. Что не надо лишний раз эрудицию демонстрировать, не надо всё, что знаешь, на бумагу немедленно вываливать, иначе читатель увидит, что он глупее автора, и обидится. Что самый прогрессивный метод — это метод отказа от каких-либо объяснений. Что особый кайф читатель как раз ловит тогда, когда получает возможность додумывать детали, которые автор не счел нужным ему сообщить... Ну и так далее. Вещи банальные и общеизвестные. Однако, как мы видели раньше, не такие уж сами собой разумеющиеся.

Таким образом, любой автор, который владеет большим объемом информации и стремится поделиться ею с читателями, раньше или позже встает перед неразрешимой дилеммой: если он хочет донести эту информацию, он вынужден насыщать ею текст, но чем сложнее текст, тем меньше у него будет читателей, а следовательно, информация будет донесена до куда меньшего круга, чем он рассчитывал. Повесть «Небо должно быть нашим!» легко превращалась в роман с многочисленными «объяснялками», вплоть до «объяснялки», кто такой Гагарин (мало ли, сейчас подрастает читатель совершенно незамутненный, ему скоро и это придется объяснять), но интересно ли это было бы читателю, если это не интересно было самому автору? Наоборот, автор буквально наслаждался, разбрасывая по тексту фигуры умолчания, намеки, скрытые цитаты и ссылки на массивы информации, — и, честно говоря, рассчитывал, что читатель оценит эту игру и присоединится к ней. Не получилось? Где же в таком случае искать золотую середину?

Выход видится всего один: писатель, которому есть что сказать вне художественного текста, не должен ограничиваться этим самым текстом. В дополнение к собственно тексту он может писать статьи, эссе, публицистику, научно-популярные и документально-исторические книги. И в самом деле — если

«объяснялки» мешают решать творческую задачу (например, загромождают текст), то куда разумнее вынести их в отдельную работу, при случае направив к ней читателя, если тот вдруг заинтересуется подробностями. Вообще это весьма почетное дело, особенно среди фантастов. Айзек Азимов написал десятки книг о современном ему состоянии науки, Лайон Спрэг де Камп писал о древних цивилизациях и мифических континентах, Станислав Лем размышлял на общефилософские темы и баловался футурологией, Стивен Кинг анализировал природу страха — примеров для подражания в этом смысле более чем достаточно.

Однако любой автор, прибегавший к подобной методике, раньше или позже сталкивается с претензией более высокого порядка. Любознательный представитель вымирающего вида читателей, которого отправляешь на поиски своей документально-исторической книги, более полно раскрывающей идеи, изложенные в такой повести, как «Небо должно быть нашим!», повадился задавать весьма неудобный вопрос: «А какое вы имеете отношение к истории науки и техники? А сколько времени вы провели в архивах?». Когда отвечаешь, что ты, слава богу, не историк и быть им не собираешься, а архивы игнорируешь, читатель понимающе вздыхает и исчезает навсегда.

Читатель в своем праве. Он имеет право требовать высокого профессионализма от писателя, иначе зачем бумагу переводим? Он только путает разные виды профессионализма. Ученый зачастую не владеет литературным языком, историк науки занимается узкоспециальными вопросами, не выходя за пределы своей ниши, а потому не может дать полноценной обобщающей картины — следовательно, и тому, и другому нужен литератор (желательно не только с навыками работы в гуманитарной сфере, но и с минимальным техническим образованием), который сумеет вычленить главное в груде фактов и фактиков, изложить это удобочитаемым языком, придумать некую гиперконцепцию. Когда меня спрашивают в очередной раз об архивах, я привожу пример одного моего хорошего знакомого, который когда-то принял участие в создании космической станции «Луна-3», сфотографировавшей обратную сторону Луны, и уже тридцать лет за государственный счет занимается изучением этого (и только этого!) вопроса. Он написал массу статей и даже выпустил небольшим тиражом книгу об этом. Уверяю вас, и

эти статьи, и эту книгу читать не просто скучно, а невыносимо скучно: слишком много мелочей, слишком много избыточных деталей. Вся полезная информация занимает не более пяти-шести страниц, а в моей документально-исторической книге «Битва за Луну» (27 авторских листов, 500 иллюстраций) история «Луны-3» занимает и того меньше — одну страницу. Конечно, историку науки или космонавтики монографию моего хорошего друга найти и приобрести необходимо, но если читатель со стороны, вопрошающий, сколько времени я провел в архивах, вдруг бросит все дела и тоже поспешит на ее поиски, то хочу его сразу предупредить: в упомянутом труде есть ошибки в датах, в цифрах, в размерности.

В сущности, писателю вроде меня хватает работы и без архивов. В авгиевых конюшнях, созданных учеными и историками (а они ведь тоже люди, которые имеют нехорошую привычку ошибаться), еще чистить и чистить. Если уж даже в официальных талмудах, выпускаемых госкорпорациями к собственным юбилеям, нет-нет да и встретишь «левый» индекс или «удивительную» дату, то что уж говорить о многочисленной документации, которая часто писалась на коленке в полевых условиях, без соблюдения положенных формальностей. Например, кто может сказать, как звали собаку, первой вышедшую на орбиту? Лайка? Уверены? А может, всё-таки Кудрявка? На этот непростой вопрос вам не ответит ни один архив. А если ответит, то потом может оказаться, что он ошибся. Да, архивы тоже ошибаются.

Но вообще, уважаемый читатель, а чем ты заслужил, чтобы я тратил время еще и на архивы? Может, ты готов оплачивать такую работу? Государство мне ее не оплачивает — времена СССР давно миновали.

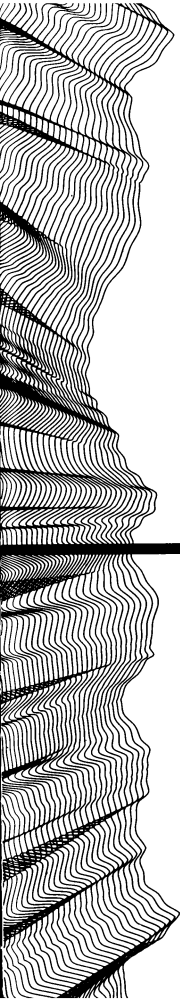
Еще один пример из моей богатой практики. Двухтомник «Космонавты Сталина» — документально-историческая книга с публицистическими главами. Сорок восемь авторских листов. Около трехсот иллюстраций, среди них — пятьдесят, специально нарисованных для книги ракетчиком-моделистом Александром Шлядинским. Восемь месяцев жизни. Сорок тысяч рублей на заказ архивных материалов. Предисловие от советника президента РКК «Энергия» Александра Железнякова. Масса положительных отзывов как от профессионалов из ракетно-космической отрасли, так и от любителей истории, включая известных фантастов Олега Дивова и Вячеслава Рыбакова. И что в результате? Тираж —

четыре тысячи, который расходился почти год через систему распространения не кого-нибудь, а «ЭКСМО», не разошелся и попал в позорный слив. Гонорар — шестьдесят тысяч рублей. То есть двадцать тысяч рублей чистой прибыли за восемь месяцев напряженной работы. А ведь если бы я за это время написал два вполне проходных фантастических романа, я получил бы раза в два больше за счет более высокого тиража и более высокой отпускной цены при минимальных затратах. Думаете, писать фантастику труднее, чем документально-исторические книги? Надеюсь, вы так не думаете. Какие там архивы? О чем вы? Когда я пожаловался в Сети на это странное положение вещей, тут же прибежал благодарный читатель, который радостно сообщил, что у нас теперь, слава богу, есть Интернет и даже такие редкие книжки, как «Космонавты Сталина», расходятся приличным тиражом. Можно подумать, я не знаю. Можно подумать, я не вижу, как за две недели на одном из сайтов было скачано двадцать пять тысяч копий плохо вычитанной пиратской версии. Можно подумать, я должен быть благодарен всем, кто скачал, за распространение моего текста.

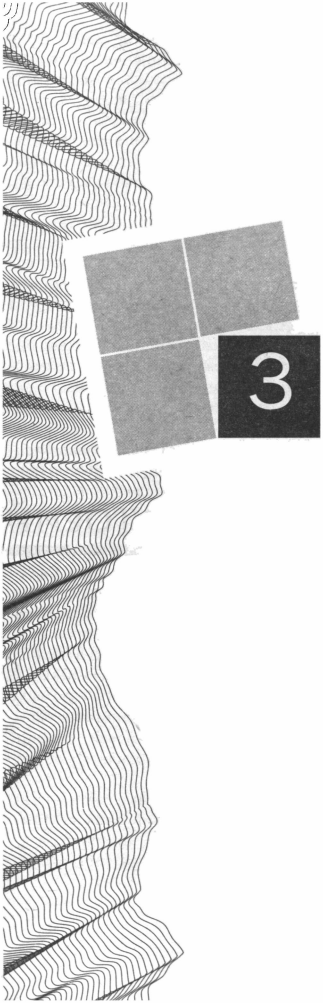
Поверьте, я не жалуюсь. Я просто прикидываю перспективы и оптимизирую трудозатраты. Всё будет нормально — и у меня, и у моих читателей. Только вот книги такого же уровня, как «Космонавты Сталина», больше не ждите. Это, извините, было деликатесное блюдо, но вы оказались не в состоянии его оплатить.

Подытоживаю. Современный читатель почему-то забыл, что литература — это соавторский процесс, требующий определенных усилий не только от писателя, но и от читателя. Пора напомнить читателю об этом. Хотя бы и так: НЕ ТРЕБУЙТЕ ПРОДУКТА НА МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ, ЕСЛИ САМИ НЕ ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ЗА НЕГО НИ КОПЕЙКИ. Писать надо лучше? А читать лучше не пробовали?!

Спасибо за внимание.



Информаторий


3

«Аэлита» продолжается!

Несмотря на непростые времена, XXVI Европейско-Азиатский фестиваль фантастики «Аэлита» прошёл в Екатеринбурге с 26 по 29 мая 2009 года. Главная премия «Аэлита» за вклад в развитие русскоязычной фантастики, учреждённая при редакции журнала «Уральский Следопыт», была вручена, а значит, фестиваль состоялся.

Времена нынче сложные — кризис, однако. Поэтому организаторам фестиваля удалось собрать на его проведение существенно меньше спонсорских средств, чем в прошлом году. Финансово фестиваль 2009 года состоялся благодаря помощи Уральского государственного университета (УрГУ) и нескольких любителей фантастики, вложивших частные средства. Серьёзную PR-поддержку фестивалю, как обычно, оказали Администрация города и муниципальное учреждение «Столица Урала».

Несмотря на это, пришлось отказаться от вручения в 2009 году премии «Старт», премии им. В.И.Бугрова и премии имени И.А. Ефремова. Так же не было на фестивале в этот раз иностранного гостя.

Но были замечательные российские почётные гости — писатели Сергей Лукьяненко и Владимир Васильев, а так же Дмитрий Байкалов (критик, журналист, сценарист, литературовед, составитель антологий, редактор) и Андрей Синицын (критик, книгоиздатель, редактор).

В первый день фестиваля в актовом зале УрГУ состоялось торжественное открытие мероприятия, на котором выступили группы самодеятельности университета.

27 мая программа фестиваля открылась пресс-конференцией в пресс-центре ИТАР-ТАСС-Урал, после чего прошёл семинар о тенденциях в современной фантастике и издательском деле, собравший множество участников. Вели семинар Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын.

В этот же день в книжном супермаркете «100 000 книг» на проспекте Ленина прошла автографсессия Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева, в которой участвовали также уральские писатели. Здесь же состоялась презентация нового сборника фантастики «Аэлита/005», уже традиционно выпускаемого при поддержке Управления культуры Администрации Екатеринбурга.

Завершился день в кинокомплексе «Салют» показом фильма «Дневной дозор» (по совместному роману Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева).

День 28 мая открылся семинаром молодых авторов, где подводились итоги пятого конкурса короткого рассказа (ККР). Семинар вели Борис Долинго и Евгений Лотош. По условиям конкурса жюри отбирало несколько работ, выбрать лучшую из которых должен был арбитр ККР, которым в этом году выступал сам Сергей Лукьяненко.

Также 28 мая прошли круглый стол по актуальным вопросам развития фантастики и общества, встречи с писателями и завершился день кульминацией фестиваля — награждением лауреатов в актовом зале УрГУ.

Надо отметить, что в этом году вручение премий на «Аэлите» началось раньше, чем сам фестиваль. Две «аэлитовские» премии — два ордена «Рыцарь фантастики» — вручались 31 апреля на конвенте «Интерпресскон» в Санкт-Петербурге. Оргкомитет фестиваля «Аэлита» имел честь передать один орден патриарху русской фантастики Борису Натановичу Стругацкому, а второй — одному из организаторов «Интерпресскона», главному редактору «Ленинградского издательства» Александру Викторовичу Сидоровичу, которого с полным правом можно отнести к патриархам российского фэндома.

На самом же фестивале главная премия «Аэлита» по итогам голосования Всероссийского жюри в 2009 году была вручена Владимиру Васильеву. Романтическая награда — орден «Рыцарь фантастики» имени И. Г. Халымбаджи — украсила грудь Сергея

Лукьяненко. Сергей же объявил победителя конкурса короткого рассказа ККР-2009 — им стала молодой автор из Екатеринбурга Анна Сырцова. Евгению Лотошу был вручён диплом редакции журнала «Уральский Следопыт» за лучшую публикацию в 2008 году (цикл статей «Ошибки и штампы в фантастике»).

Завершался фестиваль «Аэлита» 29 мая традиционным выездом на 17 километр Московского тракта к обелиску «Европа-Азия», где состоялся «Пикник на обочине» с поеданием шашлыков и традиционными тостами во славу российской фантастики. Вечером, уже в номере гостиницы «Большой Урал» самой забавной премией фестиваля — «АэЛитром» — наградили Андрея Синицына.

И тут уже пришла пора гостям и участникам фестиваля прощаться. Как всегда, эта процедура отдавала грустью — ведь расставались старые и новые друзья, писатели и просто любители фантастики, люди, которым хорошо и интересно вместе.

Но все расставались с надеждой, что ещё не раз встретятся вновь — здесь же, в Екатеринбурге, на фестивале фантастики «Аэлита».

Председатель оргкомитета
фестиваля «Аэлита»
Борис Долинго

«АБС-премия» — 2009

21 июня в Санкт-Петербурге состоялась одиннадцатая церемония награждения финалистов и лауреатов Международной премии в области фантастической литературы имени А. и Б. Стругацких («АБС-премия»), учрежденной санкт-петербургским Центром современной литературы и книги (при участии Правительства СПб) в 1998 году.

По итогам 2008 года в финальный шорт-лист премии попали:

В номинации «Художественная проза»:

Дмитрий Быков «Списанные» — М.: ПРОЗАиК, 2008.

Евгений Лукин «Лечиться будем» — журнал «Если», № 3, 2008.

Алексей Лукьянов «Глубокое бурение» — альманах «Полдень, 21-й век», № 6, 2008.

В номинации «Критика и публицистика:

Евгений Войскунский «Остров в океане» — журнал «Если», №8, 2008.

Владимир Ларионов «Беседы с фантастами» — Липецк: Крот, 2008.

Вячеслав Рыбаков «Напрямую» — СПБ: Лимбус-Пресс, 2008.

Ант Скаландис «Братья Стругацкие» — М.: АСТ, 2008.

Семь произведений-финалистов были выбраны Б. Стругацким из четырех десятков романов, повестей, рассказов и семнадцати эссе, критических исследований и литературоведческих работ, предложенных номинационной комиссией. Лауреатов определило жюри, состоящее из семнадцати писателей и критиков, живущих в Петербурге, Москве и других городах России.

21 июня на берега Невы приехали все финалисты, кроме Евгения Войскунского. Гостем Оргкомитета стал красноярский писатель Михаил Успенский, лауреат «АБС-премии» 2003 года.

Солнечная погода позволила финалистам с комфортом совершить традиционное путешествие по рекам и каналам Северной Столицы. На сей раз проплыли рядом с крейсером «Аврора».

Церемония награждения началась в 15 часов. Протекала она традиционно в Белом зале Центра современной литературы и книги.

Гостям представили финалистов. «Тронную» речь отсутствующего по болезни Бориса Стругацкого прочитал Александр Житинский.

Финалисты и спонсоры получили дипломы.

А чуть позже члены Оргкомитета Андрей Измайлов и Андрей Лазарчук вскрыли конверты с именами лауреатов, и стало известно, что медалей «Семигранная гайка» в этом году удостоены волгоградец **Евгений Лукин** (в третий раз) и москвич, старейший мэтр отечественной фантастики **Евгений Войскунский**.

По традиции Евгений Лукин, загадав желание, расписался на Золотом Шаре.

Все финалисты и лауреаты получили также и денежные премии.

Завершилась церемония также традиционно — фуршетом «Пикник на обочине».

Николай Романецкий
отв. секретарь Оргкомитета

Наши авторы

Натан Блай (род. в 1981 г. в г. Уфа). По специальности — филолог. Имеются газетные публикации. Живет в Уфе.

Майк Гелприн (род. в 1961 г. в Ленинграде). Закончил Ленинградский политехнический институт. Публиковался в различных журналах России, Украины и США. В настоящее время живёт в Нью-Йорке. В нашем издании печатался неоднократно.

Михаил «Зипа» Зипунов родился в конце 70-х в Киеве. Во второй половине 90-х учился на филфаке Киевского славянского университета. В это же время начал писать рассказы. Работал внештатником на нескольких киевских радиостанциях. Соорганизатор сетевого конкурса украиноязычного фантастического рассказа «Зоряна Фортеця». Участник литературно-мистической группировки «ТРИПЕРА» (вместе с Алисой Либертас и О.В.-Б.). Участник рок-группы «О.З.». Публиковался в альманах Гоголевской академии «Digital Романтизм» и «Digital Романтизм ver.2.0»; журналах «Золота Доба», «Київська Русь», «Реальность фантастики», «Чума».

Андрей Измайлов (род. в 1953 г. в Баку). Закончил факультет журналистики ЛГУ. Член Семинара Бориса Стругацкого. Мастер отечественного триллера (трилогия «Русский транзит», дилогия «Час треф», «Белый ферзь», «Трюкач», «Считаю до трех!» и др.). Живет в Санкт-Петурбурге. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Антон Первушин (род. в 1970 г. в Иваново). Выпускник санкт-петербургского государственного политехнического университета. Член семинара Бориса Стругацкого и литературной студии Андрея Балабухи. Публикуется с 1990 года. Автор остросюжетных романов и документально-исторических книг. Лауреат литературных премий: «Звездный мост», «Eurocon Encouragement Award», премия имени Александра Беляева», премия Ивана Ефремова. В 2005 г. был удостоен премии Союза писателей Санкт-Петербурга как лучший молодой прозаик Северо-Западного региона. В нашем альманахе печатался неоднократно. Адрес персональной страницы: http://apervushin.narod.ru

Алексей Рыжков (род. в 1972 г. во Львове). С 1987 года живет в г.Урае Ханты-Мансийского АО. Инженер-программист, ген. директор Студии программного обеспечения «ЮНИТ».
Автор романа «Ганимед-6». Личный сайт: www.alex-ryzhkov.ru.

Ольга Силаева (род. в 1982 г. в Москве). Закончила факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ. Первая публикация автора — рассказ «Зачем мне это?» в журнале «FANтастика» и в сборнике «После Апокалипсиса» издательства «Азбука». Живет в Москве, работает программистом, в свободное время пишет фантастику и диалоги для компьютерных игр.

Андрей Скоробогатов (род. в Свердловске, где проживает до сих пор). В 2006 г. закончил Уральский политехнический колледж по специальности ЭВМ, с 2007 г. по настоящее время — студент-заочник УрГПУ (информационные технологии в образовании). Работает инженером компьютерного центра (системным администратором). Пробовать себя как писатель стал примерно в 14-летнем возрасте, с 2007 года участник фестиваля «Аэлита», различных сетевых конкурсов. Имеет две публикации в журнале «Уральский Следопыт». Сайт: avskor.my1.ru.

Аделаида Фортель (псевдоним Инги Киркиж). Родилась в Ленинграде, окончила филологический факультет СПбГУ. Публиковалась в журналах и сборниках. В 2006 году в издательстве «Амадеус» вышла книга «О настоящем василиске». Успела побыть школьной учительницей, элитной нянькой, посудомойкой, логистом в нефтяной компании и канадским эмигрантом. Сейчас живет в Москве, пишет сценарии для телевидения и кино. В нашем издании печаталась неоднократно.

Марина Ясинская (28 лет). По российскому образованию юрист и лингвист, по канадскому — магистр права. Пишет около четырех лет. Публиковалась в журналах «Мир фантастики», «Химия и жизнь», «Реальность фантастики», «Уральский следопыт», «Шалтай-Болтай» и др. Живет в г. Эдмонтон (Канада). Занимается правовыми исследованиями для департамента уголовных апелляций провинции. В нашем альманахе опубликован рассказ «Убий» (июнь 2009 года, в соавторстве с Майком Гелприным).

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Александр Житинский.
3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ
Ольга Силаева «ЗАЛОЖНИКИ». *Рассказ*
7
Натан Блай «ПЬЮЩИЙ». Рассказ
39
Андрей Скоробогатов «СИБИРСКАЯ РАПСОДИЯ». *Рассказ*
51
Майк Гелприн, Марина Ясинская «ВОСЕМНАДЦАТЬ ПУЛЬ В ГОЛОВУ». *Рассказ*
71
Алексей Рыжков «ПРЕВОСХОДНАЯ РЕПУТАЦИЯ». *Рассказ*
97
Аделаида Фортель «ТЕЛЕЖКА НА ОДНОМ КОЛЕСИКЕ». *Рассказ*
105
Михаил «Зипа» Зипунов «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ». *Рассказ*
127

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ
Андрей Измайлов «ГРИФ: ГРИФОНЫ»
139
Антон Первушин «ЧИТАТЬ НАДО ЛУЧШЕ!»
157

ИНФОРМАТОРИЙ
«Аэлита» продолжается
169
«АБС-премия» — 2009
172
Наши авторы.
174

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

Читайте в сентябрьском номере:

Повесть
Владимира Голубева
«Купол»

а также произведения
Евгения Лукина,
Александра Щеголева,
Ники Ракитиной
и других авторов

1861
ВОКРУГ СВЕТА
www.vokrugsveta.ru